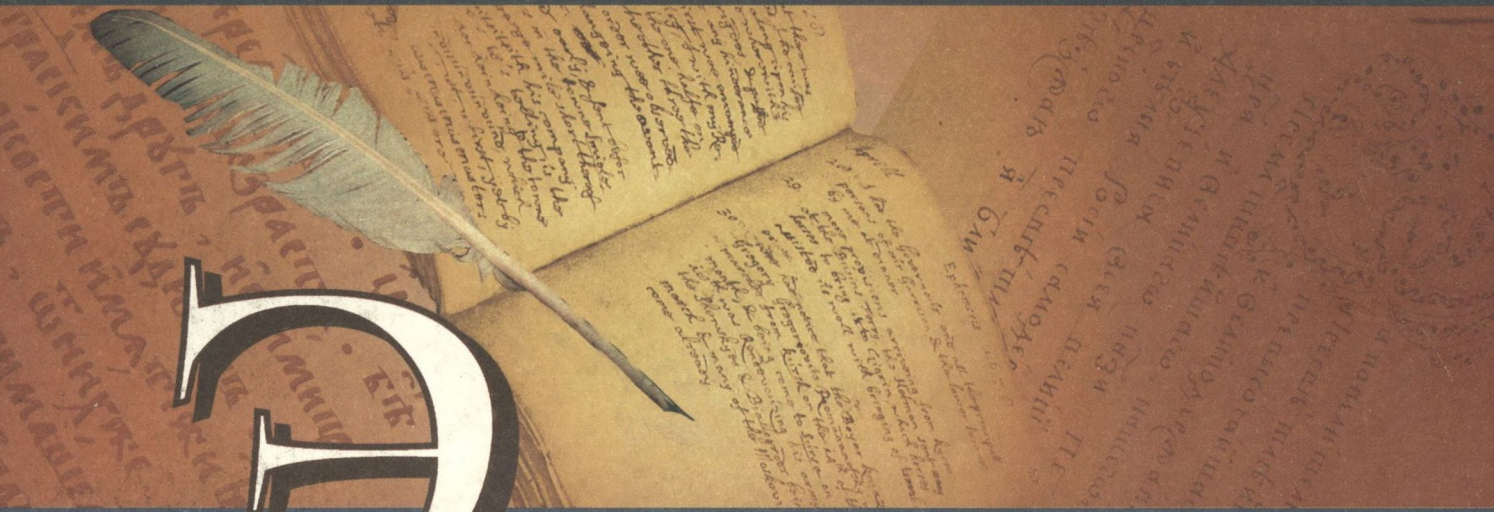
Б.А. СЕМЕНОВКЕР



Эволюция информационной деятельности

Рукописная информация. Часть 3

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Б.А. Семеновкер

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

РУКОПИСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ЧАСТЬ 3

Москва
Издательство
«ПАШКОВ ДОМ»
2013

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Б.А. Семеновкер

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БИБЛИОГРАФИИ

•

ВИДЫ БИБЛИОГРАФИИ

•

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

•

СВЕДЕНИЯ О БИБЛИОГРАФАХ

УДК 01(091)
ББК 78.5
С 30

Семеновкер Б. А.

С 30 Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Ч. 3 / Б. А. Семеновкер ; Российская гос. б-ка. — М. : Пашков дом, 2013. — 192 с. —
ISBN 978-5-7510-0554-2

Агентство CIP РГБ

Книга известного историка информационной деятельности и библиографии, доктора педагогических наук Б. А. Семеновкера является третьей частью исследования рукописного периода информационной деятельности и посвящена библиографии.

Предназначена она специалистам по научной информации, книжному делу, библиотекам, архивам, музеям и библиографии, а также тем, кто интересуется ранним периодом развития информационной деятельности, ставшей в настоящее время одним из столпов существования человечества.

УДК 01(091)
ББК 78.5

ISBN 978-5-7510-0554-2

© Семеновкер Б. А., 2013
© Покатов В. В., художественное оформление, 2013
© ФГБУ «Российская государственная библиотека, издательство «Пашков дом», 2013

Посвящается С.П. Гараниной

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

ГЛАВА 1

Библиография как объект исторического исследования

Эволюция является историческим процессом, т. е. отображением того, что было ранее, а не того, что может быть или будет. Эволюция была неравномерной. Как писал И.Г. Моргенштерн в дискуссионной статье, посвященной изучению истории библиографии, «для истории мировой и отечественной библиографии характерны разрывы во времени, когда предавались забвению деяния и достижения предшественников, составленные ими библиографические пособия, а методы и формы изобретались заново» (20, с. 4).

В то же время ничто не исчезало, но могло уходить в тень, а затем вновь появляться в эволюционном процессе. Иногда казалось, что развитие прекратилось и библиография вообще исчезла, но историческое исследование показывало, что эта точка зрения ошибочна. Например, К.Р. Симон в своей «Истории иностранной библиографии» утверждал, что в Византии не было библиографии (38, с. 49—50). Иными словами, он считал, что после активного развития в древности, когда в Греции и в эллинистическом мире библиография была изобретена (что нашло отражение в его работе), в средневековый период греки о ней начисто забыли. У нас возникли сомнения в этом выводе. И в результате появилась монография «Библиографические памятники Византии» (39), в которой со всей очевидностью показано, что древнегреческая библиографическая традиция не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие с непрекращающимся ростом содержания и форм библиографической информации. Это показала также вся дискуссия 1988—2007 гг. по вопросу о том, что изучает история библиографии (1; 20).

Более глубокое и многостороннее исследование истории библиографии разных времен и народов тоже подтвердило этот вывод. Более того, оно выявило тот факт, что труды по истории библиографии существуют у многих народов на их национальных языках, например, на армянском Р. Ишханяна (15), на литовском В. Жукаса (13), на китайском Яо Мин-да (60) и др. Это делает создание всеобщей истории библиографии исключительно сложной задачей.

Длительное время считали, что библиография началась только после изобретения книгопечатания. За древностью признавали только единичные проформы, которые можно было не принимать во внимание. Однако уже в 30-х гг. XX в. стало очевидно, что эта точка зрения является ошибочной (52, с. 184). Кроме того, не уточнялось, какие даты считать начальными для книгопечатания. В разных странах и цивилизациях они значительно отличались друг от друга. Так, в Китае, где собственно в XI в. был изобретен подвижной шрифт, книгопечатание было широко распространено в форме ксилографии и литографии уже с IX в. Из Китая началось движение этого изобретения на Запад, в Европу оно пришло только в XV в. В самом Китае из-за особенностей иероглифического письма и трудностей создания необходимого набора подвижных шрифтов массовое книгопечатание машинным способом началось только в XX в., особенно после революции 1911 г. (42, с. 56, 60—61).

В свою очередь библиография в Китае уже в достаточно значительных формах возникла еще в I в. до н. э., а в X—XIII вв. во время династии Сун количество библиографических трудов стало огромным. В различных китайских источниках было зафиксировано 47 сунских библиографических работ, из них до нашего времени сохранилось целиком 8 и фрагментарно 1 (там же, с. 303—306). Что касается Европы, то первой печатной библиографической работой, по содержанию направленной в рукописный период, стала «Книга о церковных писателях» Иоанна Триттенгемского, изданная в 1494 г. (38, с. 71).

В русской библиографии такой пограничной работой между рукописным и полиграфическим периодами является «Оглавление книг, кто их сложил», которое относится ко второй половине XVII в. (14, с. 36; 50, с. 30—33). К XVII в. относятся также библиографический труд Хаджжи Халифы, созданный в Турции, и систематическая библиография еврейских книг, а первым библиографическим трудом, в который вошла информация о еврейских книгах, была «Универсальная библиотека» (1545—1555) Конрада Геснера (62, с. 89).

Подобно тому, как в соответствии с Аристотелем человек — существо политическое, т. е. не может существовать без общения с себе подобными, по той же причине человек является существом информационным. Поэтому развитие информационной деятельности и библиографии — естественный исторический процесс. Естественно также, что для развития вторичной информации необходим определенный объем и уровень первичной. В каком-то смысле появление и развитие библиографии стали индикаторами объема первичной информации в обществе. Немецкий теоретик библиографии Фр.Ад. Эберт (1791—1834) отметил, что библиография — «самый надежный измеритель степени и высоты письменной культуры и деятельности» (38, с. 316).

Н.В. Здобнов и К.Р. Симон оба отмечают важность изучения начальных стадий библиографических явлений (14, с. 17; 38, с. 8—9). Возникновение библиографии — свидетельство того, что в обществе появился метод письменной фиксации текстов (32, с. 81). Греческие агоны восходят к дописьменному периоду, но «Диаскалии» уже являются свидетельством письменной регистрации их результатов.

Связь литературы и библиографии как частей информационной культуры никогда не вызывала сомнений. Подробное исследование этой проблемы было осуществлено нами в статье «Эволюция библиографии как литературного феномена» (36). Литература — почва библиографии. Чем раньше появляется литература, тем скорее вместе с ней возникает библиография, т. е. информация о литературных текстах. Чем больше литературных текстов, тем больше

библиографической информации, т. е. средства поиска в них. При этом в древности, особенно на Древнем Востоке, где зарождались многие формы современной цивилизации, «литература» понималась достаточно широко: не только художественная, но также назидательная и учебная, словари, тексты из гробниц, тексты, имеющие семейный или личный характер.

Фундаментальное влияние на отношения литературы и библиографии оказала индивидуализация отношения к литературным текстам. В древности при переходе от устной культуры к письменной автор был признан субъектом творческой деятельности. Появилась потребность указывать автора литературного текста персонально в отличие от анонимного подхода в дописьменной и ранней письменной цивилизации.

Библиография начинает представляться как свод литературной истории, как мерило ценности литературной культуры и достижений (63, с. IX). Этому служат библиографические списки и каталоги, которые в свою очередь считаются литературными произведениями (32, с. 90). В Европе в XI—XII вв. библиографические списки с указанием античных авторов имели огромное значение для развития литературы, создания новой, уже весьма отличной от «классического» средневековья, поэтики и новых риторических стилей (5, с. 172).

В Китае значение библиографии как важной вспомогательной дисциплины, необходимой для знания литературы, было осознано уже очень давно. Так, один из авторов того времени писал: «Не сведущий в библиографических работах не может изучать литературу Китая» (42, с. 295—296, примеч. 1). На Руси слабое состояние библиографии вплоть до конца XVII в. объяснялось недостаточным развитием всех видов литературы, кроме церковной.

Наконец, имеет смысл упомянуть о стихотворной библиографии, соединении библиографического содержания и поэтической формы. Эта форма библиографии возникла в древности и дожила до XX в. Около 60 г. до н. э. Мелеагр из Гадары составил поэтический сборник под названием

«Венок». Он имеет библиографическое введение в поэтической форме. В соответствии с древней традицией поэты сравниваются с различными цветами и растениями. Введение начинается следующими стихами:

Милая Муза, кому ты несешь плоды этой песни?
Кто из поэтов тебе песенный создал венок?
Это свершил Мелеагр и Диокла достойную память
Этим созданьем своим благоговейно почтил.
Много вплетя в него лилий, Миро базиликов,
Мало сапфических роз, но настоящих зато.
Вплел он нарцисс Меланиппида, гимнов исполненный звучных,
И Симонидовых лоз новый побег молодой...

Далее упоминаются имена других поэтов, имена которых вошли в поэтический сборник. В конце введения он упоминает собственные стихи, сравнивает их с левкоями. Традиция указывать себя и свое творчество последним в библиографическом обзоре сохранилась в библиографии.

В XX в. В.Я. Брюсов составил автобиблиографический список в стихотворной форме. В стихотворении «О себе самом» он дает перечень своих девяти поэтических сборников, упоминая в каждой строфе заглавие сборника и кратко излагая его содержание. Стихотворение было помещено в последнем из этих сборников «Девятая камена» (муза).

О себе самом

Хвала вам, девяти каменам.
А. Пушкин

Когда мечты любви томили
На утре жизни — нежа их,
Я в детской книге «Ювенилий»
Влил ранний опыт в робкий стих.
Мечту потом пленили дали:

Японский штрих, французский севр,
Все то, об чем века мечтали,
Чтоб ожил мир былой — в «Chef d'Oeuvre».
И трепет неземных предчувствий
Средь книг и беглых встреч тая
Я крылий снам искал в искусстве
И назвал книгу «Это — я»...

Библиографию необходимо изучать в ее связи с наукой и ее участием в распространении знаний. Так, Бируни видел в составлении перечней трудов ученых одну из форм распространения знаний. С этой целью Бируни составляет «Фихрист (список, указатель) книг Мухаммада ибн Закарии ар-Рази», крупнейшего естествоиспытателя, философа и врача мусульманского мира (18, с. 57).

В целом для средневековой мусульманской культуры типично стремление зарегистрировать все интеллектуальные достижения в виде библиографических списков. Считается, что ранние библиографические пособия сыграли жизненно важную роль в передаче достижений мусульманской науки на латинский Запад. Эти источники информации об арабских книгах дали возможность европейцам получить представление о современной им мусульманской науке, что также привлекло множество европейских ученых в исламские страны (72, с. 215).

Еще одной особенностью библиографии, начиная с раннего периода, является стремление к унификации. Эта особенность достаточно очевидно проявилась в рукописный период, получила дальнейшее подтверждение после изобретения книгопечатания и в последнее время нашла выражение в широкой стандартизации (33, с. 13).

История библиографии — это история библиографических пособий, т. е. библиографической информации, а то, что обеспечивало ее создание и использование (методика, организация и др.), чаще всего оставалось вне пределов рассмотрения. В определенный момент идеи стали находить выражение не в виде пособий, а в виде методических

и научных работ. В этот момент начинается формирование информационной науки в отличие от практики. Библиография превращается в профессиональную деятельность по своим нормам и правилам.

Четыре выпуска проекта «Эволюция информационной деятельности» являются первой половиной проекта. Вторая половина связана с развитием полиграфии и компьютерной техники. Поэтому первую половину можно было бы объединить в независимую монографию под названием «Эволюция информационной деятельности до книгопечатания».

ГЛАВА 2

Название библиографии, ее возникновение и связи с библиотеками

До Габриэля Ноде, который в 1633 г. ввел слово «библиография» для обозначения своего библиографического труда «Bibliographia politica» (Венеция, 1633), такие работы было принято обозначать словом «библиотека». Этот обычай дожил до нашего времени, см., например «Bibliotheca Judaica», изданная в 1960 г. (55).

Слово «библиография» греческого происхождения и состоит из двух греческих слов — «книга + пишу». Греки и употребляли его именно в этом значении. «Библиограф» был человек, который писал, переписывал книги, т. е. «писец». В современном значении греки данное слово никогда не употребляли. В настоящее время этот вопрос считался настолько спорным, что крупнейший историк древней и средневековой библиографии Р. Блюм посвятил ему специальную монографию «Библиография: историческое исследование слова и понятия» (56).

В греческом мире для обозначения библиографического списка или указателя использовалось слово «пинакс» — «pinax» (множ. ч. pinakes) с первоначальным значением «таблич-

ка». Возможно, так назывались таблички, которые прикреплялись на библиотечные контейнеры со свитками определенных классов литературы. Позднее слово стали использовать для обозначения списка авторов или каталога (98, с. 132).

Применялось в значении «библиография» также слово «библиотека» в связи с определенным смешением этих понятий. Это объяснялось тем, что библиография возникла в большой степени как каталог библиотеки, а после этого могла быть основой для ее комплектования. Слово «библиотека» до сих пор используется в значении «библиографическое пособие».

В Китае для обозначения библиографии применяется термин «му лу сюе» («му лу» — каталоги и «сюе» — учиться). Считается, что термин «му лу» существует уже более 2000 лет (42, с. 295, 298).

Возникновение библиографии. Библиография и библиотеки

Вопрос о возникновении какого-либо явления всегда был кардинальным для понимания его последующей истории и эволюции. То же относится и к библиографии, ее различным видам и процессам.

Время появления библиографии издавна было предметом научных споров. При этом не принимались во внимание особенности различных цивилизаций, в том числе древних и средневековых. Длительное время весьма распространенной была точка зрения, что библиография началась только после изобретения книгопечатания. Так, Т. Бестермен называл Иоанна Триттенгемского, который издал свою «Книгу о церковных писателях» в 1494 г., отцом библиографии. Все достижения рукописного периода представлялись ему минимальными и недостаточными, чтобы их можно было именовать «библиография» (53, с. 3—10).

Той же точки зрения придерживался немецкий историк библиографии Г. Шнейдер. Более того, он считал, что кни-

гопечатание лишь способствовало возникновению идеи библиографической деятельности. Подлинная библиография появилась лишь через десятилетия после изобретения книгопечатания (90, с. 2). Вся ранее существовавшая библиографическая информация считалась «эмбрионом» библиографии, прото— или предбиблиографией, хотя здравый смысл мог бы подсказать, что при наличии любых форм библиографической информации нельзя считать, что библиография еще не возникла.

Необходимо также принять во внимание, что при решении вопроса о появлении библиографии в какой-либо цивилизации или регионе нужно различать возникновение и диффузию, т. е. заимствование. Так, на Руси библиографические тексты появились в XI в., но это были переводы с греческого. В современных развивающихся странах библиография могла возникнуть уже в XX в., и в основе лежал библиографический опыт человечества, накопленный на протяжении веков.

Изучение вопроса показывает, что древние письменные цивилизации независимо друг от друга неизбежно порождали сначала первичную, а затем вторичную информацию. Поэтому начало библиографии необходимо искать в странах Древнего Востока, в старейших письменных цивилизациях Египта, Месопотамии и Китая задолго до появления даже идеи о книгопечатании.

Возникновение библиографии зависело от общей культуры той цивилизации, в которой она появилась. Например, основным принципом древнегреческого общества было соревнование (агон), и соответственно первая библиография «Дидаскалии» была агональной.

Библиографическая деятельность вызвана была появлением значительного количества документов, как архивных, так и литературных (книг), для их эффективного хранения и использования. Эта норма являлась характерной практически для всех стран. Так, в исследовании истории библиографического описания в России Н.А. Никифоровской отмечено, что «в России, как и в других странах, возникновение библиографии и библиографического описания практически совпадает

по времени с появлением самих книг» (22, с. 7). Интерес и уважение к книге привели к возникновению ссылок на них и списков книг, помогавших узнать о существовании текстов (книг), о том, где и как их разыскать (5, с. 169).

В Месопотамии, древнейшей наряду с Египтом письменной цивилизации, на возникновение и характер библиографических текстов оказали влияние следующие общие факторы: сосуществование шумерского и аккадского языков; переход от устной культуры к письменной; количество и типология шумеро-аккадских литературных произведений; установление их общепринятой формы (канонизация, стандартизация) при профессиональном использовании, прежде всего писцами, в процессе обучения в школах и при создании различных библиотек (в том числе государственных), самой знаменитой из которых была библиотека ассирийского царя Ашшурбанапала (669 — ок. 633 гг. до н. э.); переход от анонимности к указанию авторства литературных произведений (32, с. 80—81). Наконец, для древней Месопотамии важным фактором появления библиографии была склонность к составлению разного рода списков и перечней. Одной из причин этого явления было возникновение государства с его стремлением к учету и инвентаризации (12, с. 157—162).

Для всех древних и затем для средневековых цивилизаций одним из стимулов для возникновения библиографии был переход от анонимности к указанию авторства произведений — результат повышения внимания к творческой личности. Причем подлинность или фиктивность автора, например в библиографических введениях в поучениях, не имела значения, хотя в дальнейшем эта проблема стала одной из основных в научных исследованиях библиографов эллинистического периода (32, с. 81—82; 33, с. 155; 34, с. 111).

Зарождение библиографии связано также с появлением и развитием библиотек. В дальнейшем, вплоть до настоящего времени библиотечное дело и библиография существовали совместно, что неизбежно вело к взаимному обогащению. У евреев в рассеянии не было библиотек, и потому длительное время, особенно в средневековый период, не было

библиографии. Библиотеки — банки текстов (в дальнейшем изданий) нуждались в банках информации об этих текстах, для пополнения (комплектования) фондов и для поиска в них. Чем больше текстов скапливается в одном месте, тем более необходим инструмент поиска и обеспечения учета фонда. Вот почему нужна вторичная, библиографическая информация. Поэтому библиотеки неизбежно порождают библиографию. Соответственно национальные (государственные) библиотеки, которые по культурным и государственным соображениям стремятся собрать всю национальную литературу, неизбежно становятся колыбелью национальной библиографии. Это произошло в эллинистической Александрии в III в. до н. э. и в I в. до н. э. в Китае (46, с. 138). Более того, в Китае из-за гибели государственных библиотек при смене династий новой династии приходилось воссоздавать государственную библиотеку и вместе с ней составлять новую национальную библиографию (там же, с. 140)[1].

Связи библиографии и библиотек выражаются в библиотечной документации: каталогах, описях, списках. По сути дела библиография — это каталог без фонда. Возникнув в библиотеке, библиография постепенно отделилась от нее, но взаимосвязь сохранялась благодаря тому, что и каталоги, и библиографические материалы состоят из наборов библиографических записей.

Сводные каталоги и генеральные каталоги библиотек относятся к истории как библиотечного дела, так и библиографии, несмотря на то, что объем и характер информации в них может отличаться от записей в библиографических пособиях. Объекты библиографического отражения, по вы-

[1] Вопрос о том, была ли национальная библиография эллинистического Египта и Китая скорее государственной, построенной по принципу языка основного народа страны, или только государственной, которая имела целью совершенствование государственного управления и цементирование государства как единого целого, является спорным. Для его решения необходимо специальное исследование, которое выходит за рамки настоящей работы. Как тут не вспомнить старый нейтральный термин: учетно-регистрационная библиография.

ражению Э.К. Беспаловой, обособляются от фонда хранения (1, с. 65).

Тем не менее библиотеки, особенно в начальный период, были источниками библиографии. Поэтому так трудно провести резкую разграничительную линию между каталогом национальной библиотеки и национальной библиографией. Чем были «Таблицы» Каллимаха — каталогом Александрийской библиотеки или греческой национальной библиографией? Существуют самые различные точки зрения (33, с. 19—20).

Нередко библиографические пособия составлялись с использованием библиотек, в том числе личных. Так, Иероним при составлении списка церковных писателей опирался на собственную библиотеку. Его даже упрекают за то, что он больше никакие другие библиотеки не использовал. Он старался, но не мог. Основой библиографического труда Кассиодора была библиотека Вивария (58, с. 105—106, 130—132).

В середине XIII в. канцлер Амьенской церкви магистр Ришар де Фурниваль написал сочинение «Книгозаконие» (Biblionomia). Оно было составлено на основе личной библиотеки автора и, по всей видимости, было ее каталогом. Однако в конце XIV или начале XV в., т. е. через полтора века после написания, «Книгозаконие» использовалось читателями в библиографических целях. Как отмечает К.Р. Симон, не было смысла переписывать каталог уже давно не существующей библиотеки. Таким образом, имело место взаимодействие между функциями библиотечного каталога и библиографического пособия (38, с. 58—61).

Наконец, необходимо отметить, что зарождение библиографии было несомненно связано и с возникновением и развитием науки. Так, «Дидаскалии» появились в школе Аристотеля, и перипатетики сыграли ключевую роль в создании Александрийской библиотеки с ее последующими библиографическими начинаниями.

Впервые библиографическая информация появилась в двух древнейших цивилизациях Древнего Востока: в Египте и в Месопотамии. Документально первое библиографическое

введение установлено в «Поучении Джедефгора», которое датируется примерно 2600 г. до н. э. Текст введения был найден на остраконе. До Джедефгора, возможно, существовали два других поучения, в том числе «Поучение Имхотепа», знаменитого архитектора и врача III династии в царствование фараона Джосера (ок. 2780—2760 г. до н. э.). Но эти поучения до нас не дошли. Библиографические введения в поучениях были своего рода выходными данными, их титульным листом со сведениями об авторе и читательском назначении (34, с. 115—117).

В Месопотамии библиографические введения в поучениях относятся к III — началу II тысячелетия до н. э. Это «Шуруппак» в нескольких вариантах, позднее во II тысячелетии — «Шубеавилим» в аккадской и хетской версиях и «Советы мудрости» (32, с. 83).

Введения в древнееврейских текстах встречаются в «Книге Неемии», в Книге псалмов и в Литературе Премудростей. Как в Египте и Месопотамии, эти введения включают прежде всего сведения об авторе (7, с. 165, 171, 175). Библиографические введения имеются и в кумранских текстах. Они указывают на то, что они предназначены для «руководителя» общины (6, с. 119).

В древней Греции библиография возникла как агональная, и первым ее памятником были «Дидаскалии». «Таблицы» Каллимаха были первым национальным библиографическим указателем, а также первым биобиблиографическим.

Первый список книг в Западной Европе относится к VIII в. Это, скорее, небольшая опись библиотеки. Она находится на последнем листе книги и включает записи с краткими названиями, а для некоторых книг с именами авторов. Какая-либо система в расположении записей отсутствует. Если том включал несколько произведений, приводилось только заглавие первого из них (94, с. 258).

Средневековая библиография в Западной Европе возникла самостоятельно без опоры на традиции эллинизма. На Западе эти традиции оборвались не позже конца V в., хотя и частично сохранялись на Востоке — см. монографию «Би-

блиографические памятники Византии» (33). Б.В. Горнунг отметила, что такой известный римский библиограф, как Авл Геллий (3), был полностью забыт в средние века и вновь «открыт» в середине XV в. (5, с. 173). Сводные каталоги были «открыты» в Англии в XIII—XV вв. (26, с. 32).

Есть несколько претендентов (от XI до XVIII вв.) на звание «первого русского библиографического памятника». И.Н. Кобленц в своей монографии приводит следующий перечень (15, с. 12):

1073 г. — список «Изборника Святослава», в котором содержались статьи о[б] [истинных и] ложных книгах («Богословца от словес»);

1288 г. — летописное сказание о книжных вкладах великого князя Владимира Васильевича;

XV в. (конец) — «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря»;

XVI в. — тот же источник по датировке Н.С. Тихонравова;

XVI в. — время описания Максимом Греком греческих книг великокняжеской библиотеки;

1584 г. — «Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 г.»;

1653 г. — «Опись книгам в степенных монастырях...»;

XVII в. (конец) — «Оглавление книг, кто их сложил»;

1710 г. — «Реестр книгам гражданским, которые по указу царского величества напечатаны новоизобретенною Амстердамскою азбукою по первое число июня нынешнего 1710 года».

Список «Изборника Святослава» не является оригинальным библиографическим текстом. Он состоит из точного перевода греческого оригинала на славянский язык трех независимых статей об истинных и ложных книгах Иоанна Дамаскина, Григория Богослова и Исидора Пелусиота, помещенных в сборнике разнообразного содержания (33, с. 154).

Аналогичные списки становились первыми национальными библиографическими памятниками и в других странах,

принимавших христианство, например в Армении. Это объяснялось тем, что после принятия христианства особенно обострился вопрос о переводе Библии на национальный язык для использования в литургии. Однако для этого было необходимо четко прояснить вопрос о том, что переводить.

И.Н. Кобленц считает претендентом на звание первого русского библиографического памятника «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря». По его мнению, в этом каталоге имеется достаточно чисто библиографических элементов, чтобы считать издание скорее библиографическим пособием, чем каталогом библиотеки. Имеются, однако, и другие точки зрения. Так, Н.С. Тихонравов считал его просто охранным каталогом (17, с. 16—23).

Е.Э. Гранстрем в статье «Незамеченный памятник древней библиографии» дала описание краткого библиографического списка, который находился на последнем листе Апостола собрания Н.П. Погодина (РНБ, № 28), написанного в 1391 г., т. е. на сто лет раньше, чем «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря». Список включает имена писцов и указание текстов, которые они переписали (9, с. 380).

Наиболее вероятным претендентом является «Указец» Арсения Высокого, который имеет рекомендательный характер. Хотя издание охватывает рукописи только одного монастыря, Н.В. Здобнов считает его библиографическим памятником скорее, чем каталогом библиотеки с отдельными библиографическими элементами (14, с. 30—32).

Наконец, подлинно библиографическим трудом можно считать лишь «Оглавление книг, кто их сложил» Сильвестра Медведева (1641—1691). В.М. Ундольский, который впервые опубликовал текст «Оглавления», считал С. Медведева отцом русской библиографии (22, с. 26). Но это был уже полиграфический период, и считается, что «Оглавление» было составлено при Печатном дворе с целью регулирования переводческой и издательской деятельности (14, с. 36). Что касается «Реестра», то это уже чисто полиграфический памятник.

В Индии библиография возникла в устной форме как Анукрамани к Ригведе. Подробное описание этого памятника

было дано нами в первой книге «Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество» (с. 71—96). В дальнейшем анукрамани к различным произведениям превратились в своего рода литературный жанр (93, с. 4—5). Их возникновение объяснялось тем, что в Индии появилось большое количество литературных текстов, и нужно было обеспечить поиск необходимой информации.

В отличие от Индии в Китае сведений о дописьменной библиографии нет, но, как отмечает М. Гране в книге «Китайская мысль», отсутствие фактов не может служить доказательством (8, с. 10). Плановая и организованная библиографическая деятельность возникла при династии Хань, когда в 6 г. до н. э. была составлена первая систематическая национальная библиография «Ци люэ» («Семь разделов»), в которой перечислены 13 219 книг 603 авторов. Таким образом, в Китае благодаря государственной библиотечной деятельности первым возникшим жанром библиографии была национальная (31, кн. 2, с. 100; 46, с. 138; 83, с. 5).

Кроме «Ци люэ», Лю синь собрал вместе все общие и частные предисловия и пояснения из всех книг в один самостоятельный сборник «Белу», его можно было бы назвать аннотированным указателем или своего рода библиографической энциклопедией (46, с. 139). Появление предисловий с пояснениями и аннотациями в IV—III вв. до н. э. было своего рода предшественником библиографии (ср. библиографические введения в странах Ближнего Востока). В рамках «Ци люэ» и «Белу» эта деятельность получила дальнейшее развитие и привела к созданию национальной библиографии.

Что касается стран Юго-Восточной Азии, где имелись давние традиции собирания, хранения и описания письменных памятников, то в них трудно с достаточной определенностью установить время начала библиографической деятельности. Из сохранившихся библиографических материалов самые ранние относятся к XVIII в. (21, с. 8).

ГЛАВА 3

Национальная библиография

Общие положения

В древности и средние века основным принципом национальной библиографии был учет текстов на национальном языке независимо от того, кем, где, каким образом и когда они были написаны. Принципиально определение того, что должно включаться в национальную библиографию, было дано Л.Г. Линдером и дополнено Б.А. Семеновкером[1]. Ниже мы приводим обобщающую таблицу. Уточнение позиций по отдельным языкам и культурам будет дано ниже в греческом, китайском и арабо-мусульманском подразделах.

Таблица 1

Охват изданий (текстов) и авторов в национальной библиографии

Основания охвата	Государство		Народ (этнос)	
	издания (тексты)	авторы	издания (тексты)	авторы
Территории Территория, которую занимает данное государство или народ	1. Выпущенные (написанные) на территории, которую занимает данное государство	Проживающие на территории, которую занимает данное государство	Выпущенные (написанные) на территории, которую занимает данный народ	Проживающие на территории, которую занимает данный народ

[1] *Linder L.H.* National bibliography // Essays on bibliography / Comp. a. ed. by V.J. Brenni. — Metuchen, N.J., 1975. — P. 216—229; *Семеновкер Б.А.* Национальная библиография: плоскости и матрицы // Библиография. — 2004. — № 2. — С. 31—38.

	2. Созданные уроженцами территории, которую занимает данное государство (независимо от того, где они проживают)	Родившиеся на территории, которую занимает данное государство (независимо от того, где они проживают)	Созданные уроженцами территории, которую занимает данный народ (независимо от того, где они проживают)	Родившиеся на территории, которую занимает данный народ (независимо от того, где они проживают)

Другие территории	3. Выпущенные (написанные) для данного государства вне территории, которую оно занимает	Создавшие тексты, выпущенные (написанные) для данного государства вне территории, которую оно занимает	Выпущенные (написанные) для данного народа вне территории, которую он занимает	Создавшие тексты, выпущенные (написанные) для данного народа вне территории, которую он занимает
Языки Язык государства или народа	4. Написанные на государственном языке	Пишущие на государственном языке	Написанные на языке данного народа	Пишущие на языке данного народа
Другие языки	5. Написанные на других языках и являющиеся переводами или переложениями текстов,	Переводчики и авторы переложений текстов, созданных на государственном языке (независимо	Написанные на других языках и являющиеся переводами или переложениями текстов,	Переводчики и авторы переложений текстов, изданных на языке данного народа (независимо

	созданных на государственном языке (независимо от того, где они изданы или переписаны)	от того, где они проживают)	созданных на языке данного народа (независимо от того, где они изданы или переписаны)	от того, где они проживают)
Принадлежность к данному государству или народу	6. Созданные гражданами данного государства (независимо от того, где они родились и проживают)	Имеющие гражданство данного государства (независимо от того, где они родились и проживают)	Созданные представителями данного народа (этническая принадлежность) (независимо от того, где они родились и проживают)	Представители данного народа (этническая принадлежность) (независимо от того, где они родились и проживают)
Страноведение (народоведение)	7. Тексты, посвященные данному государству (независимо от того, где они изданы или написаны)	Авторы, создавшие тексты о данном государстве (независимо от того, где они родились, проживают и гражданами какого государства являются)	Тексты, посвященные данному народу (независимо от того, где они изданы или написаны)	Авторы, создавшие тексты о данном народе (независимо от их этнической принадлежности)

Исходя из сведений табл. 1 может быть создана матрица для заполнения при исследовании каждого конкретного случая (рис. 1). Эта методика будет использоваться в дальнейшем.

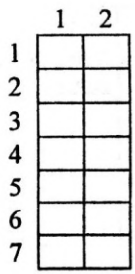


Рис. 1. Матрица национальной библиографии

Национальная библиография, т. е. учет национальных письменных источников, — это память народа, государства или культуры. В каком-то смысле ее можно сравнить с пиктографическими галереями дописьменного периода, в которых юношам, проходившим инициацию, рассказывали об их племени и превращали их в полноценных членов общества.

Имеет национальная библиография и политическое значение. Например, у «Таблиц» Каллимаха были две политические цели в стране, обладавшей собственной древней культурой, но захваченной греками в ходе завоеваний Александра Македонского. Во-первых, они должны были показать всем народам, каковы достижения греков на литературном поприще. Во-вторых, должны были представить самим грекам литературу их собственного народа и служить таким образом средством их обучения. Авторитетные библиографы других народов также преследовали аналогичные цели (58, стб. 27).

Китайская национальная библиография в сочетании с государственной императорской библиотекой выполняли задачи государственного значения. Государственная библиотека и библиография считались необходимыми элементами государственного управления. Поэтому национальная библиография входила в состав династических историй.

Целью национальной библиографии являлось решение общекультурных задач — прежде всего удовлетворение потребностей образованного общества в информации об авторах и их произведениях (там же, стб. 28).

Национальная библиография не была первичным видом библиографии, и возникала лишь тогда, когда объем производимой литературы становился достаточно значительным. Ниже будет показано, что первичными были другие виды библиографии, прежде всего биобиблиография.

Как правило, зарождению национальной библиографии должно было предшествовать создание достаточно полной коллекции национальной литературы. Это приводило к необходимости составления ее каталога, фактически национальной библиографии. Такое положение возникло в эллинистическом Египте с появлением Мусея и его библиотеки, а в Китае как результат создания государственной императорской библиотеки. Фактически в рукописный период национальную библиографию можно приравнять к каталогу национальной библиотеки.

Для решения вопроса о возникновении национальной библиографии в древнем мире и средние века имеет значение понимание ее связи с биобиблиографией, которая для многих стран в связи с интересом к биографии была одним из первых появившихся библиографических жанров. В дальнейшем эволюция национальной библиографии рассматривается по трем культурным зонам, где она возникла: Греция, эллинистический мир и Византия, т. е. сфера греческого языка; Китай и арабо-мусульманская культура.

Греция, эллинистический мир и Византия

Первый образец национальной библиографии в древней Греции — это список драматических произведений, одержавших победу на драматических состязаниях (агонах). Это была чисто государственная библиография — «Дидаскалии». Автором был Аристотель, который создал их, вероятно, во время своего второго пребывания в Афинах, когда он учил в Ликее. Если он довел их до своего времени, то они должны были включать сведения примерно о 1580 трагедиях и 970 комедиях, так как государственная регистрация результатов драматических состязаний началась около 1500 г. Возможно, что составление «Дидаскалий» было связано с выработкой и депонированием в архиве образцовых текстов произведений Эсхила, Софокла и Еврипида около 330 г. Материал в «Дидаскалиях» располагался хронологически по годам со-

стязаний в соответствии с государственными протоколами. Это не просто опись, а результат систематизации и обработки архивных материалов в интересах историко-литературного исследования. Ниже приводится запись из «Дидаскалий»:

«При (архонте) Никомахе (победил) в драме сатиров / Тимокл в "Ликурге" / со старой (трагедией) Неоптолем / в "Оресте" Еврипида / как автор (победил с новой трагедией) Астидамаст с "Парфенопеем", играл Феттал / и с "Ликаоном", играл Неоптолем / второй был Тимокл с "Фриксом" / играл Феттал / и с "Эдипом", играл Неоптолем / третий был Еварет / с "Алкмеоном", играл Феттал / и с... играл Неоптолем / как актер победил Феттал» (33, с. 16—17).

Всесторонней подлинной национальной библиографией были «Таблицы» («Pinakes») Каллимаха, составленные в Александрийской библиотеке. «Таблицы» были знаменитыми и широко использовались, но от них сохранилось только несколько фрагментов — всего 25, из них истинными признаются только пять (98, с. 132—133).

Чем были «Таблицы» — каталогом библиотеки или библиографическим указателем? Этот вопрос широко обсуждался, но окончательно и сейчас не решен. Р. Блюм отмечает, что греческое слово «pinakes» (только во множественном числе) обозначало «каталоги» (таблицы, указатели). Каллимах принял от предшественников инвентарь (опись) библиотеки, но расширил его до национального каталога с упором на авторство с соответствующим названием, которое известно нам из статьи о Каллимахе в византийской энциклопедии «Суда» — «Таблицы (указатели) тех, кто блистал в области культуры, и того, что они написали, в 120 книгах», т. е. в основу положен принцип охвата всей греческой литературы, а не только фонда одной, хотя безусловно наиболее полной библиотечной коллекции текстов на греческом языке (74, стб. 397).

Характерно, что Аристофан Византийский, крупнейший александрийский филолог и руководитель библиотеки, составил ок. 200 г. труд, *дополняющий* «Таблицы» Каллимаха, он назывался «К Таблицам Каллимаха». Как показала по-

следующая история библиографии, дополнение, а не замена указателя — показатель его признания как достаточно полного и авторитетного источника, который является надежной основой для творческой работы (58, стб. 25—26, 29).

Дальнейшее развитие греческой национальной библиографии произошло в Византии, т. е. в государстве, где греческий язык стал основным государственным и национальным. Три крупных византийских памятника — «Ономатологос» Исихия Милетского, словарь «Суда» и «Библиотека» Фотия имеют в себе элементы национальной библиографии.

Полное название труда Исихия — «Ономатологос, или пинакс лиц, известных в области культуры». Слово «пинакс» (таблица, указатель) в альтернативном заглавии четко связывает словарь Исихия с «Таблицами» Каллимаха, а также со всей греческой традицией обозначения биобиблиографических словарей как разновидности национальной библиографии или каталога национальной библиотеки. «Ономатологос» можно считать национальным словарем греческих авторов, поскольку он включал в основном сведения о греческих писателях или тех авторах эллинистического мира, которые писали по-гречески. Одиннадцать римских авторов — преимущественно те, которые также писали на греческом, переводили с греческого или на греческий или были греками по происхождению. Такой отбор объясняется и тем, что в VI в. греческий язык в Восточно-Римской империи вытеснил латинский даже в области права (57, стб. 287—288). Те же признаки национального биобиблиографического словаря имеет «Суда»[1].

Анализ «Таблиц» Каллимаха, «Ономатологоса» Исихия Милетского, словаря «Суда» и «Библиотеки» Фотия показал, что эти библиографические труды могли включать сведения о следующих категориях документов:

• произведения греков по происхождению, которые писали на греческом языке;

---

[1] См. также *Flach H.* Die Vitae römischer Schriftsteller im Suidas // Rheinisches Museum für Philologie. — 1881. — Bd. 36. — S. 316—321.

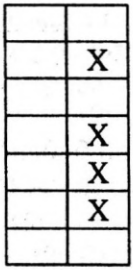


Рис. 2. Матрица греческой национальной библиографии

- произведения греков по происхождению, которые писали на других языках;
- произведения авторов, которые не были греками по происхождению, но писали на греческом языке;
- произведения авторов, которые не были греками по происхождению и писали на других языках, но были переведены на греческий язык;
- произведения авторов, которые переводили на греческий язык или с греческого языка;
- произведения авторов, которые не были греками по происхождению и писали на других языках, но осуществили переложение работы греческого автора на своем языке.

Сравнение этих данных с табл. 1 и их представление на матрице на рис. 2 показывает, что этот список вполне укладывается в рамки национальной библиографии в народоведческой части. Греческая национальная библиография рукописного периода в основном делает упор на языковую общность и происхождение авторов. Обращает на себя внимание отсутствие признаков государственности по сравнению с «Дидаскалиями» Аристотеля. Объясняется это тем, что в результате завоеваний Александра Македонского греческая культура полиса превратилась в культуру многонационального эллинистического мира, основой которой стали именно принципы общности языка и этнической принадлежности авторов, а не то, что они были гражданами того или иного государства.

Китай

Централизованное государство императорского Китая привело к зарождению и сохранению национальной библиографии в государственном, а не народоведческом ключе. Она

возникла как следствие необходимости упорядочения фондов государственной библиотеки. Безусловно, в Китае были частные библиотеки и каталоги, отражавшие их фонды, но в основном библиотеки были государственными и соответственно их каталоги превращались в государственные библиографические указатели. Их полнота зависела от полноты фондов государственных библиотек. В связи с тем, что при смене династий императорские библиотеки и их каталоги, как правило, погибали, каждая же последующая династия создавала свои заново, а также способствовала созданию истории предшествующей династии, национальная библиография стала частью династической хроники. Это придавало ей чисто государственный и в то же время ретроспективный характер: произведения, созданные в рамках определенных династических пределов.

Таким образом, ретроспективность стала одним из методов китайской национальной библиографии, которая включала произведения только на китайском, т. е. на государственном языке (рис. 3). Другие важнейшие методы включали развитие классификаций, раскрытие содержания произведений путем обобщений, отсылок и анализа с целью отделения подлинного знания от фальшивого и упор на заглавие при составлении описания (46, с. 138—141; 83, с. 5—6).

	1	2
1		
2		
3		
4	X	
5		
6		
7		

Рис. 3. Матрица китайской национальной (государственной) библиографии

Первая китайская национальная библиография возникла в ходе библиотечной обработки общекитайского книжного собрания и работ над воссозданием текстов множества разнохарактерных письменных памятников. Это начинание было осуществлено Лю Сяном, главным хранителем императорских библиотек и редактором воссоздававшихся текстов. После его смерти работу по составлению полного описания книг продолжил его сын Лю Синь. Труд Лю Синя «Ци люэ» («Семь разделов») был завершен около 6 г. до н. э. Он дошел до нас не самостоятельно,

а в составе новой национальной библиографии. Ее автором был Бань Гу, который включил ее в свою «Историю Хань» в I в. н. э. В этой династической истории она является основой библиографической главы «Ивэньчжи» («Сведения о литературе»). В каталоге «Ци люэ» было учтено 3390 цзюаней (свитков).

При гибели династии Хань в конце II в. библиотека в основном погибла. После разделения страны на три царства в 221 г. правители государства Вэй представители фамилии Цао, которая дала Китаю целую плеяду прославленных литераторов, вновь предприняла усилия по собиранию рукописей. Собранные книги хранились в императорском библиотечном ведомстве («Мишу-шэн») в специальном павильоне Мишугэ. Хранителям Чжэн Мо (213—250) и Сюнь Сюю (ум. в 289 г. ок. 70 лет) поручили составление каталогов. Первому из них принадлежит каталог «Книги внутренних покоев» («Чжун шу»), а второму — «Новая опись» («Синь бу»). «Новая опись» включала описание 99 145 цзюаней (свитков). «Новая опись» известна также тем, что в ней была предложена новая классификация книг по четырем, а не по семи, как ранее, разделам или хранилищам — система, которая с VII в. полностью вытеснила предыдущую и стала господствующей в Китае вплоть до XX в.

Затем после гибели ряда династий, когда возникла династия Сун в 420 г., библиотека насчитывала около 4000 свитков. При императоре Вэнь-ди (424—452), втором императоре династии Сун, на место главного библиотекаря был назначен известный поэт, художник, каллиграф и ученый Се Лин-юнь (385—433). Благодаря его стараниям в составленном им же в 431 г. «Перечне книг по четырем разделам» («Сы-бу шуму») числилось уже 64 582 свитка. В 473 г. на основе той же библиотеки Ван Цзянь (452—489) составил новый каталог вновь из семи разделов. Он назывался «Семь сведений» или, точнее, «Сведения о семи [хранилищах]» («Ци чжи»).

Даже вплоть до династии Тан (618—907) предпринимались различные попытки составить государственную библиотеку и ее каталог, но только к 721 г. группа хранителей библиотеки

под руководством Инь Цзянь-ю (674—721) составила «Перечень четырех разделов всех книг» («Цюнь-шу сы-бу лу») объемом в 200 цзюаней, в котором учтены сочинения, в целом составляющие 51 852 свитка. Судя по объему, библиографические записи в этом каталоге включали аннотации. В том же году трону был подан доклад о завершении работы над каталогом. На его основе один из авторов основного каталога У Цзюнь несколько позже составил краткий каталог «Перечень книг древних и новых» (Гу-цзинь шуму») в 40 цзюанях.

После гибели династии Тан библиотеки вновь погибли, и новой династии Сун (960—1279) пришлось собирать все заново. Однако история сунских библиотек и национальной библиографии выходит за пределы рукописного периода информационной деятельности (31, кн. 2, с. 100, 136—151).

Арабо-мусульманский мир

А.Б. Халидов в своей монографии «Арабские рукописи и арабская рукописная традиция» отмечает, что «специальные библиографические труды чрезвычайно редки, хотя и очень ценны, например, знаменитый «Фихрист» Ибн ан-Надима (X в., Багдад), построенный тематически, и «Кашф аз-зунун» Хаджжи Халифы (XVII в., Турция), содержащий алфавитный перечень арабских, персидских и тюркских сочинений» (45. с. 251). Оба труда безусловно относятся к виду национальной библиографии. Между ними также имелись работы, которые по своему характеру приближались к этому виду. Они будут рассмотрены ниже.

Национальные библиографии в арабо-мусульманском мире, конечно, редкие, но уместно отметить, что наличие «Фихриста» Ибн ан-Надима в мусульманском мире X в. свидетельствует о значительном превосходстве мусульманской информационной культуры над европейской. В Европе ретроспективная национальная библиография появилась значительно позднее, уже в полиграфический период.

Китай в это время, безусловно, был впереди всех, но этому способствовала длительная история национально-государственного развития с постоянными, хотя и разрушительными для культуры перерывами, стремлением к централизации управления всей страной. При этом национальная государственная библиотека и библиография считались необходимой частью государственного устройства.

«Фихрист» Ибн ан-Надима — библиографический памятник, известный каждому арабисту. О нем имеется большая научная литература. Количество ссылок на него не поддается учету. Однако в библиографической среде он был недостаточно изучен. Поэтому в 1987 г. мы подготовили и опубликовали в журнале «Советская библиография» статью «Тысячелетие «Фихриста» ан-Надима» (35). Эта статья была сокращенным вариантом. Полный вариант еще не опубликован, но использован при последующем описании памятника.

Для изучения «Фихриста» привлекались два издания его текста: на английском языке Б. Доджа и на арабском языке Г. Флюгеля (65). Предпочтение в списке литературы отдано переводу Б. Доджа, поскольку он является не просто переводом, а наиболее полным современным вариантом текста «Фихриста», созданным на основании всех сохранившихся рукописей, некоторые из которых, в том числе важнейшие, были недоступны Г. Флюгелю в XIX в. Тем не менее ссылки по возможности даны на издание Г. Флюгеля (там же) по форме: 64, 8—10 (с указанием строк).

Слово «фихрист» (производное от «фахраса» — составлять опись) обозначает «указатель» или «справочник». От того же корня образуется слово «фихрисийа», которое наряду с «библийуджрафийа» используется для обозначения библиографической деятельности в современном арабском языке[1].

[1] Ср. «пинакография» (от греч. «pinax») для обозначения библиографической деятельности до начала книгопечатания в науках о классической древности.

Более подробное описание памятника дано во вводной фразе (инскрипции) перед оглавлением: «Это указатель книг всех народов, арабов и неарабов, имеющихся на арабском языке, и их научных сочинений со сведениями о тех, кто их сочинил, о классах их авторов, их происхождении, обстоятельствах рождения, деятельности, жизни, времени смерти, местонахождении их городов, их достоинствах и недостатках от возникновения каждой науки до нашего времени, т. е. до 377 года после хиджры»[1] (987/988 г.). Как видно из инскрипции, «Фихрист» можно определить как биобиблиографический указатель, созданный не раньше 987 г. и включающий сведения об арабской творческой продукции от начала письменности на арабском языке (рис. 4). Сравнение с рис. 3 показывает, что по сравнению с китайской национальной (государственной) библиографией «Фихрист» имеет народоведческий характер, хотя обе библиографии принимают за основу принцип языка. В «Фихрист» включаются все авторы, независимо от их этнической принадлежности, но только в том случае, если их произведения имеются на арабском языке.

	1	2
1		
2		
3		
4		X
5		
6		
7		

Рис. 4. Матрица «Фихриста» Ибн ан-Надима

Полнота сведений об авторах и их произведениях зависела от географических и хронологических ограничений «Фихриста» — от того, что Ибн ан-Надим составлял свой указатель в порядке частной инициативы, а не на основе государственной библиотеки, как это делали Каллимах и Лю Синь. Ибн ан-Надим не скрывает, что его указатель неполный, но он старается привести как можно больше сведений. О ряде авторов прямо сказано, что они написали гораздо больше книг, чем включено в их персональные списки (39, 1—3; 198, 4—5).

[1] Хиджра — переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину в 622 г., начальная точка мусульманского летоисчисления. После года по хиджре в скобках приведены годы нашей эры.

В случае ал-Кинди имеется специальная оговорка о том, что список отражает сведения о *всех* его трудах (255, 24—25), т. е. это потребовало особой работы, которая была проведена из уважения к творчеству ал-Кинди. Можно привести достаточное количество примеров неполноты персональных списков даже знаменитых авторов. Для современной оценки «Фихриста» важно, однако, то, что несмотря на его неполноту, многие книги, указанные в нем, не дошли до нашего времени. В некоторых случаях их заглавия сохранились только благодаря «Фихристу».

Основная черта «Фихриста» — его научный, историко-литературный характер (ср. научную деятельность в Александрийском Мусейоне и библиотеке). В нем нашел отражение расцвет творческой деятельности, характерный для мусульманской цивилизации того времени. Сам факт возникновения этого первого крупного библиографического труда является индикатором степени развития арабской книжной культуры. Между Ибн ан-Надимом в X в. и Хаджжи Халифой в XVII в. возник ряд библиографических трудов, которые дополняли «Фихрист» Ибн ан-Надима: дополняли, но не заменяли, т. е. работа предшественника признавалась надежным и полноценным источником.

Следующий после Ибн ан-Надима труд принадлежал Шейху ал-Туси, который родился через пять лет после смерти Ибн ан-Надима и составил «Фихрист шиитских книг», который известен как «Фихрист Туси» или «Фихрист Шейха». Эта работа основана на «Фихристе» Ибн ан-Надима, но «завершает его и добавляет более точные сведения о шиитских произведениях и авторах». Указатель включает сведения о произведениях 900 авторов, которые были современниками составителя или писали в предшествующий период. Еще один указатель, посвященный литературе шиитов, возник одновременно с работой ал-Туси. Он имел название «Имена людей», и ее автором был Шейх ан-Найаши. Эта работа включала сведения о 1226 авторах. Таким образом, эти указатели дополняли «Фихрист» Ибн ан-Надима по конфессиональному признаку. В дальнейшем возник еще ряд библиографи-

ческих трудов, основанных на ал-Туси и дополнявших его, в том числе в мусульманской Испании и Персии.

Наконец, в XVII в. в Турции была составлена знаменитая библиография «Кашф аз-зунун» («Список украшений»). Ее автором был Мустафа ибн Абдулла (1608—1657), известный под именами Хаджжи Халифа и Катиб Челеби. Этот указатель включал сведения о 25 000 арабских, персидских и тюркских произведений 9500 авторов. К сожалению, составитель умер, не успев завершить работу, и она была дописана другими лицами. Основной текст включает сведения примерно о 14 500 заглавий. Труд Хаджжи Халифы завершает развитие мусульманской национальной библиографии, которая началась в X в. и непрерывно продолжалась вплоть до XVII в. (72, с. 210—214; 75, с. 761).

ГЛАВА 4

Биобиблиография, персональная библиография и автобиблиография

Биобиблиография

Общие положения

Первичным библиографическим жанром в древнем мире и средние века является все-таки биобиблиография. Даже национальная библиография, как правило, имела форму биобиблиографии. Это объяснялось общим интересом к биографиям, а библиография рассматривалась как их составная часть. Важными были не столько названия произведений, сколько лица, которые их написали. Биобиблиография была первичной во многих ранних цивилизациях: прежде всего в греческой и римской, а затем в европейской и арабо-мусульманской.

Р. Блюм отмечает, что в древности, в средние века и раннее новое время биобиблиография была важнейшим источником

информации о литературе (58, с. 12). В древности скудость сведений, сообщаемых в «библиографическом описании», приходилось компенсировать дополнительными данными об авторе произведения, месте и времени его рождения, жизни и смерти, именах родителей, учителей, учеников и др., т. е. биографическими сведениями, которые, как выразился К.Р. Симон, в настоящее время именуются аннотациями (39, с. 112).

Первоначальным был именно интерес к личности, она выступила на первый план по мере демократизации и развития общества, его выхода из состояния древней автократии и анонимности. Когда авторы *письменных* произведений и ораторы (с записями их речей) вышли на авансцену литературной и политической истории, возник спрос на их биографии, одним из элементов которых были списки их произведений.

Т. Бестерман в книге «Начальные стадии развития перечисляющей библиографии» (53, с. 4)[1] задается вопросом, когда произошло отделение биобиблиографии с упором на библиографию от биографии со сведениями о произведениях. Он признает, что теоретически этот вопрос с трудом поддается решению, однако с практической точки зрения два труда Блаженного Иеронима (340?—420) и Геннадия, пресвитера Марсельского (вторая половина V в.), о жизни и произведениях *знаменитых* людей (под этим определением в основном имелись в виду деятели христианской церкви) являются первыми, где упор сделан на произведения, а не на биографии включенных лиц. В каждом случае рассматриваются не *жизнеописания*, а *сочинения* известных *писателей*. То, что Иероним понимал различие между двумя жанрами, можно понять из его ответа на некоторые вопросы св. Августина относительно его собственной биографии. Иероним отметил, что название его книги «О знаменитых мужах» должно быть скорее

[1] См. комментарий К.Р. Симона о переводе слова «systematic» (буквально «систематическая») (38, с. 19, примеч. 29).

«О церковных писателях». Это название было принято как во время Иеронима, так и сейчас (см., напр., 38 с. 34). Иными словами, труды Иеронима и Геннадия являются прежде всего библиографическими.

Биобиблиографические указатели — результат прежде всего научной деятельности. Эта традиция началась еще при Аристотеле, продолжилась в эллинистический и римский периоды и отразилась в библиографических трудах христианских библиографов.

Греция и эллинистический мир

Биобиблиография, основной продукцией которой были словари и персональные списки, была, как показано выше, одним из основных видов библиографии рукописного периода. Это объяснялось неугасающим интересом к творческой личности, возникшим в Греции и затем охватившим весь эллинистический мир. Линия универсальных биобиблиографических словарей начинается от «Таблиц» Каллимаха и включает также фундаментальные библиографические труды византийского, средневекового греческого мира — «Ономатологос» Исихия Милетского, словарь «Суда» и в определенной степени «Библиотеку» Фотия. Отраслевая биобиблиография представлена известной работой Диогена Лаэртского о греческих философах.

У Каллимаха статья об отдельном авторе состояла из его биографии и списка произведений. Это отражало точку зрения александрийских ученых на творчество. Основные деяния авторов заключались в их трудах. Биография служила своего рода введением к анализу текстов (80, с. 132). В биографической части Каллимах указывал имя автора, его отца, место рождения или деятельности, время расцвета, сведения об учителях и принадлежности к той или иной школе. Для различения одноименных авторов Каллимах указывал их прозвища. Затем следовал список произведений (57, стб. 236). Как было показано в главе 3, биобиблиографический труд

Каллимаха одновременно являлся национальной библиографией.

Биобиблиографический жанр оказался исключительно плодотворным. Уже в III в. до н. э. в первый раз появляется типичная формулировка названия античной биобиблиографии: «О знаменитых мужах». Это название перешло в латинскую библиографию, сначала в Риме и затем у христианских авторов, начиная с Иеронима (52, с. 187).

Наиболее значительной работой поздней эллинистической биобиблиографии является книга Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (11). Предположительно он жил в конце III в. н. э. Книга Диогена — типичная для своего времени компиляция. В ней использованы многочисленные источники, созданные на протяжении пяти предшествующих веков. При этом автора интересует не столько система взглядов философов, сколько биография со всевозможными интересными подробностями и как часть биографии — список сочинений [там же, с. 10]. Поэтому книгу Диогена Лаэртского можно в большой мере считать преемником античных биобиблиографических традиций.

Особое место в эллинистической библиографии в целом и в биобиблиографии занимает работа Деметрия Магнесийского «О соименных поэтах и писателях» (I в. до н. э.). Это пособие, которое в определенной мере можно сравнить с современными авторитетными картотеками (или базами данных) имен национальных авторов, возникло из-за трудностей различения многочисленных греческих авторов, носящих одно и то же имя. Полностью работа не сохранилась, но по отрывкам можно судить о ее содержании. В ней, видимо, были списки авторов с короткими справками, которые помогали отличить их друг от друга. Следующий отрывок из статьи о Деметрии Фалерском из книги Диогена Лаэртского может дать представление о сведениях, включенных в пособие Деметрия Магнесийского «Деметриев, заслуживших известность, было двадцать: первый — халкидонский ритор, старший современник Фрасимаха; второй — тот, о котором

шла речь (т. е. Деметрий Фалерский. — *Б.С.*); третий — перипатетик из Византия; четвертый — по прозвищу Писец, славный повествователь, он же и живописец» и т. д. (там же, с. 230).

Рим и греко-римский мир

В Риме, который в культурном плане унаследовал эллинистические традиции, жанр биобиблиографии получил, хотя и не сразу, широкое развитие, что, в конечном счете, привело к его проникновению в христианский мир и затем в Европу. Научно заниматься своей литературой римляне стали только во второй половине II в. до н. э. Это объяснялось прежде всего отсутствием публичных библиотек в республиканский период. Для биобиблиографических трудов могли использоваться только частные библиотеки, что, естественно, ограничивало составление каталогов и библиографическую инициативу (58, стб. 55, 92; 80, с. 137—145).

Постепенно у римлян, как и у греков, появился интерес к биографии и спискам произведений как частей биографий. Основной целью было установление времени расцвета автора и списка его подлинных работ. Биографическое и библиографическое исследования производились одновременно. В то же время утвердилось и латинское название для биобиблиографии: «De viris illustribus» (Светоний), которое перешло в средневековую Европу (52, с. 187; 58, стб. 55, 62).

Первые заметные биобиблиографические труды в Риме принадлежали М. Теренцию Варрону (116—27 г. до н. э.). Он был не только крупным и многосторонним римским ученым, но и владельцем значительной личной библиотеки. Таким образом, и здесь появление библиографического труда стало следствием существования личной библиотеки. В своей работе «О поэтах» он мог исследовать не только хронологические проблемы жизни и деятельности римских авторов. Еще один его труд «О комедиях Плавта», безусловно, имел биобиблиографический характер. Иероним называет

Варрона первым среди своих римских предшественников (58, стб. 56—57).

Труды Сантры не сохранились, но его современник, как и современник Варрона Корнелий Непос (ок. 100—24 г. до н. э.), в своей книге «О знаменитых мужах» (возможно, «Жизни знаменитых мужей») представил собрание биографий царей, полководцев, писателей, историков, ораторов, грамматиков и еще авторов двух классов в хронологической последовательности. Особенностью этого труда было то, что Непос подобно эллинистическим библиографам охватил произведения также неримских авторов, которые противопоставлялись римским. Сохранилась часть этой работы. В жизнеописании одного из историков Непос приводит названия его произведений, время их сочинения, содержание, план и достоинства. Евсевий, Иероним и их последователи, как и Непос, в своих биографиях располагали произведения в хронологическом порядке (там же, стб. 57—58).

Два следующих биобиблиографа, признанных Иеронимом своими предшественниками, были Хигин и Светоний. Их особенность заключалась уже в том, что они могли пользоваться публичными библиотеками. Более того, оба были привлечены к управлению библиотеками. Хигин заведовал библиотекой в храме Аполлона при Августе, а Светоний был инспектором императорских библиотек при Траяне. Хигину принадлежала несохранившаяся книга «О жизни и деяниях знаменитых мужей», в которой он рассматривает не только знаменитых полководцев, но и знаменитых писателей. В противном случае он бы не упоминался в качестве предшественника Светонием и Иеронимом (там же, стб. 60, 62).

Наиболее значительный римский биобиблиограф — Светоний. Уже в «Жизни двенадцати цезарей» он дает библиографические сведения, особенно о Юлии Цезаре. В его жизнеописании приведены сведения не только о наиболее известной книге Цезаря «Записки о галльской войне» (время ее создания, подлинность, соответствие фактам, время завершения и издания), но и о других его произведениях:

две книги «Об аналогии», столько же «Против Катона» и о поэме «Путь». Он сообщает о его детских и юношеских произведениях, которые Август запретил издавать[1].

Однако основные его биобиблиографические произведения — это «О грамматиках и риторах», «О поэтах», а также о философах, историках, ораторах и др. Сохранились только отдельные фрагменты, которые на русском языке опубликованы как дополнение в «Жизни двенадцати цезарей»[2]. Из этих фрагментов следует, что списки произведений приводились не в каждом жизнеописании. Светоний стремился прежде всего к занимательности повествования (там же, стб. 77).

Поскольку Хигин и Светоний уже могли пользоваться публичными библиотеками, они также рекомендовали это своим читателям. Список не приводился в статье о писателе, но его можно было найти в каталоге публичной библиотеки (там же, стб. 60, 77—78). Высокое качество биобиблиографических работ Светония было признано в Риме (там же, стб. 79—80). Их общее название «О знаменитых мужах» («De viris illustribus») перешло к Иерониму, который признавал творческую зависимость в библиографии от Светония, и через него в европейскую средневековую биобиблиографию.

Византия

После эллинистического мира и Рима возникли две ветви библиографии: восточная (греческая) и западная (латинская), византийская и европейская. В Византии, как и в Европе, биобиблиография была важнейшим жанром библиографической деятельности. К ней относится прежде всего «Ономатологос» Исихия Милетского — словарь греческих писателей, составленный в VI в. при Юстиниане или несколько позднее.

---

[1] *Светоний Транквил Г.* Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквил. — М.: Наука, 1964. — С. 23—24.

[2] Там же. — С. 221—246.

В IX в. появилось сокращенное изложение «Ономатологоса» — эпитома. Автор эпитомы неизвестен. Сам «Ономатологос» был вскоре утрачен, и уже в IX—X вв. Исихия даже принимали за составителя эпитомы. В настоящее время большинство исследователей считают, что от первоначального текста словаря сохранились только две статьи с жизнеописаниями Аристотеля и Аристофана.

Около 1000 г. эпитома стала одним из основных источников для словаря «Суда». Словарь получил широкое распространение, эпитома была забыта и также утрачена. Наконец, в XI или XII вв. неизвестный компилятор использовал отрывки из «Суды» и книги Диогена Лаэртского для составления краткого биобиблиографического указателя. В конце XIX в. немецкий ученый Х. Флах пытался выдать его за первоначальный текст «Ономатологоса» (33, с. 14, 31—45).

Блаженный Иероним (Иероним Стридонский)

Иероним — еще не европеец, но родоначальник европейской средневековой биобиблиографии. Его деятельность в этом плане достаточно подробно рассмотрена в монографиях К.Р. Симона (38) и Р. Блюма (58). Последующий текст параграфа в основном опирается на две эти работы.

Труд Иеронима был создан им в Вифлееме, где он жил последние десятилетия своей жизни, вероятно, в 392 г. Он имеет следующее традиционное название: «Книга о знаменитых мужах». Однако сам Иероним в письме к св. Августину указывает, что более подходящим заглавием было бы «О церковных писателях» (38, с. 36), т. е., если Иероним и был родоначальником европейской биобиблиографии, то сам он считал, что он относится к ее церковной ветви.

Однако создание Иеронимом прототипа жанра, оказавшегося устойчивым вплоть до начала книгопечатания и даже до наших дней (почти через полстолетия после издания «Истории» К.Р. Симона), представляется нам, как и К.Р. Симону, вполне оправданным, поскольку это тот вид библиографии,

который теснее всего смыкается с историко-литературными исследованиями, характерными и для эллинистической, и для последующей латинской и европейской библиографии. К.Р. Симон отмечает, что для составления биобиблиографических словарей писателей (церковных и светских) в меньшей степени, чем для других видов библиографии, требовалось овладение специфическими библиографическими методами и процессами (навыками).

Основное условие для работы — хорошее знание литературы — совпадает у библиографа и историка литературы, а возникло оно лишь после начала книгопечатания (38, с. 39). Поэтому, по крайней мере, во время рукописного периода продолжатели Иеронима рассматривали его труд как образец каталога (58, с. 113). В свою очередь Иероним в основном признавал образцом Светония, хотя с библиографической точки зрения между ними было принципиальное различие: у Светония главными были биография и события, у Иеронима — в большей степени библиография (там же, стб. 111—112).

Основным источником для Иеронима были греческие историки церкви, прежде всего Евсевий Кесарийский и его «Церковная история» (около 75%). Примечательно, что Иероним пытался это скрыть. В то же время он дополнил сведения Евсевия информацией о латинских авторах и своих современниках. В целом Иероним приводит сведения о 103 греческих писателях (в том числе о двух нехристианских — Филон и Иосиф); о трех авторах-сирийцах, переведенных на греческий язык, и о 32 латинских (в том числе об одном нехристианском — Сенеке). Из 31 христианского писателя 10 были родом из Италии, 8 — из Испании, 7 — из Африки и 3 — из Галлии. Происхождение трех остальных спорно (58, стб. 79—80, 101—103).

Сведения, которые Иероним взял у Евсевия, были заимствованы из каталога библиотеки Памфила, о чем имеется упоминание как у Евсевия, так и у Иеронима. Остальные сведения он мог получить из собственной библиотеки. Поэтому современные исследователи считают информацию Иеронима достаточно надежной. Важно также, что Иероним включил

в свой словарь сведения о 10 писателях, которые были признаны еретиками. Р. Блюм считает, что он хотел предупредить читателей, обратив их внимание на нежелательность чтения этих книг, т. е. в этой части книга имела рекомендательно-запретительный характер (там же, стб. 103, 109).

Произведение Иеронима имело большой успех у современников и у ближайших потомков. Об этом свидетельствует тот факт, что в ближайшие последующие столетия (по мнению Р. Блюма, около 700 г.) «Книга о знаменитых мужах» была переведена на греческий язык. Этим переводом греческая святоотеческая литература, бывшая в то время во много раз богаче латинской, как бы признавала, что самостоятельной работы такого рода у нее не имелось (38, с. 38).

Европейская биобиблиография

Общие положения

Под европейской библиографией понимается церковная и светская библиография, которая возникла на территории Европы после падения Западной Римской империи (476 г.). Основные общие достижения биобиблиографии в это время вплоть до начала книгопечатания можно представить в виде четырех пунктов:

- охват средневековых авторов и их произведений;
- идентификация авторов и их подлинных произведений;
- расположение установленного материала;
- распространение биобиблиографических трудов и исторических хроник с включением биобиблиографических сведений не только о языческих (дохристианских) и христианских церковных, но и о светских авторах своего времени в отличие от биобиблиографической ветви Иеронима и его продолжателей с их упором на церковных писателей (568, стб. 163, 186—189, 200—202).

Первым европейским биобиблиографическим трудом была «Книга о церковных писателях» Геннадия, пресвитера Марсельского, написанная во второй половине V в. Геннадий начинает свою работу прямой ссылкой на Иеронима. Важно, что он *дополнил* его, т. е. признал труд Иеронима надежным и не требующим замены. Однако имелись уже некоторые отличия, которые получили развитие позднее.

«Книга» включает статьи о 99 писателях, не отмеченных Иеронимом, а главное, живших после него. Сотая статья, по примеру Иеронима, является автобиблиографической. Международный охват у Иеронима впервые дополнен местным колоритом. Книга обращает предпочтительное внимание на писателей Галлии и, особенно, родной Геннадию Массилии (Марселя). Как отмечает К.Р. Симон, этого предпочтения недостаточно, чтобы предположить у Геннадия сознательное стремление дать биобиблиографию именно местных писателей, как наблюдалось у некоторых более поздних представителей этого жанра.

Кроме того, Геннадий был сторонником полупелагианства, которое в VI в. было официально осуждено церковью как «заблуждение», хотя и не «ересь». Книга Геннадия носит явные следы его пристрастия. Важно отметить, что это не повредило авторитету и распространению книги. Оба (Иероним и Геннадий) нередко переписывали в одном кодексе, а после начала книгопечатания издавались вместе (38, с. 40—41).

Важно также отметить следующие характеристики книги Геннадия. В отличие от Иеронима он сделал упор прежде всего на библиографию. Как и Иероним, он использовал собственную библиотеку, но внимание к библиографии привело к тому, что качество его каталога выше, чем у Иеронима. Он содержит меньше грубых ошибок (58, стб. 119—121).

Следующие в серии церковных биобиблиографических трудов — «Книги о знаменитых мужах» Исидора, епископа Севильского (ок. 560—636) и его младшего современника Ильдефонса, епископа Толедо (607—667), т. е. оба из Ис-

пании, где культурная жизнь находилась в относительно лучших условиях, чем в остальной Европе. «Книга» Исидора имеет меньший объем, чем у его предшественников Иеронима и Геннадия (48 статей). Кроме того, она имеет некоторые характерные черты, которые повлияли на последующую эволюцию биобиблиографии. Исидор отдает предпочтение местным (испанским) писателям, особенно в отношении писателей ближайшего к нему времени. Что касается Ильдефонса, то его список, который состоит всего из 14 имен, включает сведения только о местных писателях: 13 испанских, из которых 8 принадлежат его родному Толедо.

Книга Исидора имеет также выборочный рекомендательный характер, что безусловно повлияло на ее объем. Список Ильдефонса еще меньше, и в его статьях биографический элемент преобладает над библиографическим. Иногда биографические сведения приводятся совсем без библиографических (38, с. 50—53). Все это свидетельствовало об угасании библиографической деятельности. И действительно после Исидора и Ильдефонса она прервалась почти на 500 лет.

Новые библиографические труды появились в Европе не ранее конца XI в. Первой такой работой была «Книга о церковных писателях» бенедиктинского монаха Сигеберта из Жамблу (ок. 1030—1112). Кроме того, Сигеберту принадлежит «Мировая хроника». Таким образом, в его лице мы имеем продолжателя обеих линий античной культуры христианского содержания: мировые хроники вплоть до своего времени (линия Евсевия—Иеронима) и биобиблиография (линия Иеронима—Геннадия). Книга Исидора ему неизвестна.

«Книга» Сигеберта включала сведения о 172 церковных писателях, о расцвете 74 из них он писал также в своей «Хронике». Подобно Иерониму и Геннадию труд Сигеберта имел международный характер, т. е. включал сведения об авторах независимо от национальной принадлежности. В XI в. в Европе церковь была всемогущей и всепроникающей. Поэтому труд Сигеберта включает сведения, как он сам отмечает, только о церковных писателях. Исключены из

него не только светские авторы, но и светские произведения церковных авторов. Исключением, казалось бы, является охват историков и теоретиков музыки. Однако на самом деле историки — это историки церкви, а теоретики музыки имеют в виду церковную музыку.

Решив стать последователем Иеронима и Геннадия, Сигеберт в своей биобиблиографической деятельности также опирался на доступные ему библиотеки. Кроме этого, он использовал различные письменные источники, и прежде всего тексты в самих рукописях (38, с. 55; 58, стб. 139—145).

Следующей работой того времени являются «Четыре книги о светочах или о церковных писателях» Гонория Отенского. Эта работа относится к XII в. Последний из авторов, включенных в нее, умер в 1130 г. Гонорий четко опирался на предшественников. Три первые книги называются «Извлечения» соответственно из Иеронима, Геннадия и Исидора. Четвертая кнга «Собранное из разных авторов» (17 имен) — собственное дополнение Гонория. Спорным является вопрос о принадлежности ему статьи о нем самом (17-я). Важно также, что Гонорий сократил биографические сведения и сделал упор на библиографические, т. е. книги о церковных писателях всё в большей степени переходят в сферу библиографии (38, с. 55—56; 58, стб. 146).

Во второй половине XII в. «Аноним из Мелька» составил свою «Книгу о церковных писателях». Р. Блюм считает ее наиболее значительной работой XI—XIII вв. К.Р. Симон отдает пальму первенства Гонорию. Анониму из Мелька были неизвестны ни Сигеберт, ни Гонорий, т. е. он, видимо, считал себя первым продолжателем линии Иероним—Геннадий. Исидор также был ему неизвестен. Работа включает 118 статей о 119 авторах, из которых 108 являются дополнением Анонима (авторы между концом V в. и началом XII в.). Его источниками были рукописи с текстами произведений включенных авторов, хроники и исторические труды типа «Церковной истории Англии» Беды. Источники некоторых сведений не установлены. Каталог имел местный характер (58, стб. 151).

«Каталог знаменитых мужей», созданный в XIII в., составил Генрих из Брюсселя. Как отмечает Р. Блюм, ранее его составителем считался Генрих Гентский (38, с. 56—57; 58, стб. 158). Каталог был составлен монахом бенедиктинского монастыря в Аффлигене между 1270 и 1273 гг. Автор считает себя продолжателем Сигеберта, которого он дополнил сведениями, доведенными до его собственного времени. Каталог охватывает 58 авторов XI—XIII вв., в том числе всех крупнейших представителей схоластики: Абеляра, Гуго и Ришара из монастыря св. Виктора (близ Парижа), Фомы Аквинского и других. В этом списке жизнеописания почти отсутствуют, и для большинства авторов приводятся только названия их трудов, т. е. победа библиографии над биографией была окончательной (38, с. 56—57; 58, стб. 158—159).

Определенной разновидностью церковной биобиблиографии являются труды авторов различных орденов с представлением авторов своих орденов и даже монастырей. Наиболее ранней разновидностью этого вида библиографии является «Книга о знаменитых мужах монастыря Монте-Кассино», написанная архивистом и библиотекарем этого монастыря Петром Диаконом между 1130 и 1137 гг. Книга состоит из 47 статей от св. Бенедикта до самого Петра Диакона.

Последняя средневековая «Книга о церковных писателях» принадлежит ученому аббату монастыря в Шпонгейме Иоанну Триттенгемскому (или Тритемию) (1462—1516). Иоанн жил в инкунабельный период полиграфической информации. Это в полной мере нашло отражение в его творчестве. По содержанию «Книга» Иоанна отражает рукописную информацию, но сразу после завершения в 1494 г. она была издана на печатном станке[1]. Благодаря этому Т. Бестермен назвал составителя «отцом библиографии», а саму «Книгу» Иоанна «первой современного типа библиографией» (38, с. 68—69). В последней оценке безусловно нашло отражение незнание и непонимание эволюции библиографии до начала книгопечатания.

[1] Iohannes de Trittenhem, abbas Sponhemesis. Liber de scriptoribus ecclesiasticis. — Basileae, 1494. — [VI], 140 f. — In-folio.

«Книга» Иоанна Триттенгемского — подытоживающей труд биобиблиографической серии Иероним—Геннадий—Исидор—Сигеберт, которых автор прямо называет своими предшественниками. Отличие труда Иоанна прежде всего в его объеме. Иоанн учел около 9 тыс. произведений 963 писателей, свел воедино и продолжил до конца XV в. работы предшественников без внесения новых черт в библиографическую методику и технику, за исключением создания вспомогательного аппарата. Это, однако, превратило «Книгу» Иоанна в справочное пособие в отличие от пропагандистских и историко-литературных целей его предшественников.

Еще одной особенностью «Книги» Иоанна было включение не только церковных, но и светских авторов (философов, ораторов, поэтов и др.), которые в своих произведениях не отступали от христианской доктрины. Это было четкой установкой автора, о ней он сам написал в завершающем книгу «ответном письме» на имя Альберта Мордерера. Последний упрекал Иоанна за включение в «Книгу» «многих преподавателей светских наук». Источником для Иоанна была прежде всего библиотека его монастыря, которую он сам же и создал. Эта библиотека включала около 2000 рукописных и печатных томов и считалась лучшей в Германии (38, с. 68—73; 58, стб. 185, 189—198).

Светская биобиблиография

Светская биобиблиография в Европе возникла только в XIII в., т. е. в то время, когда после 500-летнего перерыва возродилась церковная библиография серии Иеронима—Геннадия. Светские элементы были допущены в «Историческом зеркале» Винсента из Бове (ок. 1190—1264). В этом труде, два варианта которого датируются 1244 и 1253 гг., рассмотрено меньше, чем у его предшественников церковных авторов. При рассмотрении античных языческих авторов Винсент часто цитировал Иеронима, но также Цицерона, Валерия Максима, Авла Геллия и других языческих писателей и

затем св. Августина, Исидора и других христианских авторов, в том числе старших современников. Источником для Винсента была библиотека его монастыря. Во всяком случае он особо отмечает, если использует рукопись другой библиотеки или вообще не видел источника (58, стб. 161—162).

Гораздо более светским автором был Вальтер Берли (ок. 1275—после 1344), известный английский схоласт и скорее философ, чем богослов. Ему принадлежит работа «О жизни и смерти философов». О дате создания можно судить по тому, что между 1332 и 1338 гг. ее использовал Джованни Колонна в своей «Книге о знаменитых мужах» (см. ниже). Работа включает 132 статьи: первые 80 — исключительно о греках, остальные частично о римлянах (28), и о греках (16). В целом приведены сведения о 78 философах (76 — греки и только 2 — римляне). Остальные посвящены писателям, ораторам, историкам, врачам, математикам, астрономам и грамматикам. В шести статьях рассмотрены государственные деятели и полководцы. Все включенные лица в основном были известны своей литературной деятельностью (58, стб. 164—165).

Вскоре после Берли итальянский доминиканец Джованни Колонна составил каталог писателей, который включал сведения как о церковных, так и о языческих авторах, несмотря на то, что по традиции Иеронима—Геннадия он назывался «О знаменитых мужах». Под знаменитыми мужами в это время стали понимать писателей-ученых независимо от их религиозной принадлежности (там же, стб. 168).

Через 10 лет алфавитный каталог языческих и христианских писателей был составлен Гильельмо да Пастренга (1295—1363), который принадлежал к тому же культурному кругу Италии, что и Колонна. Оба были в дружеских отношениях с Петраркой и разделяли его античные интересы. Р. Блюм предполагает, что этот труд по традиции назывался «О знаменитых мужах», хотя в издании 1547 г. он имел другое заглавие. Пастренга учел 556 языческих и 294 христианских авторов с приведением кратких биографических и библиографических сведений (там же, стб. 172—174).

В Англии биобиблиографические элементы (краткие биографические сведения, оценки произведений с поправками, первые и последние слова и др.) появились в 1420 г. в сводном каталоге Бостона из Бэри или, по мнению Р. Блюма, на основании отдельных исследований Генри де Киркестезе (ум. после 1378 г.). В каталог включена информация о 673 авторах. Он назывался «Каталог церковных произведений», но охватывал также много светской литературы самого разнообразного содержания (43, с. 30; 58, стб. 176—177; 84, с. 78).

В Бельгии Арнольд Грейльховен (ум. 1442 г.) составил в 1424 г. биобиблиографический труд «О знаменитых мужах всех времен», включавший, как это было типично для поздних средних веков, сведения о языческих и христианских авторах: около 290 греко-римских и средневековых европейских писателей (190 языческих и 100 христианских), позднейшие из которых жили на рубеже XIV и XV вв. Особенностью сочинения Грейльховена было использование эпитафий для получения биографических данных (58, стб. 178—179).

По мнению Р. Блюма, особого внимания заслуживает труд Сикко Полентона (ок. 1375—1447)) «Знаменитые мужи латинского языка, 18 книг», он был завершен в 1437 г. Автор был светским человеком — нотариусом и затем канцлером в Падуе. Биобиблиография Полентона охватывает 82 языческих римских автора и 24 христианских (от древности до конца XIV в.), в том числе таких как Данте, Петрарка и Боккаччо (там же, стб. 179—181).

Некоторые биографические сведения включали не только английские, но и бельгийские и нидерландские сводные каталоги конца XV—начала XVI в. Поэтому несмотря на видовое отличие, о них необходимо упомянуть при анализе биобиблиографии. Биографии по традиции, которая шла от Винсента из Бове, входили также в состав мировых хроник. В качестве примера можно привести «Историческую сумму (итоги)» Антонио Пьероцци (по прозвищу Антонино), которая была доведена до 1458 г. В ней приводились не только сведения о жизни и трудах знаменитых языческих и хри-

стианских литераторов, но и отрывки из их произведений. Работа настолько ценилась, что в 1494 г. она была издана в Нюрнберге (там же, стб. 181—183).

Последняя по времени светская библиография — работа «Восполнение хроник» Джакомо Филиппо Форести (1434—1518 или 1520). Форести был приором монастыря в Бергамо. Р. Блюм считает, что биобиблиографические части этой хроники — лучшее, что может предложить позднее средневековье в хроникальной традиции. По замыслу автора его труд должен был заменить все предшествующие хроники. Для включенных авторов Форести приводит биографические и библиографические сведения. Произведения 32 самых знаменитых авторов представлены в виде списков, которые размещены после биографий. В 21 из этих списков приводятся начальные слова произведений, что было новинкой для чисто библиографических трудов в отличие от каталогов библиотек (там же, стб. 183—184).

В целом описание европейской биобиблиографии рукописного периода показывает, что она стала весьма значительной к концу средних веков и началу активного книгопечатания.

Русь

Единственной работой на Руси, которая приближается к биобиблиографии, является «Оглавление книг, кто их сложил». Составителя особенно интересовали авторы книг, что нашло отражение в заглавии. Во многих случаях (когда составитель обладал необходимыми данными, сообщаются краткие биографические сведения (14, с. 36—38).

Арабо-мусульманский мир

«Фихрист» Ибн ан-Надима — первый национальный библиографический труд имел форму биобиблиографии,

которая, как и в эллинистической культуре, была первичной формой библиографии. В обеих культурах это объяснялось появлением огромного интереса не только к личностям авторов, но и к их произведениям.

Крупнейшими биобиблиографами мусульманского средневековья были Ибн ал-Кифти и Ибн Аби Ушайбиа. Ибн ал-Кифти (1172—1248) создал фундаментальный труд «История ученых» (85), которая включает 414 биобиблиографических статей о философах, врачах, математиках и астрономах с мифологического времени до времени автора. Кроме мусульманских, Ибн ал-Кифти включил в работу сведения о греческих авторах, некоторые из которых отсутствуют в других источниках.

После Ибн ал-Кифти наиболее значительной работой является биобиблиографический словарь, посвященный ученым, в основном врачам, составленный Ибн Аби Ушайбиа (1194—1270) (84). Этот труд включает 380 статей, которые признаются исключительно ценным материалом для истории арабской науки. Работа появилась в двух редакциях: малой и большой. Малая редакция была закончена в 1242 г., большая — в 1268 г. Источником для большой редакции была «История ученых» Ибн ал-Кифти. После смерти автора не слишком умелый переписчик создал свою версию на основе обеих оригинальных редакций (69).

В XIII в. биобиблиографический материал имеется также в «Словаре имен и оглавлений наук» арабского писателя и путешественника Ибн Абдаллаха Якута. Совершая путешествия по различным странам Востока, в том числе в Центральной Азии, Якут занимался во многих библиотеках. Он черпал свой материал из географических, исторических, биографических, филологических и литературных источников. Одним из них была «Книга генеалогии имен» Мухамеда ибн Мансур ас-Самани, составленная в XII в. Работа ас-Самани включает более 4 тыс. имен, в основном авторов богословских трудов.

Среди биографических словарей, посвященных философам и ученым, можно назвать также работу Шамсиддина

ал-Шираки «Услада душ и цветник веселий» (XIII в.). Словарь состоит из двух частей: первую занимают материалы о древнегреческих философах и ученых, вторую — сведения о философах и ученых раннего мусульманского средневековья, в том числе о таких как Бируни, Ибн Сина и другие (49, с. 66—67).

Персональная библиография

Персональные библиографические списки, т. е. библиография, посвященная обычно какому-либо выдающемуся автору, нередко имели биобиблиографический характер. Поэтому персональную библиографию, особенно первоначально, нужно рассматривать как вариант биобиблиографии. Особенно широкое распространение они имели в эллинистическом мире. Основная цель этих списков — исследование по установлению подлинных произведений автора, которому был посвящен список.

Наиболее древними персональными библиографическими списками являются перечни произведений Эсхила, Софокла и Еврипида. В них в полной мере отразилась научная цель по установлению подлинности. Например, в списке произведений Эсхила указаны два варианта одного произведения с отметкой о подлинности: «Этнийки подлинные» и «Этнийки ложные». Указание подлинности связывает список с «Таблицами» Каллимаха и с каталогом Александрийской библиотеки, в которых могли быть сведения об обоих вариантах. О связи с «Таблицами» свидетельствует и наличие альтернативных заглавий в списке комедий Аристофана.

Каллимах, кроме «Таблиц», составлял персональные библиографические списки. Предполагается, что он составил «Указатель произведений Демокрита».

Сохранилось два списка трудов Аристотеля в его жизнеописаниях: в книге Диогена Лаэртского и список Птолемея, который дошел до нашего времени в переводе на арабский

язык. Список Птолемея в отличие от Диогена Лаэртского не имеет биографической направленности. Это подлинно персональный список, целью которого было издание собрания сочинений Аристотеля. Он не только соответствует современным представлениям о составе собрания сочинений Аристотеля, но и включает принятые в настоящее время заглавия отдельных произведений и их деление на книги, т. е. количественную характеристику. Это дает основание считать, что Птолемей в основном заимствовал материал из утраченного списка трудов Аристотеля, составленного Андроником Родосским в 20—40 гг. I в. до н. э.

Список возник в связи с подготовкой собрания сочинений Аристотеля, которое до настоящего времени считается признанным эталоном по составу, группировке произведений Аристотеля, формулировке их заглавий и делению на книги. Неизвестно, был ли список Андроника отдельным произведением или оглавлением собрания сочинений, но их связь признана специалистами. Список трудов Феофраста в книге Диогена Лаэртского обычно приписывается Гермиппу.

Обзор речей одного из «десяти» аттических ораторов Динарха входит в состав биобиблиографического исследования Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э.). Работа возникла в связи с возрождением интереса к творчеству аттических авторов и необходимостью установить их подлинные названия. Так, мнение о количестве подлинных речей Динарха колебалось от 1 до 160. В предшествующих библиографических трудах вопросы подлинности речей Динарха, видимо, не нашли удовлетворительного решения. Во всяком случае Дионисий критикует за неточности александрийские и пергамские библиотечные каталоги. Таким образом, в исследовании Дионисия Галикарнасского библиографический список является конечным результатом, важнейшей частью работы.

В жизнеописании Плотина, составленном Порфирием, имеется список его трудов. Порфирий отмечает, что Плотин не давал заглавий своим произведениям, и каждый озаглав-

ливал их по-своему. В список включены те заглавия, которые, в конечном счете, закрепились за сочинениями Плотина. Этим объясняется и наличие альтернативных заглавий, например «О душе третья книга, или же О времени». Особенностью списка Порфирия является то, что в данном случае автором был ученик, который был свидетелем создания основной части произведений. Сохранился также каталог произведений Плутарха III—IV вв. н. э. (52, с. 188).

В Европе самым ранним является список трудов Алкуина, который входил как часть в его жизнеописание. Список был составлен учениками Алкуина (58, стб. 139).

В арабо-мусульманском мире подобно эллинистическому обычай составлять персональные библиографические списки выдающихся людей имел достаточно широкое распространение. Большой интерес представляет список трудов Ибн Сины, который составляет часть его «Жизнеописания». «Жизнеописание» было написано самим Ибн Синой и его учеником Абуубейду Джузджани. Собственно указатель был составлен учеником. Его ценность заключается в том, что до настоящего времени не составлено библиографическое пособие, которое охватывало бы все произведения Ибн Сины (их, по некоторым выводам, было более 300) (48, с. 23).

Среди врачей с Ибн Синой мог сравниться только Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази. Под именем Разес он был известен в Европе, где его труды и труды Ибн Сины широко использовались при изучении медицины в университетах и во врачебной практике. Ар-Рази был предшественником Ибн Сины. Он родился в 865 г., на 115 лет раньше Ибн Сины (64, с. 196).

Персональный список сочинений ар-Рази в дополнение к его автобиблиографии (см. ниже) был составлен другим выдающимся ученым раннего средневековья Абу Рейханом Мухаммадом ибн Ахмедом ал-Бируни в 1036 г. «Фихрист (список) книг Мухаммада Закария ар-Рази» Бируни дает перечень 184 сочинений ар-Рази, которые сгруппированы по наукам в определенной последовательности: химия, медицина, философия, математика и астрономия. Из перечня

видно, что ар-Рази занимался также проблемами анатомии, физиологии, физики и метеорологии. В целом список давал полное представление о научном наследии ар-Рази (18, с. 57—58; 30, с. 72; 49; 89).

Автобиблиография

К персональной библиографии примыкает и часто сочетается с ней автобиблиография. Единственное различие между ними в том, что автобиблиографический список — это персональный список, составленный самим автором. Цели автобиблиографии те же, что и у персональной и даже биобиблиографии в целом — установление корпуса подлинных произведений автора с исключением тех, которые приписывались ему ложно.

Знаменитый греческий врач Гален (II в. н. э.) написал две автобиблиографические работы: «О порядке собственных книг» и «О собственных книгах». Первая из них является своего рода введением к собранию сочинений Галена с рекомендацией о том, в каком порядке их следует читать. Эта книга по целевому назначению напоминает исследование Андроника Родосского о трудах Аристотеля. Вторая работа в большей степени приближается по характеру исследования к работе Дионисия Галикарнасского о речах Динарха. Во введении сказано о цели работы: помочь читателю различать истинные труды Галена от тех, которые приписываются ему ложно.

Цицерон включил автобиблиографический обзор своих философских и риторических сочинений в работу «О предсказаниях» (44 г. до н. э.). Этот один из немногих античных автобиблиографических трудов обзор представляет интерес тем, что в нем литературная деятельность автора рассмотрена в свете его личной судьбы и культурно-политических целей, поскольку в связи с диктатурой Цезаря он был отстранен от активной политической деятельности, и ему оставалась только литературная работа (58, стб. 59).

В европейской биобиблиографии церковных писателей составление автобиблиографических списков как последней статьи указателя было начато Иеронимом и Геннадием и продолжено вплоть до Иоанна Триттенгемского. К.Р. Симон рассматривает этот обычай в качестве своего рода авторской подписи (38, с. 52).

Беда Достопочтенный (672 или 673 — ок. 735) приложил к своей «Церковной истории английского народа» «Заметки о самом себе и своих книгах». В ней он перечислил 36 собственных произведений. По форме работа близка к автобиблиографии Галена, но, как отмечает К.Р. Симон, эта автобиблиография была весьма незначительной по объему и не имела какого-либо влияния на последующее развитие библиографии (там же, с. 53—54).

Гуго из Тримберга в своем «Перечне многих авторов» приводит в конце последнего раздела краткую автобиографию и список собственных трудов на латинском и немецком языках (там же, с. 63—64).

В Англии через 500 лет после Беды Гиральд из Камбрии (в настоящее время Уэльс; XII—XIII вв.) в свое оправдание направил капитулу Херифорда письмо, в котором он дает описание своих сочинений — «Epistola ad capitulum Herefordense de libris a se scriptis». За письмом последовал «Краткий каталог собственных книг» (52, с. 190; 53, с. 3—4).

Ибн ан-Надим в «Фихристе» прямо указывает, что для своего перечня трудов ар-Рази он использовал его автобиблиографический список (65, Д. 703). В свою очередь Бируни в «Фахристе» трудов ар-Рази в конце приводит автобиблиографический список собственных сочинений (20, с. 58—59; 36, с. 73). Наконец, Мулла Фаиз Кашани (ум. 1680 г.) составил три автобиблиографических списка (72, с. 213).

В Индии с VIII по XVI в. наряду с литературой анукрамани ряд ученых и правителей, начиная с ведического периода, включали перечни своих сочинений в собственные труды вплоть до того времени, когда началось книгопечатание (93, с. 5).

ГЛАВА 5

Рекомендательная, отраслевая, реферативная, книготорговая и мемориальная библиография

Рекомендательная библиография

Европейская рекомендательная библиография начинается с «Институций» Кассиодора (ок. 487 — ок. 578) (59). Книга I «Институций» носит в основном рекомендательный библиографический характер. Собственно, чисто библиографическое содержание имеют в ней 20 глав из 32. Они являются указателем литературы, которую полезно читать в образовательных целях. Хотя библиотека Вивария исчезла вместе с монастырем еще в последние годы VI или в самом начале VII в., библиографический материал «Институций» превратился в своего рода «примерный каталог» для комплектования монастырских библиотек. В последующие столетия он широко использовался именно в этом качестве. Как отмечает К.Р. Симон, «Институции» стали рекомендательным библиографическим пособием, которое ориентировало чтение монахов и деятельность переписчиков. Это был первый и последний «примерный каталог» европейского средневековья. Он не имел продолжений (38, с. 45—48).

В X—XII вв. появились списки римских и греческих авторов, на их основе составлялись и размножались школьные хрестоматии. Такие списки возникли уже в конце X в. (Вальтер Шпейерский), а к XII в. (например, у Конрада Гирсауского в его «Диалоге об авторах») в них попадают не только античные, но и латинские авторы каролингской эпохи. У Конрада Гирсауского уже налицо элементы рекомендательности, в том числе стремления исключить из чтения некоторых авторов. Например, он не включил в свой список Теренция, хотя тот никогда не переставал быть популярным на протяжении средних веков. Из Цицерона упоминаются прежде всего его моралистические трактаты.

Следующий рекомендательный список был составлен в конце XII в. Александром Некамом. Этот список в основном включает рекомендации по чтению языческих авторов. Имеется всего несколько христианских авторов. Это объясняется тем, что начиная с XI в. интерес средневековых богословов к патристике (кроме Августина) падал и только позднее был возрожден гуманистами.

Еще более обширный рекомендательный библиографический список античных авторов был включен в дидактическое стихотворение Эбергарда «Laborintus» (вторая половина XII в.). Общее число имен у него — 37, из них 15 относятся к классическому периоду римской литературы, а остальные — к IV—VI вв. и раннему средневековью (5, с. 172—173).

Рекомендательность и запретность, т. е. негативная рекомендательность (нерекомендательность), и проявились в составлении списков истинных и ложных книг. С.А. Горячева в своей, к сожалению, неопубликованной диссертации «Библиографическая информация в древнееврейских и раннехристианских текстах» (6) прояснила иудейскую и раннехристианскую историю возникновения этих списков. В древнееврейской традиции сначала рассмотрены первые свидетельства существования канона еврейских Писаний, затем списки в литературе Кумранской общины, сведения у Филона Александрийского (ок. 25 г. до н. э.—ок. 50 г. н. э.), Иосифа Флавия (Йосеф Бен Маттитьяху; 38 г.—после 100 г. н. э.) и, наконец, тексты Талмуда. При выработке Талмуда шло постоянное обсуждение группировки и порядка расположения текстов, их включения или исключения из канона. Таким образом, древнееврейская традиция создала методическую основу для появления той же традиции в христианской среде (там же, § 2.1 «Списки канонических книг в раннем иудаизме», с. 109—142).

Далее в диссертации рассмотрена эволюция христианского канона в I—III вв., в том числе возникновение канона Нового Завета во II в., свидетельством чего является так называемый «фрагмент Моратори». Обычно «фрагмент Моратори» датируется 180—200 г. и считается старейшим

из сохранившихся списков книг Нового Завета. Далее традиция выработки христианского канона связана с творчеством Евсевия Кесарийского (между 260 и 265—338 или 339 г.). Наконец, наиболее известный список книг, входящих в канон Нового завета, был составлен Афанасием, епископом Александрийским в середине IV в. Этот список был впоследствии признан каноническим (там же, с. 142—178).

Канонические списки истинных и ложных книг были рассмотрены в нашей монографии «Библиографические памятники Византии» (33, гл. 6, с. 129—154), начиная с 85-го Апостольского правила (середина IV в.), правил поместных соборов и списков Афанасия Александрийского, Григория Богослова (ок. 330—ок. 390) и епископа Иконийского Амфилохия (ум. после 392 г.). На Руси эта традиция привела к возникновению первого русского библиографического памятника в составе Изборника великого князя Святослава Ярославича 1073 г. (там же, с. 153—154).

В Европе рекомендательные элементы в библиографии появились уже в книге о церковных писателях Исидора Севильского. В этом ее отличие от трудов Иеронима и Геннадия. Во вступительной фразе к своему списку Исидор особо предупреждает о том, что он внес в него только писателей, заслуживающих, на его взгляд, особого внимания (38, с. 52).

В XIII в. в «Книгозаконии» (54) Ришара де Фурниваля, канцлера Амьенской церкви, который хотел сделать полезными и доступными для жителей Амьена книги своей библиотеки, имеются некоторые элементы рекомендации, совета ознакомиться с перечисленными книгами (38, с. 59—60).

Наконец, безусловно рекомендательные цели имел стихотворный «Перечень многих авторов» (68) Гуго из Тримберга, составленный в 1280 г. для школьных нужд. Автор находился во главе школы в Бамберге и хотел сделать свою книгу полезной и приятной для тех, кто в ней обучался (38, с. 62—65).

На Руси элементы рекомендательности можно найти в «Указце» Арсения Высокого (конец XVI в.). Это было руководство по кругу духовного чтения. Рекомендательность

в нем проявилась в том, что в нем взяты только избранные места из избранных книг в соответствии с церковными канонами (14, с. 30—31).

Отраслевая библиография

Наиболее древним отраслевым библиографическим пособием можно считать «Указатель авторов драматических произведений» Каллимаха. Этот труд, безусловно, связан с «Дидаскалиями» Аристотеля. Главное отличие указателя от «Дидаскалий» заключается в том, что Каллимах сосредоточил весь материал, касающийся одного автора, в отдельной статье, а внутри авторской статьи распределил произведения по агональному принципу, т. е. по типам соревнований (агонов) и по занятым на них местам. Это сделало указатель Каллимаха более удобным для историко-литературных исследований, чем «Дидаскалии» и «Победы на Дионисиях» (38, с. 20—21; 57, стб. 198—208).

Определенный интерес представляют библиографические списки в сочинении Афинея из Навкратиды Египетской «Дипнософисты», или «Пир мудрецов». Списки были посвящены авторам, писавшим о рыбной ловле, приготовлении пищи, об афинских гетерах и др.

Византийская историческая энциклопедия включала списки со сведениями об авторах и произведениях. Эти списки были тесно связаны с введением. В конце введения к сборнику «О посольствах» написано: «Это введение покажет, кто является отцами тех отрывков, которые следуют далее, откуда они происходят, так как не следует, чтобы эти выдержки были без имени, как незаконные дети, которые носят вымышленное имя; выдержки являются отрывками из следующих хроник». Далее следует список. Аналогичный список имелся в сборнике «О добродетели и пороке». Списки были своего рода «содержанием» сборников.

Библиографический аппарат византийских правовых сборников, начиная с VI в., мог включать списки и обзоры

источников. В византийском праве традиция составления списков первоисточников восходит к списку латинских авторов и их произведений в Дигестах (Флорентийский индекс). Этот список и типовое библиографическое описание в нем оказали влияние на библиографическое оформление византийской правовой литературы.

Списки и обзоры первоисточников были характерны в основном для церковного права, притом именно для канонических сборников и их частей в отличие от гражданских. В гражданских сборниках и церковных собраниях положений гражданского права основные источники указывались в инскрипциях. В VI—VII вв. списки источников включали «Собрание церковных правил» Иоанна Схоластика (ок. 550 г.) и Номоканон в 14 титулах (ок. 620—629 гг.).

В арабо-мусульманском мире в IX—X вв. возникла религиозная отраслевая библиография. Ее можно разделить на две группы: библиография Корана; библиография всей остальной религиозной литературы (48, с. 27). В определенной степени отраслевым указателем по медицине можно считать «Фихрист» трудов ар-Рази, составленный Бируни. Кроме того, Бируни при написании своего капитального труда «Индия» посвятил две главы обзорам индийской философской и религиозной литературы (12-я глава) и астрономии (14-я глава) (18, с. 57).

К медицинской отраслевой библиографии относят также Хунайна ибн Исхака (808—873), одного из деятелей «Дома мудрости», который был создан халифом Ал-Мамуном для перевода греческих, сирийских, персидских и индийских научных трудов. Хунайн ибн Исхак составил обзор переводов Галена, которые были доступны в середине IX в. Он перечисляет 192 названия, из них он сам перевел 100 на сирийский и арабский языки (72, с. 207—208).

В Китае отраслевая библиография представлена буддийскими и даосскими библиографическими списками. В начале образования государства Западная Цзинь чиновник-библиотекарь (?—289) по приказу императора составил новую государственную библиографию и в виде приложения

к ней отдельный библиографический указатель буддийских канонов. Позднее при династии Лян монах Сэн Ю также стал автором библиографии буддийских канонов «Чусаньцзянцзицзи» (46, с. 140—141).

Достаточно хорошо была разработана и библиография даосских канонов. Ее отличие от буддийского материала заключалось в том, что они были составлены вне императорских книгохранилищ на основе библиотек различных монастырей (31, с. 194—206).

Реферативная библиография

Реферативная библиография в основном представлена «Библиотекой» константинопольского патриарха Фотия, которая является родоначальником и фактически единственным представителем этого вида библиографии в средние века.

Рефераты у Фотия могут включать следующие элементы: изложение содержания, оглавление или аналитическую роспись произведения, характеристику и оценку произведения в целом, его стиля и языка; примечания к сведениям об авторе, заглавии, различных «изданиях», количественной характеристике и языке текста; сведения о хронологическом охвате, структуре, подлинности, истории создания и использования произведения, о том, кому оно посвящено, и его связи с другими произведениями; список использованной литературы и другие источниковедческие данные; биографические сведения об авторе, указания и характеристика его других работ; рекомендации по читательскому назначению и использованию произведения.

Дидактический и рекомендательный характер рефератов позволяет считать «Библиотеку» не только реферативным, но и рекомендательным библиографическим пособием[1].

[1] Подробнее о «Библиотеке» и элементах реферата в ней см. нашу монографию «Библиографические памятники Византии» (33, гл. 3, с. 47—66; реферат, с. 56—64).

Книготорговая библиография

Книготорговая библиография практически еще не возникла до начала книгопечатания. Единственное, что удалось установить в результате изучения литературы, — это средневековые списки еврейских рукописей, которые предназначались для продажи (наподобие современных книготорговых каталогов). Списки составлялись книготорговцами (31, кн. 1, с. 322).

Мемориальная библиография

В древнем Египте мемориальные списки известных авторов имеют определенное библиографическое значение. Известно три таких списка: указание авторов в песне из гробницы царя Антефа, перечень восьми мудрецов древности в папирусе Честер-Битти IV и регистр значительных лиц из гробницы в Саккаре (Фрагмент Даресси). Наибольший интерес представляет список восьми мудрецов древности, который признается важным доказательством существования понятия авторства в древнем Египте. Причина составления списка выражена следующим образом: «Произносят их имена из-за их книг, которые они сделали, поскольку они были хороши, и память о том, кто сделал их (сохранится) навеки». Далее идут следующие слова: «Есть ли здесь (кто-либо), подобный Джедефгору? Есть ли другой подобный Имхотепу? Нет среди наших близких подобных Неферти и Хети, главному среди них. Я напоминаю тебе имена Птахемджехути и Хахеперресенеба. Есть ли другой подобный Птахотепу или Каиресу? Это мудрецы, которые предсказывали то, что наступит, и то, что исходило из их уст, осуществлялось».

Этот перечень включает восемь наиболее известных авторов Древнего и Среднего царств, которые были образцом для писцов Нового царства, к которому относится папирус. Изучение списка показывает, что авторы в нем сгруппирова-

ны по парам. Пары подобраны, по мнению исследователей, в хронологическом порядке или в соответствии с их общественным положением.

ГЛАВА 6

Аналитическая библиография, внутритекстовая библиография и ссылки, библиография библиографии

Аналитическая библиография

Аналитическая роспись возникла уже в глубокой древности. Старовавилонский список СВ 8 представляет собой аналитическую роспись антологии молитв, которая занимала 9 табличек. Как следует из росписи, на каждой табличке размещался один раздел. При этом отдельные молитвы могли повторяться в 2—3 различных разделах. В результате, хотя общее число заглавий в списке равно 83, количество включенных произведений не превышает 68. Разделы в росписи отделяются друг от друга внутренними колофонами, в которых приводятся количество произведений в разделе и слова «содержание одной таблички».

В европейских средневековых каталогах также применялась аналитическая роспись, поскольку она могла содержать много произведений, а ее описание в каталоге обычно ограничивалось названием первого произведения. В этом случае применялась стандартная фраза: «В этом томе содержатся» («In hoc volumine continentur») (47, с. 47).

На Руси тоже применялась аналитическая роспись. Наиболее яркими примерами являются «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря» и «Указец» Арсения Высокого. «Описание» состоит из двух разделов. Во втором дано подробное описание 24 сборников, кратко поименованных в первом разделе. Всего расписано 957 статей. Для

каждой статьи отмечаются ее заглавие и начальные слова, затем начальные слова всех глав, количество листов, занятых каждой главой, и их нумерация. Заглавие, первые буквы начальных слов и нумерация глав на полях выделяются киноварью. Этим достигается исключительная наглядность и обозримость описания.

Арсения Высокого интересуют даже не состав книг, а их отдельные темы. Он подбирает материал по определенной избранной им тематике и наряду с книгой выделяет части книг (статьи и главы). Всего расписано 40 книг. Арсений расположил материал в круг годового чтения в календарном порядке, и таким образом первый среди русских библиографов применил аналитический метод описания книг (14, с. 29—30).

Аналитическая методика применялась в указцах других монастырей, в том числе Троице-Сергиева, Соловецкого, Иосифо-Волоколамского и др. (27, с. 201—210). Аналитическая роспись содержания (статей) 28 нумерованных тетрадей содержится в «Указе, что в сих тетрадех есть» соловецкого монаха Ионы (опись личной библиотеки) (28).

Внутритекстовая библиография и ссылки

Внутритекстовая библиографическая информация — это сведения о самом произведении или других, входящих в состав текста данного произведения. Внутритекстовые ссылки являются важнейшим элементом информационной культуры. Обычай ссылаться на предшествующие тексты возник отнюдь не сразу.

На первый взгляд кажется, что внутритекстовые ссылки при цитировании — мелочь, которая не заслуживает серьезного внимания. Однако в XX в. история указателей цитирования лишь подтверждает ошибочность этой точки зрения. Указание источника — это форма убеждения ссылкой на авторитет. Аристотель называет такую форму убеждения неартистической и нетехнической, поскольку автору не нужно

самому приводить необходимую аргументацию (95, с. 389). Кроме того, ссылка позволяет датировать текст (7, с. 161).

В древности отсутствие ссылок на цитируемое или использованное произведение было традицией. Объяснялось это незначительным объемом литературной продукции. Образованные люди без ссылок знали, откуда был взят текст. С развитием науки и литературы ситуация изменилась. Плиний приводил в своей книге списки источников и считал себя новатором в этом плане. Во введении он отмечал причины его нововведения. «Это благотворно и свидетельствует о достойной скромности, так как отдает должное тем, благодаря которым мы достигли своих результатов. В этом отличие от многих авторов, которых я указал. Ведь когда я изучал их труды, выяснилось, что многие считавшиеся надежными и современными писателями на самом деле списывали у своих предшественников слово в слово без упоминания источников» (25, Введ. 21—22). Поэтому Плиний приводит во введении список источников: римских (Ex auctoribus — из авторов) и внешних, в основном греков (Externis).

Отсутствие ссылок в древних и средневековых текстах было обусловлено некоторыми объективными причинами. Понятие права на духовные ценности, в том числе на текст, отсутствовало. Поэтому ссылка не имела правового смысла. Нежелание указывать источник (цитата) объяснялось также трудностью работы со свитком, а затем и с кодексом. В папирусный период было необходимо разворачивать и сворачивать свиток для поиска нужного места. В средние века те же трудности возникали из-за с отсутствия пагинации. Причина и в том, что каждая рукопись была уникальной. К тому же нередко читатель не имел ее под рукой. Поэтому такими редкими являются указания места, страницы или колонки при цитировании. По той же причине в средние века при цитировании могли приводиться выдуманные источники. В целом в древности и средние века упоминаемые источники (цитаты) не имели в виду указание их названий (идентификацию), а были своего рода комплиментом, намеком или полемическим приемом. Наконец, в библиотечных целях

источник мог приводиться вместе со сведениями, которые были необходимы для установления его местонахождения (73, с. 206—207; 81, с. 388).

Древнейшая библиографическая ссылка была установлена в древнем Египте. При этом возможна ее примерная датировка. В «Поучении» Хети, которое, как известно, относится к началу XII династии (ок. 1962 г. до н. э.), имеется ссылка на книгу «Кемит». В этом поучении после библиографического введения имеются следующие строки: «Прочти в конце книги Kmjt, найдешь ты эти слова там, гласящие: "Если писец на каком-либо месте своем в резиденции (фараона), не будет нуждаться он там. Он никогда не выходит из милости (начальства), сам он удовлетворяет желание другого"».

Приведенная ссылка уникальна, что неоднократно отмечалось в научной литературе. В ней дано заглавие источника и место, где расположена цитата в этом источнике. Кемит (Сумма, Совершенное) — известное учебное пособие, которое было реконструировано Ж. Позенером[1]. Ссылка на Кемит позволяет установить, что Кемит старше «Поучения Хети» и возникла в первую половину царствования Аменемхета I, поскольку в цитате речь идет о царской резиденции, которая обычно обозначает столицу, расположенную на севере страны в районе Мемфиса-Фаюма, куда ее перенесли из Фив правители XII династии. Таким образом, для датировки Кемит ссылка в «Поучении Хети» представляет собой terminus ante quem, т. е. библиографическая ссылка используется как средство датировки памятника.

Ссылка на Кемит имеет большое значение для установления даты начала библиографической деятельности не только в древнем Египте, но и в целом. Даже если при очень строгой оценке библиографические введения в дидактических сочинениях можно не признавать за библиографическую

---

[1] *Posener G.* Catalogue des ostraca hieratiques de Deir-el-Medineh. — T. 2, fasc. 1.-Le Caire, 1951—1952 (No. 1109—1167); T. 2, fasc. 2 (No. 1168—1173), pl. 1—25. Перевод заголовка «Кемит» как «Сумма» см.: Ibid. T. 2, fasc. 3, p. V.

информацию, так как они расположены вместе с текстом произведений, которые они идентифицируют, то в случае ссылки на Кемит библиографический характер информации не вызывает сомнений. Это позволяет установить середину XX в. до н. э. как безусловную дату начала библиографии. Не имеет значения то, что ссылка на Кемит уникальна. такой же уникальной является фаянсовая табличка с заглавием книги из царской библиотеки Аменхотепа III и его супруги Тии. Это не значит, что другие такие таблички не существовали. Если считать, что египетская литература возникла на руинах Древнего царства, то наличие библиографической ссылки в начале Среднего царства является дополнительным доказательством связи литературы и библиографии как органических частей письменной культуры, доказательством того, что само появление библиографической информации в древних текстах — свидетельство определенного уровня развития литературы.

Характерно также, что ссылки впервые появляются в учебной литературе. Именно при обучении, по-видимому, впервые возникла необходимость не только назвать произведение, но и указать точное место, где находится цитата. «Поучение Хети» было популярным учебным текстом, который часто и в течение длительного времени переписывался в процессе подготовки писцов. Сам Хети считался одним из величайших египетских авторов. Таким образом, ссылка была в обороте, и можно предположить, что она использовалась как образец в других текстах. Во всяком случае, этого нельзя исключить.

Более распространенными были безличные ссылки типа «говорят». Подобные ссылки не называли определенное произведение, но они были знаком того, что далее следует цитата. Такого рода безличные ссылки были характерны не только для египетской, но и для других древних и даже средневековых культур. Персональные ссылки возникли значительно позднее. Такой, например, является ссылка на Джедефгора в небольшом фрагменте папируса, который датируется II в. н. э.: «Джедефгор сказал ... в моем сердце ... гробница».

Ссылки с указанием заглавий произведений имеются в астрономическом папирусе Карлсберг I, который датируется не ранее, чем I в. н. э. В папирусе есть демотический перевод и комментарий более древних иератических текстов. Комментарии вводятся словами «говорит» или «смотри». Как авторитет для комментария писец приводит заглавия книг, которые, кроме одного, неизвестны из других источников. Всего установлено более 200 заглавий, т. е. эта работа имеет уже достаточно развитый ссылочный аппарат. Необходимо, тем не менее, иметь в виду, что папирус относится к римскому периоду, когда библиография уже была достаточно хорошо развита (34, с. 119—122).

В Месопотамии библиографические ссылки появились тогда, когда возникла потребность указать расположение данного отрывка в общепринятом тексте. Особый интерес представляет ссылка из старовавилонского списка молитв СВ 16. В нем имеется следующая запись: «"Она ехала на собаке" — середина "egí-re a-še-ir-re"». Как отмечает С.Н. Крамер, в данном случае писец счел необходимым отметить, что текст, начинающийся со слов «Она ехала на собаке», находится в середине сочинения, начальные слова которого также указаны.

При цитировании, особенно в комментариях, использовалась особая форма: «Как было сказано». Далее после предлога «в» следовало заглавие произведения. Эта форма соответствовала записи сведений об авторе по форме «из уст». Следующие примеры из комментариев к серии предзнаменований «Все болезни» могут дать представление о том, как оформлялись цитаты:

1. «Как было сказано в "Namerimburudu"».

2. «[Как] <было сказано> в "Если город расположен на возвышенности"».

Аналогичная ссылка на шумероаккадский словарь «Erimhuš» имеется в комментарии к серии предзнаменований «Когда выкидыш». В комментарии к серии имеется запись: «Как сказано в "Erimhuš"».

Кроме заглавия произведения, в ссылке могли быть указаны номер таблички или другие сведения о табличках, на которых расположен данный отрывок. Следующие примеры могут дать представление о том, в какой форме приводились эти сведения:

1. «Вторая табличка серии "bit mēseri"».

2. «От начальной таблички (сочинения, которое называется): "Энки вступил в пиршественный зал" до (таблички, которая начинается со слов) "Зенит небес"».

Еще бóльшая детализация встречается в комментариях, например:

«Комментарий и объяснение к "Когда жертвенная овца [...]"; [предзнаменования], не принадлежащие (серии) "Когда выкидыш" из уст ученого. "Запись" Анну-икшура...».

Приведенный выше колофон интересен тем, что в нем точно обозначены предзнаменования, которые не относятся к серии.

В колофоне к следующему комментарию указаны обозначение комментария, заглавие серии, номер комментируемой таблички и ее начальные слова, сведения о продолжении и начальные слова следующей таблички, которая подлежит комментированию:

«Комментарий, объяснение и диалог в форме вопрос—ответ из уст ученого из текста "Когда заклинатель идет к дому больного", табличка 1, серии "Все болезни", продолжение (начинается со слов) "Если человек подходит к дому больного, и сокол пролетает справа от него"».

В этом описании интересно то, что, кроме точной идентификации текста, к которому дан комментарий, приводится полное название серии, а ее начальные слова использованы для идентификации первой таблички (32, с. 109—111).

В «Пятикнижии Моисеевом» самая ранняя ссылка находится в «Числах» (21:14); «Посему и сказано в книге браней Господних». Далее идет цитата[1]. В «Книге Иисуса Навина»

[1] Пятикнижие Моисеево, с дословным русским переводом С.К. Штейнберга. — Вильна, [б. г.]. — Перепечатка: New York, 1977.

имеется ссылка на «Книгу Праведного», которая, судя по цитатам, является письменно оформленным собранием песен о подвигах и гибели древних героев, своего рода героическим эпосом древних евреев. После небольшой поэмы в Ис Нав (10:12—13), описывающей день, когда солнце в небе остановилось, сказано: «Не это ли написано в книге Праведного: "стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день"». Есть и другие ссылки на «Книгу Праведного». Это позволяет сделать вывод о том, что запись некоей коллекции древних израильских песен имела место уже в X в. до н. э., т. е. ссылка позволила осуществить датировку источника. В статье «Библиографические тексты в Библии» С.А. Горячевой приводятся многие другие примеры ссылок. Автор отмечает, что по мере перехода от преимущественно устной культуры к письменной (переход от слова «говорить» к «писать») начали проводить различие между отдельными видами письменных документов, а ссылки на них оформлялись в виде стандартных формул цитирования (7, с. 158—166). Библиографические ссылки использовались также в кумранских текстах (6, с. 120) и Талмуде. Использование ссылок в Талмуде понятно, так как его основное положение — «порядок лучше, чем хаос» (6, с. 129—142).

В греческой литературе, особенно более позднего времени, использование ссылок было распространено в различных сводных сочинениях и сборниках. Наиболее известными такими произведениями были «Аттические ночи» Авла Геллия (ум. после 169 г.) и «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского (конец II—начало III в.). Во вступлении к «Аттическим ночам» автор прямо заявляет, что его труд является книгой выписок «для пополнения собственной памяти, словно некий резервный фонд учености» (3, с. 3. Вступ. 2). Можно привести следующие примеры из этой книги:

1. III.2.2. М. Варрон в книге [из сочинения] «О человеческих делах», которую он озаглавил «О датах», говорит: ... (там же, с. 12).

2. III.6.1. Как об удивительном явлении, клянусь Геркулесом, говорит Аристотель в VII книге «Проблем» и Плутарх в VIII книге «Застольных бесед» (там же, с. 20—21).

3. IV.2.15. Я еще добавил слова Мазурия Сабина из II книги «Гражданского права» (там же, с. 55).

В книге Диогена Лаэртского также имеется огромное количество библиографических ссылок, в том числе, например, на «Таблицы» Каллимаха:

«Евдокс, сын Эсхина из Книда, астроном, геометр, врач, законодатель. Геометрии он учился у Архита, врачеванию — у Филистиона Сицилийского (как сообщает Каллимах в «Таблицах»); а Сотион в «Преемствах» говорит, что слушал он и Платона» (11, с. 357, VIII 8Б).

Родоначальниками обширного ссылочного аппарата в Риме можно считать Колумеллу, автора большой работы «О сельском хозяйстве» (Res rustica) (61) и Плиния, которые в начале своих трудов поместили обзоры литературы. Оба автора были современниками, т. е. идея обзора или списка источников носилась в воздухе в середине I в. н. э. Это объяснялось значительным накоплением литературы по отдельным темам. У Колумеллы имеются ссылки на М. Варрона (I, Praef. 15), на Катона (I, II, 2; I, III, 1) и других. Особый интерес представляет цитата и ссылка на книгу по сельскому хозяйству карфагенянина Магона, которая была переведена на латинский язык по постановлению Сената (I, I, 18—19).

Ссылочная традиция в Византии определялась прежде всего образцовым библиографическим аппаратом Дигест. Она сохранялась в той или иной степени до конца византийского государства, т. е. эволюция ссылок в византийском праве проходила с VI по XIV в. Этот вопрос был подробно рассмотрен нами в монографии «Библиографические памятники Византии» (глава «Библиографический аппарат византийского права»; 39, с. 87—128).

Библиографический аппарат Дигест включает список источников («Флорентийский индекс») и ссылки. Оформление ссылок определяется структурой Дигест как сборника эксцерптов (выдержек) из сочинений римских юристов.

Дигесты состоят из 50 книг, книги — из титулов (со своей нумерацией в каждой книге), титулы — из фрагментов (со своей нумерацией для каждого титула). Каждый фрагмент представляет собой эксцерпт из сочинения одного юриста и начинается с библиографической ссылки. Ссылка включает имя автора, заглавие произведения и порядковый номер книги (т. е. части произведения), из которой сделано извлечение, например: «Гай в девятой книге комментария к провинциальному эдикту». Так, Дигесты включают около 9 тыс. фрагментов. Их ссылочный аппарат можно считать выдающимся для своего времени как по объему, так и по детализации.

Языком Дигест был латинский, но вскоре отдельные части Юстинианова Свода гражданского права стали переводить или перелагать на греческий язык, который постепенно вытеснил латинский как государственный язык. На протяжении VI—XIV вв. библиографический аппарат отражал историю развития византийского права во всем многообразии его форм как в гражданской, так и в церковной сферах.

Ссылки и отсылки имелись также в энциклопедических работах X в. Историческая энциклопедия состояла из 53 частей с отдельными названиями. Каждая часть включала эксцерпты, сгруппированные по тематическим признакам. Библиографические ссылки располагались перед началом эксцерпта. Иногда они помещались на полях. Отсылки от одной части к другой имели следующую типовую форму: «Ищи в книге о мнениях». Иногда вместо типового «ищи» использовалось, например, следующее выражение: «как написано в...».

Ссылки перед эксцерптами имели текстовую структуру с использованием предлога «из», который располагался в начале записи во всех сохранившихся частях энциклопедии, кроме сборника «О мнениях». В последнем предлог находится после имени автора перед заглавием произведения, например: «Из истории Полибия» или «Дионисия Галикарнасского из римских древностей». В сборнике «О мнениях» используются также следующие формы: «Диодора из исторической

библиотеки выдержки книг 7, 8, 9, 10» или «Диона римской истории выдержки».

Анализ показал, что есть и другие расхождения в формулировке ссылок. Таким образом, полная унификация ссылок в энциклопедии не была достигнута. Возможно, что некоторые различия в оформлении ссылок объясняются рукописной практикой. В двух отношениях, однако, имеется полное совпадение в библиографическом аппарате всех сборников, которые безусловно признаются за части исторической энциклопедии. Во-первых, выдержки из всех авторов документированы ссылками. Во-вторых, все ссылки включают заглавия произведений, при этом обязательно в единственном числе (имеется только одно исключение). Это позволяет сравнивать библиографический аппарат бесспорных частей энциклопедии со спорными, использовав его как средство атрибуции.

В отрывках из спорного сборника «О сражениях и осадах» библиографические ссылки перед каждым эксцерптом включают только имя автора. Далее указана тема, которой посвящен эксцерпт, например: «Из книг Арриана. Взятие Тира». Имеются и другие отклонения в оформлении ссылок в отличие от бесспорных частей энциклопедии. В целом анализ библиографических ссылок в сборнике «О сражениях и осадах» подтверждает мнение о том, что он не относится к исторической энциклопедии. В двух других спорных сборниках «О военном красноречии» и «О провозглашении императоров» ссылки вообще отсутствуют, и о них, следовательно, можно сделать тот же вывод.

В энциклопедии по сельскому хозяйству — «Геопониках» — ссылки на авторов имеются в заглавиях 490 глав. Е.Э. Липшиц обращает внимание на отсутствие ссылок в некоторых книгах. По ее мнению, в этой части своего труда автор отступил от метода компиляции и дал собственный текст[1].

[1] Геопоники: Византийская с.-х. энциклопедия X в. / введ., пер. с греч. и коммент. Е.Э. Липшиц. — М.; Л., 1960. — С. 11.

В «Гиппиатрике» — сборнике эксцерптов по ветеринарии, особенно по лечению лошадей, структура ссылок на авторов, из произведений которых взяты эксцерпты, единообразна. Имя автора приводится в родительном падеже перед названием главы или выдержки. При введении эксцерпта из того же автора его имя не повторяется, например:

Апсирта о лихорадке лошади глава первая.
Иероклея о том же введение.
О лихорадке.
Предсказание и лечение лихорадки.
Анатолия о том же.
Эвмена или Хирона о том же.

В зоологической энциклопедии структура ссылок, как правило, единообразна для каждого из цитируемых авторов, но в целом в отличие от других энциклопедий X в., которые имеют библиографический аппарат, ссылки не унифицированы. Используются следующие типовые ссылки: «Аристофана», «Элиана», «Из Тимофея», «Из Ктесия», «Из Аристотеля о необычных изречениях», «Из Шестоднева святого Василия». Анализ ссылок и их сравнение со ссылками в «Геопониках» и «Гиппиатрике» показывает, что между зоологической энциклопедией и энциклопедиями по сельскому хозяйству нет прямой связи, и они, очевидно, были составлены разными авторами.

В целом, как было показано выше, многообразие библиографических ссылок в византийском праве и энциклопедиях и их развитие на протяжении длительного времени позволило использовать ссылки для получения фактографической информации и, прежде всего, как средство атрибуции. Этот вопрос был рассмотрен нами в специальной работе[1].

[1] *Семеновкер Б.А.* Анализ библиографических ссылок как вспомогательный исторический метод: (На материале визант. права и энциклопедий) // Вспомогат. ист. дисциплины. — 1985. — Т. 17. — С. 3—17.

В Палатинской антологии — сборнике эпиграмм, который на основе более ранних собраний в начале X в. составил Константин Кефала — ссылки не имеют достаточного единообразия. Видимо, в соответствии с древней традицией составитель переносил их из различных источников без какой-либо унификации. Характерным признаком для установления степени унификации является наличие заглавий эпиграмм. Полное отсутствие имен авторов перед заглавиями эпиграмм объясняется тем, что глава III включает надписи к рельефам храма, а глава VII — эпиграммы одного автора (Григория Богослова), имя которого указано в начале главы.

В словаре «Суда», который датируется примерно 1000 г., ссылки при цитатах во всех статьях были механически перенесены из источников. Сам составитель «Суды» лишь изредка оформляет ссылки. Это соответствует древней традиции, согласно которой указание источника не считалось обязательным. Анализ ссылок в «Суде» показал, что чаще всего ссылка при цитате отсутствует или сведена к имени автора. Разнообразие ссылок и их перенесение из источников свидетельствует об отсутствии унификации и авторской работы с ними. Важен лишь факт наличия ссылок на источники в словарных статьях. Расположение ссылок относительно цитат более единообразно: в основном перед цитатами.

Вторая часть «Институций» Кассиодора «Наставления о светском чтении», которая дает сведения по «семи свободным искусствам» (тривиуму и квадривиуму), является энциклопедией учебного назначения, с нее начинается традиция христианских энциклопедий европейского средневековья. К.Р. Симон отмечает, что эта часть «Институций», что совершенно неизбежно для пособий такого рода, дает известный минимум библиографической информации в виде ссылок на некоторые работы или прямых цитат из них. Однако ее основная задача не в информации об источниках, а в сообщении почерпнутых из них сведений по существу того или иного «искусства» (38, с. 44—45).

На Руси в «Оглавлении книг, кто их сложил» в конце XVII в. большое внимание уделено раскрытию содержания

как рукописных, так и печатных книг. Статьи, помещенные в рукописных и печатных сборниках и принадлежащие разным авторам, разнесены по их именам со ссылкой на соответствующие сборники (в их условном обозначении), а список таких сборников с указанием их условных обозначений дан в приложении под заглавием «Объяснение сокращений» (14, с. 39).

Ибн ан-Надим в «Фихристе» широко использует сведения из различных письменных источников со ссылками на них. Это отражает мусульманскую историческую традицию передачи фактов с указанием цепочки их передатчиков. Ссылки на источники широко использовал Ибн Сина. Они включали имена авторов и названия их книг. Значение ссылок в трудах Ибн Сины состоит еще и в том, что они охватывают сочинения трех поколений ученых: древних (пехлевийских, греческих), арабских предшественников и современников Ибн Сины. Манера оформления ссылок у Ибн Сины разнообразна. На страницах одного труда можно встретить ссылки в простой и более сложной форме. Это зависит от потребностей данного текста, желания автора быть точным и более полезным для читателя. Некоторые ссылки имеют оценочный характер (48, с. 24—25).

Большое их количество на источники содержат и труды Бируни, особенно его книга «Памятники, оставшиеся от минувших поколений», более известная под названием «Хронология» (между 998 и 1004 г.). По подсчетам А. Языева, в «Хронологии» приведено более 60 названий книг гуманитарного и естественнонаучного содержания. Бируни ссылается на труды античных и средневековых авторов — греческих, византийских, индийских, арабских, среднеазиатских. В соответствии с принятой в то время методикой он включает в ссылки имя автора и название книги, например: «Абу-Мухаммед ан-Наиб ал-Амули рассказывает в своей “Книге зари” со слов Якуба ибн Тарика, что индийцы пользуются четырьмя видами промежутков времени». Аналогичный ссылочный материал содержится и в других сочинениях Бируни (50, с. 47—48).

Этот вид библиографии практически еще не возник до начала книгопечатания. Имеется только один памятник мусульманской библиографии в Испании, который можно рассматривать как библиографию библиографии. Это «Фихрист» Ибн Хайр ал-Ишбили (1100—1179). Этот труд, кроме описания 1400 сочинений на арабском языке, дает список каталогов, которые были составлены ранее (72, с. 212).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ГЛАВА 7

Охват, объем указателей, отбор, выходные сведения, источники

Охват

«Ономатологос» Исихия Милетского в основном включал сведения о греческих писателях или о тех авторах эллинистического мира, которые писали по-гречески. Одиннадцать римских авторов — преимущественно те, кто также писал по-гречески, переводил на греческий или с греческого или был греком по происхождению. Такой охват превращает «Ономатологос» в национальный словарь греческих авторов.

С точки зрения современного понимания Универсального библиографического учета интересно, что Исихий включил в свой указатель сведения не только о писателях, но и о музыкантах и художниках, например об Апеллесе. Биография такой знаменитости, как Сократ, который вообще ничего не писал, свидетельствует о влиянии на автора античной традиции устного творчества. Наличие подобных статей в указателе подтверждает преемственность от античных биобиблиографических трудов.

По данным об Исихии в «Суде» (№ 611) сведения о христианских авторах не были включены в «Ономатологос». Это трудно объяснить, поскольку известно, что Исихий был видным чиновником времен Юстиниана, правительство которого поддерживало церковь, подвергая гонениям античную культуру и образование. С другой стороны, с V в. существовал греческий перевод труда Иеронима «О знаменитых мужах». К этому времени «Таблицы» Каллимаха исчезли и, вероятно, возникла потребность в аналогичном справочнике, дополняющем труд Иеронима. Отсюда — «филолого-антикварный» характер словаря Исихия, ориентация на античную биобиблиографическую традицию и, на первый взгляд, необъ-

яснимое игнорирование христианских авторов. Исключение христианских авторов из «Ономатологоса» может служить и косвенным доказательством того, что работа Иеронима была переведена до середины VI в. Такая гипотеза могла бы объяснить светский характер словаря Исихия.

Сокращенный вариант «Ономатологоса» — эпитома — был создан в IX в. Он был дополнен статьями об авторах, которые жили после Исихия, о самом Исихии и христианских авторах. Включение статей о христианских авторах является важным отличием эпитомы от «Ономатологоса». 35 из этих статей перешли в «Суду». Из них только 12 могли попасть в работу Иеронима и соответственно в ее греческий перевод. Доказательством того, что эпитоматор пользовался источниками, которые не могли быть доступны Исихию, является жизнеописание Григория Богослова, включенное в московское издание его речей[1].

Дополнение эпитомы сведениями, не вошедшими в «Ономатологос», было обычным явлением. Новое заключалось в том, что во второй вариант словаря, составленный в IX в., эпитоматор включил статьи как о светских, так и о христианских авторах. А значит, эпитома в еще большей степени, чем первоначальный «Ономатологос», стала национальным словарем всех греческих авторов. В VI в. это было еще невозможно. В IX в., как показывает также «Библиотека» Фотия, подобный подход стал признанной нормой.

Для «Библиотеки» Фотия характерно включение произведений только на греческом языке. Это объяснялось тем, что с VI в. греческий язык постепенно вытеснил латинский. Немногочисленные произведения латинского происхождения Фотий, видимо, читал или, во всяком случае, рекомендовал своим читателям в греческом переводе.

«Библиотека» включает сведения о произведениях 168 авторов, начиная с Геродота, 98 из них — светские

[1] *Wentzel G.* Die griechische Übersetzung der Viri Inlustres des Hieronymus. — Leipzig, 1895. — S. 15; S. Gregorii Nazianzeni binae orationes graece et latine / Ch. Fr. Matthaei. — Mosquae, 1780. — P. 106.

авторы. Многие представлены несколькими сочинениями. По количеству кодексов «Библиотека» состоит на 56,4 % из христианских и на 43,6 % из светских произведений, но по реальному объему (количеству страниц) — наоборот, только на 42 % из христианских и на 58 % из светских текстов. Это соотношение отражает возрождение интереса к светской литературе в IX в. Светские кодексы включают произведения философов, историков, авторов биографий, географов, зоологов, специалистов по сельскому хозяйству и медицине, грамматиков, составителей словарей, ораторов, риторов, романистов и составителей сборников разнообразного содержания. Для «Библиотеки» характерно отсутствие сведений о светской поэзии. Среди христианских авторов выделяются церковные историки (18) и отцы церкви.

Для европейской церковной биобиблиографии, начиная с Геннадия Марсельского, характерно увеличение местного материала, дополняющего предшествующие труды. Уже Исидор Севильский отдавал предпочтение местным испанским авторам, особенно ближайшего к нему времени. Ильдефонс Толедский вообще дает перечень *только* местных писателей (13 из 14, из них 8 — из Толедо). Наконец, библиотекарь бенедиктинского монастыря в Монте-Кассино Петр Диакон составил книгу о писателях-монахах своего монастыря (38, с. 40, 52, 53, 55).

Р. Блюм дает обобщение вопроса об охвате в произведениях средневековой европейской библиографии. Он отмечает, что составители не могли претендовать на полноту отражения. Полнота была достижима, если только составитель сосредоточивался на какой-либо определенной категории авторов, обычно своего монастыря, ордена или своего города с близлежащей территорией. Остальные включали в каталоги тех авторов, которые были им известны независимо от этнической принадлежности в случае, если они писали на латинском языке. Работы, признанные еретическими, отмечались или вообще исключались. Каталоги церковных писателей включали не только богословские произведения, но и

работы по темам, в которых была необходимость у церкви: история, расчеты времени, право, музыка и грамматика. Постепенно охват светских авторов увеличивался, в том числе и потому, что составителями стали самые различные люди со светскими интересами и желанием заниматься биобиблиографией. Важно, что несмотря на все ограничения в охвате, сохранялся международный характер словарей писателей (58, стб. 185—186).

Географический охват материала в «Фихристе» Ибн ан-Надима в значительной мере определялся тем, что автор провел бóльшую часть жизни в Багдаде и был тесно связан с его книжным рынком. В X в. Багдад оставался, несмотря на распад халифата, важнейшим интеллектуальным и торговым центром мусульманского мира, который простирался от Центральной Азии на Востоке до Испании на Западе. Не все книги, создаваемые на этой огромной территории, попадали в Багдад. Чем дальше жил автор, тем меньше была вероятность получения в Багдаде как сведений о нем, так и его книг. Это видно из текста «Фихриста». С одной стороны, в нем дано описание письменности разных народов с огромным географическим охватом: Китай, Индия, Африка, Франция и др., в том числе русское письмо. С другой стороны, сведения об авторах или книгах, которые находились далеко от Багдада, не всегда попадали в «Фихрист». Сам Ибн ан-Надим указывает на причину того — отсутствие сведений в указателе. Например, он ничего не может сообщить о произведениях одного из авторов, мотивируя тем, что его книги находятся в Хорасане и, таким образом, недоступны (299, 12—16). Хотя ученые из мусульманской Испании ездили на Восток, книги историков этой страны не нашли отражения в «Фихристе».

Можно привести еще один характерный пример. Маликитский мазхаб (религиозно-правовая школа имама Малика ибн Анаса) получила преимущественное распространение в Северной Африке. В результате сведения о многих представителях этой школы, которые умерли до конца X в., не попали в «Фихрист». В известном справочнике Ф. Сезгина указано

27 маликитов этого периода[1], а в «Фихристе» имеются статьи только о 8 из них. В то же время сведения об авторах и книгах Ирака даны с гораздо большей полнотой. Иными словами, как отмечает исследователь «Фихриста» Й. Фюк, с наибольшей вероятностью в текст указателя могли попасть сведения о произведениях, которые можно было увидеть на книжном рынке в Багдаде[2].

Объем указателей

Число авторов, охваченных в церковной биобиблиографии Европы, начиная с Иеронима сначала уменьшалось, но затем резко увеличилось. Так, работа Иеронима давала сведения о 135 писателях, работа Геннадия Марсельского — 99, Исидора Севильского — 47 и Ильдефонса Толедского — о 14. Однако к концу XV в. справочник Иоанна Триттегемского включал статьи о 963 писателях и около 9 тыс. произведений (38, с. 37, 40, 52, 53, 71).

Представление об объеме «Фихриста» Ибн ан-Надима может дать количество имен, которые упоминаются в нем. Количественный анализ биографического вспомогательного указателя в переводе Б. Доджа (Д 931—1135) показал, что «Фихрист» включает 3428 имен: авторы разных народов, писавшие в различных отраслях знания; библейские персонажи, правители (арабские, греческие, римские и др.), официальные лица, военные, юристы, переплетчики книг и многие др. Через «Фихрист» проходит бесконечная череда лиц, которые или сами были авторами, или имели какое-либо отношение к литературной деятельности, или были персонажами произведений. В качестве примера можно привести

---

[1] *Sezgin F.* Geschichte des Arabischen Schrifttums. — Leiden, 1967. — Bd. 1. — S. 457—484.

[2] *Fück G.* Eine arabische Literaturgeschichte aus dem 10. Jahrbundert n. Chr.: (Der Fihrist des Ibn an-Nadim) // Ztschr. der Dt. Morgenländischen Ges. — N.F. — 1930. — Bd. 9 (84). — H. 2. — S. 118.

следующее число: глава 2 о филологии включает сведения о 238 авторах и 1166 произведениях.

Биобиблиографический словарь Ибн ал-Кифти включает 414 биографий философов, врачей, математиков и астрономов с мифологического времени до времени автора. В это число входят биографии греческих авторов и сведения о них, которые отсутствуют в других источниках (71, с. 16).

Наиболее значительный объем в мусульманской библиографии имеет указатель Хаджжи Халифы, содержащий 15 007 описаний (49, с. 66). В Китае объем национальных библиографических указателей постоянно увеличивался по мере их воссоздания после гибели династий и возникновения новых. Так, в III в. в начале образования государства Западная Цзинь была составлена новая государственная библиография «Чжунцзинсиньбу», которая содержала сведения о 29 945 томах. Однако через 10 лет государство Западная Цзинь погибло, и уже в начале IV в. в государстве Восточная Цзинь был составлен каталог «Сыбушуму». В него вошли сведения только о 3014 томах. Такой регресс в объеме объясняется тем, что приходилось воссоздавать императорскую библиотеку.

Значительный государственный библиографический указатель «Суйшу-Цзинцзицзи» возник уже при династии Тан (VII в.). В нем было учтено 14 466 названий и 89 666 томов (46, с. 140—141).

Отбор

Отбор является естественным технологическим процессом во всех видах библиографии, кроме учетно-регистрационной. Он служит достижению цели составителя. Так, Фотий не включил в «Библиотеку» произведения таких известных авторов, как Платон, Ксенофонт, Аристотель, Фукидид, Полибий, Павсаний, Гиппократ и другие. То же можно сказать о христианских авторах. Эту особенность «Библиотеки» отмечали многие исследователи. Неполнота объясняется тем, что Фотий не включал в нее произведения

известных авторов, отдавая предпочтение редким произведениям, которые были менее доступны читателям. Характерно, например, что из двухтомного манускрипта «Параллельных жизнеописаний» Плутарха Фотий сделал выписки как раз из того тома, который полностью в оригинале до нас не дошел. Той же причиной можно объяснить отсутствие в «Библиотеке» знаменитых философских произведений Платона и Аристотеля. Пользование «Библиотекой» предполагало определенную литературную и научную подготовку.

Начиная с древности произведения о знаменитых мужах предполагали отбор (67, стб. 653). Иероним в своем сочинении осуществляет определенный отбор. Иногда, как отмечает Р. Блюм, он имеет злонамеренный характер. Так, Иероним не упоминает работ Амвросия Медиоланского и некоторых других, поскольку он относился к ним недоброжелательно, т. е. здесь отбор имеет чисто личностный характер (58, стб. 104).

В конце развития серии о знаменитых мужах Иоанн Триттенгемский также применяет отбор с целью содействовать распространению литературных произведений. Об этом пишет сам автор в «Ответном письме» на имя Альберта Мордерера, которое помещено в конце его книги. В нем Иоанн отвечает на упрек в том, что включил в свою книгу «многих преподавателей светских наук». Объясняет, что определенный минимум светских знаний необходим для лучшего понимания Писания (38, с. 72—73).

В русской библиографии составитель «Оглавления книг, кто их сложил» произвел какой-то отбор, скорее всего, применительно к конкретным нуждам Печатного двора, при котором этот указатель, по всей видимости, и был составлен (14, с. 36—37).

Выходные сведения

В рукописный период объектами библиографирования были тексты произведений, а не результаты переписки (изда-

ния). Это объяснялось нестабильностью рукописного текста по сравнению с печатным. Тем не менее иногда манускрипты со сведениями о них становились объектами библиографирования. В качестве примера можно привести «Библиотеку» Фотия. В ней приводятся сведения о манускриптах (изданиях), которые включали несколько произведений.

В Китае первичное обозначение книг было предпринято Конфуцием. Он дал древним книгам новые названия, сохранившиеся до нашего времени. После возникновения ксилографии на гравированных деревянных досках приводились сведения о мастерах, которые их вырезали. Кроме того, на досках отмечали каллиграфов, переписывавших текст для печатания, место и время издания, количество знаков на отдельных досках и во всем сочинении. Однако все это имеет отношение уже к периоду книгопечатания, хотя и ксилографического (42, с. 31—32; 46, с. 137).

Выходные сведения могли помещаться в колофонах. В древнем Египте в них содержались сведения о переписчике, окончании переписки, точности воспроизведения оригинала в соответствии с письменным источником, о заказчике, владельце оригинала, дате переписки, проклятия тому, кто имеет намерение нанести какой-либо вред книге. Реже колофон мог включать сведения о том, где было найдено произведение.

В Месопотамии колофоны также были основным источником информации о произведениях и их расположении на глиняных табличках. В них читатель ожидал найти сведения, которые в наше время размещаются на титульном листе и *последней странице (концевой полосе)* изданий. В определенной степени традиция приведения сведений о произведении после его текста продолжает сохраняться. В Месопотамии колофонам придавали очень большое значение. Многие из них, в том числе древние, дошли до нашего времени.

В колофонах могли содержаться следующие основные сведения: о тексте произведения, серии или эксцерпта, о его размещении на табличках и сохранности; количественная характеристика; информация о содержании (для серий), различных редакциях, переписке и сверке, о секретности

текста или необходимости его пропаганды; даты; сведения об авторах, переписчиках, заказчиках и владельцах, о порядке выдачи и хранения табличек. Колофон мог размещаться не только в конце таблички, но и в конце определенного текста независимо от расположения последнего на табличке. От текста колофон отделялся линейками.

В древней Шри Ланке (Цейлон) в книгах из пальмовых листьев колофон помещался в конце книги. Обычно автор указывает в нем не только свое имя и место проживания, но и причины и цели написания книги. Иногда называется имя покровителя. В некоторых случаях авторы приводят в колофоне библиографическую информацию о книге (86, с. 23).

Источники

Когда в Александрийской библиотеке возникла проблема возможно более полного учета греческой интеллектуальной продукции, Каллимах и другие ученые Мусейона, как перипатетики и последователи Аристотеля, использовали его метод обращения с источниками и прежде всего обратились к его собственному наследию. В первую очередь для получения сведений о греческих драматических писателях были использованы «Дидаскалии», чтобы из них почерпнуть библиографические и хронологические сведения (58, стб. 24—25).

В Риме обычай приводить в работе список или обзор источников стал традиционным для серьезных научных работ. Первым таким сочинением стала «сельскохозяйственная библиография» Варрона в его трактате «Сельское хозяйство». В этом перечне Варрон называет 52 писателей, из которых до нас дошли только трое: Ксенофонт, Аристотель и Феофраст. Возможно, что Варрон заимствовал этот список у Кассия, переводчика Магона. Важен сам факт приведения библиографических сведений о греческих писателях. У хозяев, современников Варрона, возникала тяга к приобретению новых знаний, а куда было обращаться за советом и знаниями в самых разнообразных областях: в философии и скотоводстве,

в математике и ветеринарии, — в «побежденную Грецию». Варрон правильно оценил тягу к знаниям. Неважно, читал ли он сам эти пять десятков авторов. Главное, во-первых, что он первый провозгласил необходимость агрономического образования и вложил в руки хозяина книгу, а во-вторых, показал своему читателю, кого ему искать, если тот пожелает каких-то дополнительных и углубленных сведений (2, с. 10—11).

В «Естественной истории» Плиния книга 1 состоит из указателей содержания и списков источников ко всем последующим 36 книгам. Списки источников делятся на две части: римские (латинские) и внешние (в основном греческие). По большей части источники обозначаются именами авторов, но иногда с добавлением названий их произведений. Как авторы указываются официальные государственные акты. В медицинских разделах отделены специалисты-«медики». При перечислениях Плиний часто соблюдает алфавитный порядок. Считают, что позднее использованных авторов он вносил в конец уже составленных списков (25, с. 14—15; 87, 88).

Во введении отмечены причины, по которым Плиний для каждой книги приводит перечень источников. «Это благотворно и свидетельствует о достойной скромности, так как отдает должное тем, благодаря которым мы достигли своих результатов. В этом отличие от многих авторов, которых я указал. Ведь когда я изучал их труды, выяснилось, что многие считавшиеся надежными и современными писателями на самом деле списывали у своих предшественников слово в слово без упоминания источников» (Введ. 21—22).

Современник Плиния, на которого он ссылается, Колумелла в своем наиболее авторитетном трактате «О сельском хозяйстве» (72) приводит обзор литературы. Обзору предшествует введение (I, I, 1—6), в котором Колумелла отмечает, что «...для успеха нужно, в том числе, ревностно изучать пособия древних, давая оценку каждого из их мнений и учений с тем, чтобы понять, в какой степени знания, переданные предшественниками, подходят или не соответствуют современному состоянию сельского хозяйства» (I, I, 3—4). Далее

он рассматривает некоторые суждения, которые он считает ошибочными, в том числе мнения современников, но тем не менее полагает, что работы древних следует изучать, так как в них имеется много полезных сведений (I, I, 4—6).

Затем следует обзор литературы (I, I, 7—15). Он разбит на две части: сначала греческие авторы, затем римские. Число авторов, включенных в обзор, — 57: греческие — 46, римские — 11 (в том числе карфагенянин Магон, труд которого был переведен на латинский язык по постановлению Сената). Особых оценок обзор не включает. Можно привести следующие примеры комментариев к именам:

- «первый из них — самый знаменитый поэт Гесиод из Беотии внес немалый вклад в наше искусство» (I, I, 7);
- «затем ему (искусству, т. е. сельскому хозяйству. — *Б.С.*) помогли те, кто пришли из философии: Демокрит из Абдеры, Ксенофонт последователь Сократа, Архит из Тарента и два перипатетика — учитель и ученик — Аристотель и Феофраст» (I, I, 7—8).

Греческие авторы были расположены в основном по региональному принципу: сицилийцы, Афины, острова, другие города. Далее следуют авторы, происхождение которых не было установлено, и затем римские авторы от Марка Катона до современников автора. Вот как он пишет о своих современниках: «Не меньшую честь мы должны воздать людям нашего времени Корнелию Цельсу и Юлию Аттику. Ведь Корнелий объял всю сущность предмета в пяти книгах, а второй опубликовал замечательную книгу об одной отрасли сельского хозяйства, которая имеет отношение к винограду. А его ученик Юлий Грецин изложил в двух томах и передал потомству правила содержания виноградников, изложенные элегантным и ученым стилем» (I, I, 14) (61, с. 26—34).

С историко-библиографической точки зрения представляют интерес сведения об источниках во «Всеобщей истории» Кефалиона, написанной во время императора Адриана. Подражая Плинию, автор называет огромное количество книг и авторов, которые были источниками для его рабо-

ты — 2428 томов и 140 авторов только для пяти из девяти его книг. Однако исследование единственного сохранившегося отрывка показало, что это — чистое мошенничество, так как из многочисленных названных источников для данного отрывка был использован всего один. Этот пример показывает, что приведение списка источников стало модным, но библиографический труд требует определенного времени и усилий, и потому оказалось соблазнительным заменить его фальсификацией (90).

Для Иеронима основным источником сведений была «Церковная история» Евсевия Кесарийского, но начиная с 79-го имени из 135 он мог полагаться только на собственную библиотеку и память (38, с. 36—37). Гонорий Отенский в начале XII в. указывает свои источники в заглавиях четырех книг собственного труда: «Четыре книги о светочах церкви»: «Книга 1-я. Извлеченное из Иеронима», «Книга 2-я. Извлеченное из Геннадия», «Книга 3-я. Извлеченное из Исидора», «Книга 4-я. Собрание из разных авторов». Четвертая книга включает 17 имен, в том числе самого автора. Наконец, источником для Иоанна Триттенгемского была библиотека его монастыря (там же, с. 55, 70).

Для Гуго из Тримберга, который составил «Перечень многих авторов» в 1280 г., источником была его личная библиотека, возможно, дополненная библиотекой городского собора. С источниковедческой точки зрения это был библиофильский труд, написанный для школьных нужд, когда автор находился во главе школы (там же, с. 62). В целом мы видим, что в Европе в средние века списки источников не привились, и римская традиция была фактически утрачена.

Иным было положение в Византии, где списки источников в различных трудах и в различных формах стали традиционными. Начало было положено «Дигестами», которые включали список источников, получивший название «Флорентийский индекс». Список римских юристов и их произведений, послуживших основой для создания Дигест, был приложен к тексту в соответствии с указом о введении Дигест в качестве закона. Включение списка в Дигесты было

продиктовано стремлением сохранить для потомков имена древних правоведов. Цель списка — показать величие и научное значение Дигест, их опору на древнюю и потому достойную уважения традицию.

Когда был составлен Индекс: до или после создания Дигест? Был ли это предварительный список, который и сейчас предшествует любому исследованию, или список использованной литературы? Вопросы — чисто библиографические, но ответы на них играют немаловажную роль в решении проблемы, которую уже с начала XIX в. обсуждают историки римского права: какая рабочая группа (или комиссия), в какие сроки, в каком порядке и с помощью каких первоисточников создавала Дигесты.

Работа над Дигестами продолжалась в течение трех лет. Комиссия разделилась на три подгруппы с ответственностью за различные источники («массы»). Для четкой организации работы в течение того времени необходимо было равномерно распределить по комитетам первоисточники общим объемом в 2 тыс. книг или 3 млн строк. Из них были сделаны извлечения в 50 книг или 150 тыс. строк, которые и составили «Дигесты». Такую организационную задачу было бы невозможно выполнить без предварительного списка. Этого мнения придерживаются большинство специалистов. Имеются, однако, и другие точки зрения.

В настоящее время признаются два возможных варианта при решении вопроса о том, на каком этапе подготовительной работы был составлен Индекс (или его предварительный вариант) и какую роль он сыграл в создании Дигест.

1. Индекс является каталогом уже собранных книг, своего рода программой деятельности комиссии. После завершения работы над Дигестами его «проштемпелевали», т. е. приложили к законодательному акту совершенно без или после поверхностного редактирования. Эта точка зрения наилучшим образом объясняет наличие многочисленных неточностей в Индексе.
2. Сначала были составлены списки по «массам» для организации работы в трех комитетах. После завершения

Дигест предварительные списки были объединены в Индекс. Если соединение трех списков в Индексе было совершено не членами комиссии или их помощниками, а, например, библиотекарем, то второй вариант также может объяснить наличие ошибок в Индексе. Следовательно, вопрос о методе составления Индекса до сих пор остается открытым.

В дальнейшем библиографический аппарат византийских правовых сборников, официальных или частных, как правило, включал списки или обзоры источников. В гражданском праве основные источники обычно указывались в инскрипциях. Характерной в этом отношении является инскрипция Эклоги, в которой другое библиографическое оформление отсутствует:

«Избранные законы — Эклога, составленные в сокращении Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми (нашими) императорами, из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл — конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия»[1].

По вопросу о том, какими источниками пользовался Исихий для составления «Ономатологоса», существует обширная литература. Он, очевидно, уже не располагал «Таблицами» Каллимаха, но содержащаяся в них биобиблиографическая информация дошла до него через промежуточные работы, которые не сохранялись до нашего времени. Их авторы использовали александрийские и пергамские библиотечные каталоги.

В энциклопедии Константина Багрянородного списки источников включали сведения об авторах и названиях произведений, из которых были взяты эксцерпты. Это было продолжением библиографической традиции византийского права. В словаре «Суда» основными источниками биобиблиографических статей были эпитома «Ономатологоса» Исихия Милетского, «Пир мудрецов» Афинея (наиболее ве-

[1] Эклога: Визант. законодат. свод VIII в. / вступит. ст., пер. и коммент. Е.Э. Липшиц. — М.: Наука, 1965. — С. 41.

роятно через «Ономатологос») и энциклопедии Константина Багрянородного.

Словарь «Суда» имеет своеобразное библиографическое введение. Оно включает важнейшие словари с алфавитным расположением материала, в том числе словари разнообразного содержания, т. е. подобные «Суде». Иными словами, автор «Суды» поместил перед текстом произведения список словарей, по образцу которых составлен «Суда».

Особый интерес для истории библиографии как литературного феномена представляют стихотворные списки источников. Первым таким списком является введение Мелеагра к Палатинской антологии, которое включает имена наиболее знаменитых авторов эпиграмм. В соответствии с древней традицией поэты сравниваются с различными цветами и растениями. Введение начинается следующими стихами[1]:

Милая Муза, кому ты несешь плоды этой песни?
Кто из поэтов тебе песенный создал венок?
Это свершил Мелеагр и Диокла достойную память
Этим созданьем своим благоговейно почтил.
Много вплетя в него лилий, Миро базиликов,
Мало Сапфических роз, но настоящих зато.
Вплел он нарцисс Меланиппида, гимнов исполненный звучных,
И Симонидовых лоз новый побег молодой...

Позднее Филипп Фессалоникийский в введении к своему «Венку», как и в названии сборника, следует традиции, установленной Мелеагром. Он также сравнивает поэтов и называет 13 авторов, которые жили одновременно или после Мелеагра. Для развития библиографической традиции важно, что Филипп не пересматривал списка Мелеагра, а лишь дополнил его новыми именами, т. е. признал список

[1] История греческой литературы / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. Горького; под ред. С.И. Соболевского; пер. Ю.Ф. Шульца. — М.; Л., 1960. — Т. 3. — С. 128.

Мелеагра удовлетворительным. Филипп также сравнивал поэтов с цветами и растениями, по большей части с теми же, что и Мелеагр.

В церковной библиографии стихотворное введение, которое в XII в. Феодор Вальсамон поместил перед своим толкованием на Номоканон в 14 титулах, является продолжением светской поэтической традиции. Вальсамон перечисляет основные источники Номоканона, сравнивая церковные правила со звездами и планетами, которые освещают пути Вселенной. Ниже приводится отрывок из стихотворения Вальсамона в переводе В. Нарбекова:

Как горизонт лучезарный и диск семиполюсный неба,
Как седмерицу планет, безгранично блуждающих вечно,
Полные света каноны семи вселенских соборов
Здесь поместили в начале, да всходят и светят во веки.
Далее точно двенадцать созвездий, питающих душу, —
Знаками их зодиака зовет звездочет велемудрый —
Так и двенадцати Божьих Апостолов мудрым канонам
Между блуждающих смертных путей указали светиться.
Тут же увидишь, когда пожелаешь, плеяд седмерицу,
Вечно блистающий свет лиющую тихо над миром, —
Это святые каноны семи священных соборов,
Тех, что поместными все именуют учители церкви,
Славный отец Афанасий и рядом Кирилл Благодатный,
Александрийского града созвездия, Ливии очи.
Видишь, — и северный полюс, отец Капподокии дальней,
Несокрушимый каратель безбожных, Василий Великий...[1]

Традиция стихотворных библиографических списков дожила до XX в. Автором библиографического списка, кроме В.Я. Брюсова, был И.В. Елагин (1918—1987). В стихотворении «Нынче я больше уже не надеюсь на чудо...» он дает

[1] *Нарбеков В.* Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона / Ч. 2: Русский пер. с предисл. и примеч. — Казань, 1899. — С. 2—3.

перечень своих поэтических сборников, помещая в строфах их заглавия[1].

Нынче я больше уже не надеюсь на чудо

...Я с той поры только отсветы вижу ночные,
Только кружусь по вселенной в полете косом.
Кажется мне, что еще и сегодня я слышу,
Как громыхал по мосту окаянный вагон,
Пусть я в грозу забежал под защитную крышу,
Только на крыше моей восседает дракон.
В детстве у дома сугроб поднимался саженный,
Нынче в окно мне глядит небоскребов гора.
Все-то кружусь и кружусь я по залу вселенной,
А надо мною созвездье весит топора.
Все мы живем, приближаясь к прощальному мигу,
Все мы боимся уйти, не оставив следа.
Что же, — пора написать мне последнюю книгу —
Книгу о том, что сбылось по дороге туда.

Ибн ан-Надим в «Фихристе» использовал три основных вида источников получения сведений: непосредственное ознакомление с книгами, устная информация и выписки из источников. О многих книгах в «Фихристе» сказано, что автор видел их лично или даже сам нашел. Ибн ан-Надим также сообщает о том, что некоторые книги видел в библиотеках или что он приводит данные по памяти. Вторым источником сведений было устное общение с различными специалистами и любителями книги. Автор «Фихриста» широко использует сведения из различных письменных источников со ссылками на них. Это отражает мусульманскую историческую традицию приведения фактов с указанием цепочки их передатчиков. В «Фихристе» имеются также

[1] «Отсветы ночные» (1963); «Косой полет» (1967); «Дракон на крыше» (1973); «В зале Вселенной» (1982); «Под созвездием Топора» (1976).

сведения о биографических и библиографических трудах, которые были источниками Ибн ан-Надима.

В свою очередь последующие ученые опирались на «Фихрист». Так, информацию из него брали Ибн ал-Кифти и Ибн Аби Ушайбиа. В средние века этот труд высоко ценился как источник информации (65, Д XXIII).

ГЛАВА 8

Библиографическая запись

Библиографическая запись — основа библиографии. Для возникновения библиографии нужна хотя бы одна библиографическая запись. Она могла состоять из двух основных частей: библиографического описания и сведений, дополняющих его.

Библиографическое описание рукописного периода, как правило, включало имя автора, заглавие произведения и количественную характеристику. Этот минимум мог дополняться в зависимости от объема и целевого назначения библиографического труда. В целом эволюция библиографической записи показывает, что для нее характерно стремление к унификации.

Особенности и трудности составления библиографических описаний в рукописный период объяснялись практикой оформления произведений авторами и затем переписчиками. Главным было содержание произведения. В древности не испытывали особой потребности в приведении имени автора, названия произведения, даты и места его создания и тем более переписки. Определение имени автора затруднялось еще и тем, что в одной и той же сфере деятельности одновременно могло быть несколько авторов — носителей одного имени. Например, в V в. до н. э., кроме знаменитого Еврипида, в аттической трагедии были известны еще два автора с этим именем. Для различения авторов не всегда помогало приве-

дение имени отца и места рождения. Не говоря о возможных ошибках, отцы и сыновья нередко имели одинаковые имена и место рождения. Кроме того, на той же территории могло родиться несколько авторов с одним и тем же именем.

Не меньшие трудности для библиографирования создавало и то, что авторы не давали заглавий своим произведениям. Когда же указание заглавий получило более широкое распространение, одно и то же произведение стало встречаться с разными заглавиями, которые давали ему сами авторы, их ученики, ученые, изучавшие текст, и книготорговцы. Таким образом, составление библиографического описания иногда превращалось в научную задачу по идентификации авторов и их произведений.

Для понимания эволюции библиографической записи в районе Средиземного моря и Ближнего Востока необходимо их сравнительное исследование. Оно было осуществлено К. Венделем (96). Его предварительное заключение состояло в том, что между Египтом и Месопотамией имелось определенное сходство в оформлении библиографической записи. Однако остается тот же вопрос, что и по проблеме происхождения шумеров: кто раньше — шумеры или египтяне, а также было ли это самостоятельное развитие или диффузия (там же, с. 16—17).

Важнейший элемент описания — имя автора. В древнем Египте имена авторов приводятся в библиографических введениях. Автор является субъектом передачи текста, читатель знает, кто с ним говорит. Указание автора необходимо с чисто библиографической точки зрения. Произведения дидактического жанра (поучения, слова) имеют заглавия, которые без сведений об авторах трудно отличить друг от друга, т. е. указание авторов имеет целью однозначную идентификацию произведений. Имя автора в сочетании с наименованием жанра превращается в название конкретного произведения. Поэтому сведения об авторах находятся в начале введения, но всегда после заглавия или обозначения жанра. Имя автора конкретизирует заглавие. С этой точки зрения не имеет значения, был ли автор, указанный во введении, подлинным

или фиктивным. Для библиографии и истории библиографического описания важен сам факт наличия сведений о нем в библиографической информации о произведении.

В Египте в библиографической записи, в том числе в колофоне, могут приводиться заглавия, сведения о читательском назначении, имена переписчиков, данные о происхождении текста, даты изготовления рукописей, отметки о повреждении или отсутствии текста, количество строк (там же, с. 12—15). При цитировании необходимо указать в записи достаточное количество сведений об источнике, чтобы его можно было найти. Ссылка в «Поучении Хети» дает пример такого подхода (81, с. 288).

Библиографические записи в древней Месопотамии могли включать следующие основные сведения: о заглавиях произведений, серии или корпуса; языке, целевом назначении, «издании» (редакции) и жанре, о частях произведений и серий; об «установленных» и «апокрифических» текстах, авторстве, о содержании произведений, их сохранности и поиске; количественную характеристику, учебные рекомендации. Этот перечень свидетельствует о том, что по сравнению с Египтом количество сведений в библиографической записи было значительно больше. Очевидно, объяснялось это различиями в материалах для письма и представлением текстов на них. Традиция приведения сведений была общей для всей Месопотамии, для Вавилонии и Ассирии, но в конечном счете она восходила к шумерам, что имело место и во многих других элементах клинописной культуры (96, с. 3—4, 12).

Важный элемент в представлении данных в библиографических записях — сходство в элементах записи между юридическими документами и литературными текстами, объясняемое тем, что к таким материалам относились одинаково и к ним предъявлялись те же требования. В этом проявлялось сходство между архивами и библиотеками (там же, с. 11—12).

Аналогичные с Египтом сведения о произведениях приводились в библиографических введениях в поучениях. Именно потому возникает вопрос о первенстве, диффузии или полной

самостоятельности в происхождении данного жанра библиографической информации. Это связано с происхождением шумеров, возникновением афразийской общности, к которой принадлежали народы как Месопотамии, так и Египта. Если теория об африканском происхождении семитов правильна, то, возможно, традиция приведения основных библиографических сведений в назидательных произведениях возникла в устной традиции и сохранилась у различных народов после их территориального разделения.

К. Вендель по результатам собственного исследования утверждает, что греки взяли с Востока все, что им было нужно. Библиографическая культура Месопотамии могла проникать через все регионы и народы, которые применяли клинопись в качестве своей письменности: через Северную Сирию и Малую Азию, через хеттов и Угарит, через Финикию. В этом плане он также обращает внимание на традицию применения кожаных свитков (ионийцы, арамейцы, египтяне). Поскольку кожаные свитки не сохранились, следы диффузии вавилонских традиций в греческой библиографической культуре невозможно установить (там же, с. 4, 77—97).

В Греции библиографические записи возникли в «Дидаскалиях». Они включали имя автора, название произведения и сведения о его победе в драматических соревнованиях, т. е. дату создания. Для составления этих записей Аристотель использовал агональные протоколы из государственного архива. В дальнейшем научный подход к библиографическому описанию в Александрийской библиотеке, которую основали и в которой осуществляли текстологические исследования перипатетики, стал традицией.

В «Таблицах» Каллимаха описание отдельного произведения в списке данного автора включало его заглавие, а при наличии более одного варианта в рукописях — альтернативные заглавия. При отсутствии заглавия, а иногда и при его наличии приводились начальные слова произведения. Количественная характеристика могла включать число строк в произведении и в конце списка — строк во всех произведениях автора. Счет строк существовал и до Каллимаха,

но александрийцы стали использовать его как средство научного анализа текста, оценки приблизительного объема произведения.

Под количеством строк понималось количество унифицированных строк, а не строк в данной рукописи. Унифицированная строка была равна строке гекзаметра и состояла из 15—17 слогов или 34—38 букв. В противном случае указание количества строк не имело бы научной и библиографической ценности. Поскольку описания произведений входили в состав биобиблиографической статьи, основными элементами описания, т. е. идентификации произведения, были имя автора и заглавие.

Имя автора как главного элемента описания было открытием Греции. На Востоке главным элементом было заглавие (93, с. 257). Восточная традиция сохранялась и в христианской Европе. Это было связано с представлением о первичности божества в создании произведения. Автор был важен как орудие божества, а не как личность. Следуя этому представлению, библиографы ставили название работы перед именем автора или даже игнорировали его. Некоторые исследователи считают, что первым библиографом в Европе, который в основу описания взял имя автора, был Иоанн Триттенгемский (81, с. 391).

Библиографическое описание у Плиния в его «Естественной истории» могло включать только имя для обозначения всех произведений данного автора (например, Аристотель, Катон цензор, Тимей Математик) или имя автора и заглавие произведения (например, Цецина об устройстве этрусков, Серапион «О солнечных часах»).

Во «Флорентийском индексе» Дигест библиографическое описание включает три элемента: имя автора, заглавие произведения и количество книг, из которых оно состоит. Имя автора называется один раз, независимо от количества его произведений, включенных в Индекс. Описание дается одним предложением, где количество книг приводится в именительном падеже, остальные элементы согласуются с ним, например «Юлиан дигест девяносто книг». Одно

из описаний «Фурия Антиана *части* эдикта пять книг» — (курсив мой. — *Б.С.*) позволяет заключить, что описания составлялись de visu.

Имена авторов даны в основном на греческом языке (32 из 38) в родительном падеже в той форме, как они использовались в устной речи того времени, например «Мециана», а не «Л. Волузия Мециана». Если имя приводится латинскими буквами, то это транскрипция греческой формы, например Papinianu. В Индекс включены имена только тех юристов, из чьих произведений взяты выдержки в Дигестах. Имена тех, на кого они сами ссылались (еще 51), в Индекс не вошли.

Заглавия произведений, напротив, приведены в основном на латинском языке (191 из 207) в родительном падеже или в предложном обороте, но окончания родительного падежа латинских слов чаще всего заменены греческими того же падежа в латинской транскрипции, например digeston вместо digestorum. В именительном падеже заглавие произведения, как правило, дается, если оно входит в перечень, объединенный общим заглавием («того же автора произведения в одну книгу»). В этом случае количество книг не повторяется при каждом заглавии.

Количество книг пишется на греческом языке, в основном числительными, например «три книги». Заменять буквенные обозначения цифровыми было запрещено, чтобы не было искажений при переписке. В отличие от ссылок для каждого произведения указано полное количество книг, из которых оно состоит. Если в распоряжении составителей не было полного текста произведения, это отмечалось в описании, например «Фурия Антиана части эдикта пять книг». Указание части, а не полного объема произведения обосновано, очевидно, тем, что в полном виде оно не дошло до составителей. Если бы полный объем произведения был известен, сведения эти, вошли бы в Индекс. С точки зрения составителей Дигест, их работа считалась тем солиднее, чем больше «тысяч» книг включал Индекс. В конце списка в соответствии с античной традицией приведено общее количество строк во всех произведениях, включенных в список.

В византийском церковном праве, для которого в отличие от гражданского были характерны списки и обзоры источников, соблюдалась традиция «Флорентийского индекса» в составлении библиографических описаний. В VI—VII вв. списки источников включали Собрание церковных правил Иоанна Схоластика (ок. 550 г.) и Номоканон в 14 титулах (ок. 620—629). Так, в описании соборных правил описание дается одним предложением, где количественные данные представлены в именительном падеже, остальные элементы согласуются с ним, например «Отцов, собравшихся в Антиохии, и ими составленных 25 правил». В некоторых описаниях при сохранении типовой структуры есть некоторая дополнительная информация, например «Блаженных отцов в Анкире, предшествующим Никейским правилам по времени, но уступающих вселенскому собору по авторитету и строгости, 25 правил». Запись о правилах Василия Великого расположена в конце списка и имеет характер приписки: «Имеются также святого Василия правила числом 68». Это, возможно, объясняется тем, что введение правил одного, хотя и авторитетного деятеля церкви, было новинкой составителя.

В ходе последующего развития библиографические правила в церковном праве в отличие от гражданского практически не претерпели изменений по сравнению с VI—VII вв. В том же виде они повторялись в схолиях к гражданским правовым сборникам и даже перешли в право других народов, в том числе славянских.

Библиографическое описание правила включало его название и номер. Названия правил могли быть трех видов: Апостольские правила, названия соборов и названия правил Отцов церкви. Название собора могло содержать место его проведения и позднее — порядковый номер. Название отеческого правила всегда включало имя автора и иногда название произведения, обычно послания, из текста которого было взято правило, например: «Святых Апостолов правило 34», «Собора в Никее правило 7», «Святого Василия правило 51», «Кирилла из послания к Домну правило 1.2», «Читай 6 собора

правила 28 и 32», «Нисского 8. Великий Григорий Нисский в 8 правиле говорит...».

В «Ономатологосе» Исихия Милетского библиографическое описание каждого произведения в списке сочинений автора в его биобиблиографической статье содержало заглавие и количественную характеристику, как и в современном ему византийском праве. Реже приводились дополнительные сведения о заглавии, языке произведения (дорический или ионический диалект) и его подлинности. В количественной характеристике указывалось количество книг, а для эпических произведений — иногда и строк.

Количественная характеристика некоторых произведений в статье об Аристотеле является доказательством того, что Исихий составлял некоторые описания de visu. Например, в описаниях «Риторики» указан объем — три книги, тогда как у Диогена Лаэртского сказано, что она состоит из двух книг. Такое расхождение объясняется различиями в «издательской» практике. В VI в. «Риторика» Аристотеля издавалась не в двух, а в трех книгах, как и в настоящее время.

В «Библиотеке» Фотия библиографическая запись о произведении обычно состоит из библиографического описания и реферата. В ряде кодексов рефераты заменяются выдержками. Библиографические описания (одно или несколько) имеются во всех кодексах, на которые делится «Библиотека», кроме трех (код. 24, 162, 268). Описание всегда располагается в начале кодекса. Это свидетельствует о наличии определенной унификации в структуре библиографической записи, которая в этом отношении соответствует даже современным требованиям.

В изданиях «Библиотеки», основанных на рукописях, библиографическое описание обычно отделяется от реферата или выдержек знаком препинания. В 193 кодексах оно составляет отдельное предложение и в 14 — два предложения, которые отделяются от остальной части записи точкой. В 13 записях описание отделено семиколоном (•), что в греческом языке соответствует точке с запятой, т. е. грамматически оно независимо от остальной части предложения.

В других случаях описание, находящееся в начале первого предложения кодекса, также не сливается с текстом реферата или выдержки полностью, поскольку всегда оформлено как главное предложение, которому подчиняется придаточное с началом реферата или выдержки.

Почти все библиографические описания в начале кодекса вводятся словом «прочитано». Оно отсутствует только в 15 кодексах, если они являются продолжением предыдущих (код. 109—111, 216—219 и др.). Кодекс 268, в котором отсутствуют сведения о произведении, не имеет описания, и в кодексе 92 оно вводится словом «написан». Нередко словом «прочитано» начинается новое описание и в середине кодекса (5b31, 11ab и др.). Сказуемое «прочитано» иногда не согласуется с дополнением в числе (например, в код. 61 «Прочитано Эсхина три речи»), а когда речь идет о словарях, это слово вообще не имеет смысловой нагрузки. Использование в одних рукописях «Библиотеки» правильной формы множественного числа при наличии единственного числа в других, а также появление активной формы глагола «прочитать», могли быть грамматическими исправлениями переписчиков.

Слово «прочитано», вводящее библиографическое описание, является застывшей формой, подобно метке начала поля в электронных коммуникативных форматах. Возможно, что оно было взято Фотием из юридических сочинений, знатоком которых он считался и которые имели развитый библиографический аппарат. Выражения типа «запомни», «сказал» и другие указывают на устное преподавание в юридических школах. А разве Фотий при сочинении «Библиотеки» не рассматривал себя как наставника молодежи?

В целом библиографическое описание в «Библиотеке» могло включать следующие сведения и информацию, дополняющие и разъясняющие их с различных точек зрения: имя автора, заглавия произведений, количественная характеристика и примечания. Как правило, описание состоит из имени автора, заглавия и количественной характеристики. Остальные элементы приводятся эпизодически, что вполне соответствует современной точке зрения об обязательности и

факультативности элементов библиографического описания, например:

Прочитана Евнапия «Хроника», которая является продолжением работы Дексиппа, в четырнадцати книгах (код. 77);

Прочитано Виндания Анатолия «Собрание наставлений по сельскому хозяйству». Материал в этой книге собран из сочинений Демокрита, Африкана, Тарантина, Апулея, Флорентина, Валента, Леонта, Памфила и также из «Парадоксов» Диофана; работа состоит из 12 томов (код. 163);

Прочитаны софиста Гимерия речи и другие сочинения, в их числе две в жанре увещевания и три в жанре судебного красноречия; ко всем даны введения (код. 165).

Типовые схемы библиографического описания в «Библиотеке» представлены ниже в виде таблицы.

Формы основных элементов			Примеры
имя автора	заглавие	количественная характеристика	
родительный падеж	родительный падеж или предложный оборот	именительный падеж	Кандида «Истории» три книги (код. 79) Исихия «О медном змии» 4 книги (код. 51)
	именительный падеж или предложный оборот	предложный оборот	Ктесия из Книда «Персия» в 23 книгах (код. 72) Феодора «О магии в Персии» в 3 книгах (код. 81)

Ниже приведены типы и примеры описаний нескольких работ одного автора, произведений разных авторов в одном кодексе и описаний при выдержках.

Описание нескольких работ одного автора в одном кодексе	Викторина сына Лампадия из Антиохии «Консульские речи» и «Имперские речи» (код. 101)
Три описания работ одного автора в одном кодексе	Дексиппа «История событий после Александра» Того же «Краткая история» Того же «История скифов» (код. 82)
Описания четырех работ одного автора в четырех кодексах, включающие общую часть и четыре типовые спецификации	Четыре книги, которые содержат медицинский трактат, сочиненный Орибазием, а также семь других работ того же автора, составленные по тому же образцу: Первая работа этого автора — краткое изложение трудов врача Галена... (17b 34—39) (в код. 217—219 начало описания аналогично первой спецификации в код. 216)
Описания произведений разных авторов в одном кодексе	Александра «Собрание чудес» Протагора «Всеобщая география» (код. 188)
Описание четырех работ авторов, имеющих одинаковое заглавие, в объединенном кодексе	Палладия софиста «Ораторские упражнения», и Афтония, и Евсевия софиста, и Максима софиста из Александрии (код. 132—135)
Описание при выдержках	Из Плутарха «Параллельных» различные книги (код. 245).

Рефераты у Фотия могут включать следующие элементы: изложение содержания, оглавление или аналитическую роспись произведения; характеристику и оценку произведения в целом, его стиля и языка; примечания к сведениям об авторе, заглавии, различных «изданиях», количественной характеристике и языке текста; сведения о хронологическом

охвате, структуре, подлинности, истории создания и использования произведения, о том, кому оно посвящено, и его связях с другими произведениями; списки использованной литературы и другие источниковедческие данные; биографические сведения об авторе, указание и характеристика его других работ; рекомендации по читательскому назначению и использованию произведения. Из перечня видно, что некоторые элементы, особенно примечания и оглавление, могли входить в состав как реферата, так и библиографического описания, т. е. их расположение еще не было унифицировано в результате работы над текстом «Библиотеки».

Рефераты «Библиотеки» — разные по объему и степени реферирования: от подробного изложения содержания с детальным литературным и библиографическим анализом до краткой характеристики типа аннотации. В некоторых случаях реферат вообще отсутствует и характеристика произведения ограничена библиографическим описанием (код. 10, 12, 25, 39, 103, 151, 157). Такой дифференцированный подход к реферированию в зависимости от ценности произведения или интереса к нему свойствен и современным реферативным журналам (см., например, РЖ ВИНИТИ). Некоторые рефераты обрываются на середине фразы (код. 11, 74, 225). Это свидетельствует о том, что Фотий работал непосредственно с оригиналами. Поэтому в примечании к кодексам 11 и 12 издатель «Библиотеки» Р. Анри специально отмечает, что Фотий не успел составить к ним рефераты[1].

Изложение существа работы, которое считается основной частью реферата и в настоящее время, имело особую ценность до изобретения книгопечатания, когда рукописная книга была дорогой, иногда уникальной и малодоступной. В кодексе 176 Фотий подчеркивает, что он приводит содержание одной из книг по причине ее редкости (120а 10—14). Во многих рефератах он пересказывает произведение глава за главой (код. 8, 17, 18, 19 и др.), порой с их оценкой (код. 8, 21,

[1] *Photius*. Bibliothèque / Texte établi et tradiuit par R. Henry. — Paris, 1959. — T. 1. — P. 11 (сноска 1 к тексту на франц. яз.).

24 и др.), иногда просто констатирует основные положения и выводы (код. 1, 226). К. Геснер в аннотации на «Библиотеку» в своей «Всеобщей библиотеке» отмечает изложение основных положений (argumenta) как один из важнейших элементов труда Фотия[1]. Преемственность между Фотием и Геснером выразилась и в том, что последний приводит основные положения и даже сохраняет термин «argumenta» для характеристики произведений наиболее крупных авторов (например, Аристотеля)[2]. Одновременно, стараясь сделать реферат занимательным, Фотий сохраняет от произведения лишь то, что, по его мнению, интересно или полезно, например только последнюю часть книги Иосифа Флавия «О войне иудейской» или отдельные эпизоды «Римской истории» Диона Кассия.

Подробный анализ реферата у Фотия дан в нашей монографии «Библиографические памятники Византии» (33, с. 56—63). В целом можно сказать, что в представлении библиографической информации Фотий намного опередил свое время.

В европейской серии биобиблиографических трудов о церковных писателях от Иеронима до Иоанна Триттенгемского основным элементом описания произведения было заглавие. У Иеронима оно иногда было приблизительным или называлась только тематика произведения (38, с. 36). Указывалось количество книг, хотя и не у всех библиографов (Иероним, Геннадий, Сигиберт из Жамблу, Иоанн Триттенгемский) (58, стб. 101, 120, 141, 190). Геннадий и Исидор приводили краткие сведения о содержании, особенно предупреждения о еретическом характере работ (там же, стб. 120, 126). Наконец, Иоанн Триттенгемский часто приводил первые слова (incipit) произведения (там же, стб. 190). Описания произведений в «Перечне многих авторов» Гуго

---

[1] *Gesner C.* Bibliotheca universalis, sive catalogus omnium scriptorum locuplitissimus, in tribus linguis, Latina, Graeca et Hebraica. — Tiguri, 1545. — P. 562r.

[2] Ibid. — P. 72v—91v.

из Тримберга включали заглавия и часто первые строки той или иной поэмы (incipit, или, по выражению Гуго, versiculi primi) (38, с. 64).

Описание в европейских монастырских и церковных библиотеках имело типовую структуру: А написал Х, число книг, incipit. Следует при этом иметь в виду, что каталоги в средние века возникли не из литературных и библиографических потребностей, а для учета и установления места книги в фонде (инвентарь, опись). Только позднее в каталогах университетских библиотек автор и название произведения стали важнее, чем описание рукописи, в которой это произведение находится (99, с. 7—8).

Анализ средневековых каталогов в Европе позволил установить элементы, которые в разных комбинациях могли входить в состав библиографического описания. Имя автора могло приводиться без каких-либо сведений о его произведениях (ср. ранее Плиний) (97, с. 87, 89, 97—101). Дополнительные сведения об авторах приобретают значение в поздних каталогах университетов в связи с усилением литературных интересов при поиске (99, с. 8—9).

Заглавие было важнейшим элементом описания. Иногда оно приводилось в краткой форме (94, с. 261). Вместо заглавия произведения могло даваться общее название рукописи (тома) или ее условное обозначение (99, с. 101—102, 106—107). В описях указывали заглавие только первого произведения в томе или сборнике (94, с. 258; 97, с. 86—87).

Количественная характеристика могла включать число произведений в томе, число страниц или листов (94, с. 261; 99, с. 102—103), номер страницы, на которой написан шифр книги при расположении каталога по шифрам (94, с. 261) и номера страниц каждой работы при аналитическом описании книги (там же, с. 211).

Одним из главных элементов описания в книге были ее первые (incipit) и последние слова (explicit) (60, с. 348; 99, с. 108—109). Это могли быть первые слова тома, текста страницы, на которой написан шифр книги, или второго листа рукописи. При аналитическом описании могли приво-

диться первые слова каждого произведения в составе тома. Библиотекарь мог указать первые слова произведения в том случае, если не мог определить автора или заглавие (94, с. 260—261).

Среди приведенных элементов могли быть язык рукописи (кроме латинского), вид письма, сигнатура, сведения о переплете и его состоянии, форма, материал для письма, сведения о ценности рукописи и ее стоимость (99, с. 98—108, 112), оценка рукописи (бесполезная, может читаться, старая, хорошая), ее происхождение (как она попала в библиотеку: покупка, дарение и т. д.) (94, с. 260; 99, с. 111—112). В сводных каталогах указывались сиглы. Иногда сиглы приводились также в библиографических указателях (43, с. 33; 94, с. 260). Наконец, одним из элементов могло быть указание на предназначение книги (99, с. 112—114).

На Руси в рекомендательном аналитическом указателе Арсения Высокого даны достаточно подробные описания статей из сборников. Описание включало название статьи, формат сборника (в «десть», в «полдесть»), номер главы, подлежавшей чтению, а при отсутствии нумерации обозначение места расположения статьи при помощи выражений типа «то ему и начало» или «от задние доскы» (т. е. последняя глава). Иногда Арсений приводит начальные слова главы (incipit). Таким образом, он, как и положено в аналитическом описании, стремится точнее указать рекомендуемое для чтения место в книге. Если в библиотеке было несколько экземпляров одной и той же книги, Арсений отмечает внешние особенности экземпляра, на который он ссылается: «сборник хартейный» (т. е. из пергамена), «переплет в затылок», «в черной коже» и т. п. Можно привести следующий пример записи из «Указца»:

«Декабря в 21 день. Мучение святыя великомученицы Ульянии. В соборнике в десть. В начале жития Иоанна Златоустого. До того же дни декабря в 21. Иже во святых отца нашего Петра митрополита московского. Житие его. В Патерике в Печерском. В полдесть. От задние доскы» (14, с. 31—32).

В монастырях книги рассматривались как часть имущества. Поэтому их описания были краткими. Содержание книг не представляло интереса и не отражалось в описях. Когда библиотечные каталоги отделились от описей, возрос интерес к содержанию книг и соответственно увеличилось количество элементов их описания.

Как отмечает Н.А. Никифоровская, в XVII в. сведения о книгах в описях продолжали оставаться довольно скудными, но на практике постепенно установился более или менее определенный объем этих сведений: формат, заглавие (в сокращенном виде), имя автора, материал, на котором написана или напечатана книга. Иногда отмечалось ее состояние, дефектность («ветха», «листы повыдраны» и т. п.), особенности письма («скорописная», «письмо велико»). В отдельных случаях отмечалось количество глав, строк на странице («в двадцать строк»), указывалось имя переписчика или бывшего владельца книги (жертвователя). При описании сборников иногда приводились заглавия отдельных произведений (обычно первого и последнего), входивших в сборник, или же назывались только имена авторов. Все это расширяло возможности идентификации книг, однако нередко описания были настолько краткими, что на их основании было трудно понять, какая именно книга имелась в виду (22, с. 14—16). Необходимо, однако, принять во внимание, что составители описей имели в виду конкретные фонды, которые были им хорошо знакомы. Поэтому для их целей краткие описания были вполне достаточными. Ниже приводятся примеры описаний из различных описей:

Книга Библия словет, в ней же все книги Ветхого и Нового закона, письмо монастырского слуги Никиты Федора Лапшина, в десть (опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря).

Два апостола опракосы в десть. Един на бумаге, а другое на хартии (первая часть описи книг Кирилло-Белозерского монастыря).

Книга *Никонское правило*, в десть, на бумаге, дачи Царя и Великого князя Ивана Васильевича всея Русии, во влага-

лищи деревянном, за замком («Опись книгам, в степенных монастырях находившимся»).

Ефрема Сирина книга, харатейная, Греческая, в десть, без начала и без досок («Опись Греческим, Греко-Латинским, Польским и Словенским печатным и письменным книгам», 1675 г.) (там же, с. 16—21).

В «Оглавлении книг, кто их сложил» бóльшая их часть описана de visu, а книги, которые составитель не видел, отмечены условным знаком. В описании рукописных книг указано количество листов, частей и глав, перечислены все статьи, помещенные в книге, приведены их заглавия и начальные слова. Раскрытие содержания статей сделано с большим вниманием. Статьи, принадлежащие разным авторам, разнесены по их именам со ссылкой на соответствующие сборники (в их условном обозначении), а список таких сборников с указанием их условных обозначений помещен в приложении под заглавием «Объяснение сокращений». Последнее вполне соответствует современной традиции приведения списков сокращений (14, с. 38—39).

В «Фихристе»[1] Ибн ан-Надима описания отдельных произведений в списках даются по типовой схеме: «Книга» («китаб») + заглавие книги в родительном падеже, например: «Книга истории» («китаб ат-тарих») (274, 27). Слово «китаб» в описании перенесено из рукописей. Можно сказать, что описание произведения соответствует его «выходным сведениям». Слово «китаб» используется также в описании отдельных глав книги (77, 15—23). В тематических списках к названию книги добавляется имя автора в родительном падеже, например: «Книга метафоры Абу Убайды» (38, 13). Для «Начал» Евклида и «Альмагеста» Птолемея применяется формула «сведения о его книге» («ахбар китабихи») (265, 20; 267, 29), т. е. статья о книге приравнивается по инскрипции к биобиблиографической статье. Кроме слова «китаб», в описании применяются следующие слова, отражающие

[1] Здесь и далее ссылки на арабский текст «Фихриста» (78), при ссылке на перевод — Д 428.

виды произведений: «рисала» (послание), «тасниф» (произведение), «касида» (стихотворение), «ислах» (исправление), «каул» (диалог) и др.

Описания включают различные дополнительные сведения. Сведения об авторах могут быть следующими: указание соавтора (88, 1—2); информация о том, что один ученый начал книгу, а другой закончил ее (276, 10), о том, что книга приписывается данному лицу, но ее автором является другой (117, 2—3) или что книга приписывается другому автору (91, 18—19). Как редкий вариант встречается указание коллективного автора: «группа ученых» (38, 21). В дополнение к основному заглавию приводятся альтернативные заглавия (277, 18), сведения, разъясняющие заглавие (305, 22), транслитерированные заглавия на иностранном языке, например на греческом, в списках произведений Платона и Аристотеля (246, 5—14; 248, 16—19), сведения, что две работы, расположенные одна за другой и посвященные одному вопросу, разные (Д 428). В тематических списках заглавия книг могли вообще отсутствовать. Если заглавия всех книг в списке совпадали с названием списка, то приводились только имена авторов (35, 27—29).

Количественная характеристика могла включать сведения о трех или двух вариантах книги, например большом, среднем и малом (Д 419), о количестве глав (Д 416), объеме в листах, в том числе определенного размера с установленным количеством строк (159, 21). А.Б. Халидов особо отмечает точность количественной характеристики в «Фихристе» (44, с. 152). В редких случаях приводились сведения о наличии иллюстраций (284, 9). Особо отмечалось алфавитное расположение материала (133, 19—21), наличие книги в оконченном (207, 11) или неоконченном виде (113, 13), о ее сокращении (265, 6), наличие автографов (78, 23—24) или нескольких рукописей одного произведения, в том числе с их сравнительной оценкой (68, 21; 279, 24—25), степень сохранности произведения (251, 26) или трудов автора в целом. Так, об одном из авторов сказано, что из 200 его книг осталось только 27 (196, 3—4). Иногда Ибн ан-Надим сообщает, что

книгу найти невозможно (70, 16) или что она была найдена недавно (251, 6).

Особое значение имеет группа сведений об известных книгах: их описание, характеристика содержания, принципов построения, оценка, сведения о переводах, комментариях и переложениях, о тех, для кого они были написаны, и т. д. Подобные сведения могли приводиться и в биографической части биобиблиографической статьи.

Автор «Фихриста» использовал также различные методы раскрытия содержания книг. Для наиболее известных книг дается поглавная роспись иногда с приведением начальных стихов или слов (142, 1—18). В некоторых случаях Ибн ан-Надим дает роспись не потому, что книга знаменита, а в связи с ее практической пользой. Такая роспись имеется, например, для книги «Какие знания по арифметике необходимы для администраторов и секретарей», т. е. для труда, который имеет явно прикладной характер (283, 11—13). Для некоторых книг приводятся краткие рефераты. В одном из них сказано, что книга включает сведения о поэтах, имена которых расположены в алфавитном порядке, что она содержит около 5 тыс. имен и ее объем превышает одну тысячу листов (133, 19—21). В редких случаях Ибн ан-Надим приводит выдержки из сочинений, обычно если книги были осуждены ортодоксальным исламом и подверглись уничтожению (31, 27—32, 8).

Цены на книги приводятся редко. Любопытен рассказ Ибн ан-Надима о том, что однажды он не смог купить книги, предложенные за 120 динаров, за которыми поспешил домой, но по возвращении обнаружил, что они уже проданы за 3 тыс. динаров (252, 28—253, 2). В некоторых случаях автор приводит книготорговые сведения: о том, что книга данного автора пользуется спросом (77, 14), об аукционах книг (150, 19) и др. В целом можно сказать, что «Фихрист» является неисчерпаемым источником информации об арабской книжной культуре.

Автор «Фихриста» уделяет постоянное внимание уточнению ономастических данных. Это объясняется тем, что по

разным источникам один и тот же автор мог иметь разные формы имени. В «Фихристе» указаны специальные ономастические работы: «Имена самых ранних поэтов» и «Прозвища поэтов и кто был известен по кунье и кто по имени» (146, 19). Характерно, что одна из лучших арабских работ об именах и прозвищах передатчиков преданий (хадисов) ал-Карабизи (ум. 978 г.) возникла примерно в то же время, что и «Фихрист». Арабские ономастические работы были подобны труду Деметрия Магнесийского «О соименных поэтах и писателях» в эллинистической библиографии.

Для последующих библиографов в арабо-мусульманском мире Ибн ан-Надим создал традицию, особенно в обработке данных об авторах и их различению, если авторы носили одинаковые имена. Таким образом, библиография способствовала передаче подлинной и достоверной исторической информации из поколения в поколение (72, с. 216).

Абу Рейхан Бируни в списке (фихристе) трудов ар-Рази давал в описании произведений их полные названия и количественную характеристику рукописи. Кроме того, он включал в записи своеобразные аннотации, в которых объяснял причину появления труда, приводил его краткое содержание и указывал, кому он был посвящен (49, с. 65). В другой работе «Индия» Бируни дает обзор индийских источников и потому является одним из первых, кто начал включать библиографические обзоры в свои книги. В описаниях сочинений Бируни не только указывал авторов и названия произведений, но и давал о них исторические справки (50, с. 49).

Хаджжи Халифа в своем указателе давал подробные или краткие биографические сведения об отдельных лицах. Обычно это были имя автора, его должность (профессия или чин), годы рождения и смерти, социальное происхождение. Далее следовали подробные описания его произведений (49, с. 66).

В китайской библиографии основу составляли описания сведений о заглавии, что было характерно не только для государственной, но и для частной, индивидуальной библиографии. Это отражало особенность представления данных о заглавии. Заглавие в китайских книгах имело двойную

функцию: давало сведения о содержании работы и об авторе. Имя автора могло следовать за названием произведения, но оно было написано более мелкими иероглифами, отражая первичность именно названия. Иногда имя автора вообще не указывалось. Эта традиция сохранилась до настоящего времени (46, с. 141; 83, с. 6).

Для китайской библиографической записи был также характерен метод обобщения в виде аннотаций. Приоритет в их создании к книгам принадлежит Конфуцию. В дальнейшем эта традиция сохранялась. Представители различных философских школ выработали методику изложения общего смысла работ авторов своих школ, научились писать предисловия и пояснения, в которые включали аннотации на книги. затем эти сведения стали переходить в библиографические описания. Эта работа осуществлялась в IV и III вв. до н. э., когда в Китае было создано централизованное государство, правители которого обязали библиографов писать предисловия и пояснительные тексты к каждой книге. Таким образом были заложены основы исчерпывающей национальной библиографии, а аннотирование стало одним из методов национальной библиографии (46, с. 137—138; 83, с. 5—6).

В конце I в. до н. э. Лю Сяну, ответственному за библиотеку династии Западная Хань было поручено обработать и дать полное описание библиотечного фонда, который с 32 г. до н. э. создавался по поручению императора Чэн-ди. Сотрудники Лю Сяна редактировали полный текст книг, устанавливали порядок глав и статей, определяли заглавия и затем переписывали окончательные тексты с аннотациями. После смерти Лю Сяна в 7 г. до н. э. работу продолжил его сын Лю Синь. В результате через год была составлена первая национальная библиография «Ци люэ» («Семь разделов»). Эта аннотированная библиография стала основой классификации в 7 разделов.

Кроме «Ци люэ», Лю Синь собрал вместе все общие и частные предисловия и пояснения изо всех книг в один самостоятельный сборник «Белу» — своего рода аннотированный указатель или библиографическая энциклопедия. Для этих

работ впервые использовались методы библиографического описания книг, для чего были разработаны элементы и формы описания, применены перекрестные ссылки, аналитическое описание и примечания. Для каждой книги были написаны краткие аннотации.

В «Ивэньчжи» — библиографическом разделе «Ханьшу» (летописи Ханьской династии) Бань Гу (32—92) перечислил все книги, вошедшие в состав «Ци люэ», и добавил те, которые были созданы от 6 г. до н. э. до 23 г. н. э. В описаниях книг он приводил имена авторов и затем названия их сочинений. Пояснительные тексты из всех книг были сокращены (42, с. 296; 46, с. 139).

Позднее при императоре династии Восточная Цзинь Юань-ди (317—322) была составлена государственная библиография «Сыбушуму» («Библиография в 4 разделах»). Описания в ней упростились: приводились только названия и авторы, а примечания и аннотация были опущены.

В 628 г. с позволения императора династии Тан библиотекарь Вэй Чжэн составил очередную государственную библиографию «Суйшу-Цзинцзицзи». Библиографическое описание в ней было составлено под заглавием, за которым следовали имя и фамилия автора (46, с. 140—141).

ГЛАВА 9

Расположение и классификации

Систематическое расположение

Древний Восток

Классификации развивались на Востоке и Западе, в Китае, на Ближнем Востоке и в Греции практически независимо, но ставили перед собой схожие цели. Они были своего рода

картой знания, которая предоставляет для обозрения панораму мысли и опыта и в которой отражаются интеллектуальные достижения и тенденции данного периода или региона (95, с. 307). В то же время систематизация и классификации отражают потребности практической деятельности, а на древнем Ближнем Востоке прежде всего стремление к упорядочению в работе канцелярий и учетных ведомств.

Поэтому, анализируя систематизацию и группировку библиографических записей в списках и каталогах древней Месопотамии, необходимо принять во внимание, что в то время еще не было значительного корпуса литературных произведений. Писцы прежде всего стремились составить список произведений по типу прочих списков, в том числе хозяйственного назначения. Вероятно, составители большинства из списков, которые дошли до нашего времени, не видели необходимости в систематизации материала. Во всяком случае, как отмечает С.Н. Крамер, невозможно достаточно точно определить ее принципы, так как цели составления списков, особенно древнейших, не вполне ясны (78, с. 108). Тем не менее в ряде каталогов наблюдается определенная систематизация материала, и это заставляет пересмотреть сложившееся представление, согласно которому в месопотамских списках не использовались какие-либо классификационные схемы.

В целом при изучении месопотамских библиографических списков и каталогов было выявлено 17, где использовались достаточно очевидные принципы систематизации записей. В хронологическом плане они распределяются следующим образом: новошумерские — 1, старовавилонские — 5, касситские — 1, среднеассирийские — 1, новоассирийские — 8, селевкиды — 1.

В зависимости от схем классификации эти списки и каталоги можно разбить на следующие основные группы:

- деление по типам гимнов и заклинаний, в том числе с музыкальным сопровождением — 4;
- деление по богам, которым адресованы произведения, — 6;
- деление на таблички одной серии, подсерии и серии — 3;

- хронологическое (?) расположение в каталоге исторических и литературных писем — 1;
- деление на общий раздел и специальные разделы заклинаний, посвященных отдельным богам (Мардуку, Шамашу) — 2;
- деление по источникам поступления (частные лица, храмовые библиотеки) в списках новых поступлений в библиотеку Ашшурбанапала — 3;
- выделение сведений о текстах на навощенных досках и указание их на первом месте как показатель их особой ценности — 3;
- деление на мудрецов и ученых в поздневавилонском списке авторов — 1.

Греция и эллинистический мир

Систематическая группировка по классам произведений получила распространение в эллинистической библиографии начиная с «Таблиц» Каллимаха. В настоящее время принято считать, что «Таблицы» имели следующую структуру. Группировка была систематическая по классам «поэты», «проза» и «разные авторы». Поэты делились на эпических, элегических, ямбических, лирических, авторов трагедий и комедий. В классе «проза» известны следующие разделы: историки, ораторы, философы, врачи и законодатели. Однако нужно отметить, что по вопросу о группировке в «Таблицах» имеются различные точки зрения. Это связано с тем, что от «Таблиц» до нашего времени дошли только отдельные фрагменты (85, с. 209—211; 98, с. 136).

У Диогена Лаэртского статьи об отдельных философах расположены по философским школам, а в рамках каждой школы — по принципу наследования главенства. В некоторых списках материал систематизирован в соответствии с установками той школы, к которой относится философ. Например, схема группировки диалогов Платона является результатом дихотомического деления (11, с. 104, III, 49—50).

Списки некоторых известных философов у Диогена фактически переписаны у других библиографов и потому сохраняют группировку первоначального составителя. Так, список трудов Аристотеля у Диогена имеет следующую тематическую группировку:

1. Работы, широко известные читающей публике в эллинистический период.
2. Труды об учении Платона.
3. Логика и диалектика.
4. Политические сочинения.
5. Риторика и поэтика.
6. Философия природы и биология.
7. Математика, астрономия, оптика и теория музыки.
8. Отдельные проблемы и комментарии, в том числе «О магните», «Исследования по родам» и др.
9. Собрания, в том числе «Государственные устройства» 158 городов.
10. Письма.
11. Поэтические произведения (там же, с. 212—213; V, 22—27).

Список произведений Демокрита был составлен Фрасилом. В начале списка авторство Фрасила указано. Сочинения расписаны по тетралогиям, сгруппированным в следующие группы: этика, естественная наука, математика (также астрономия и география), искусство (язык, литература, музыка), прикладные науки (медицина, сельское хозяйство, военное дело, живопись). В конце приведена группа сочинений, которые не вошли в список. Или были переделками подлинных произведений, или не принадлежали к их числу (там же, с. 373—375; IX, 45—49).

В списке трудов Аристотеля, составленном Птолемеем, произведения подразделяются на следующие группы: логика, этика, политика, поэтика, риторика, физика и литература. Эта группировка в отличие от списка у Диогена Лаэртского в гораздо большей степени соответствует современным представлениям о составе собрания сочинений Аристотеля. Это дает основание считать, что Птолемей в основном заим-

ствовал материал из утраченного списка трудов Аристотеля, составленного Андроником Родосским в 40—20 гг. I в. до н. э. Список возник в связи с подготовкой собрания сочинений Аристотеля, до настоящего времени считающегося признанным эталоном, в том числе и по группировке произведений. В этом отличие от списка у Диогена, который был частью жизнеописания.

Автобиблиографическая работа Галена «О порядке собственных книг» была своего рода введением к собранию его сочинений с рекомендациями, в каком порядке их следует читать. Эта книга по целевому назначению и группировке материала напоминает исследование Андроника Родосского о трудах Аристотеля. Во второй работе «О собственных книгах» в первых двух главах описаны труды, созданные соответственно в Риме и на родине, а в последующих главах принята систематическая группировка работ по анатомии (гл. 3), терапии (гл. 4) и прогнозу болезни (гл. 5), комментарии к трудам Гиппократа (гл. 6), работы, направленные против отдельных медицинских школ (гл. 7—10), по философии (гл. 11—16), грамматике и риторике (гл. 17). Таким образом, две первые главы включают описание ранних работ в хронологическом порядке, остальные являются систематическим обзором более зрелых трудов.

Во время императора Адриана (117—138) греческий грамматик Геренний Филон из Библоса написал пособие по комплектованию библиотек «О приобретении и выборе книг», в котором материал был расположен по отраслям знания. В девятой книге, посвященной медицине, рассматривались труды врачей (67, стб. 653).

Европа

В книге I «Институций» Кассиодора, двадцать глав которой имеют библиографический характер, материал располагается по главам в определенном порядке, по мнению автора, наилучшем с дидактической точки зрения. Девять

первых глав являются указателем важнейших, на его взгляд, комментариев на книги Ветхого Завета и Нового Завета: Амвросия Медиоланского, Августина, Иеронима, Лактанция и некоторых других. Глава XI включает информацию о четырех Вселенских соборах, признанных во времена Кассиодора ортодоксальной церковью. Глава XVII посвящена истории церкви или, скорее, работам христианских писателей, которые представляют собой очерки событий IV—V вв., составленные с особым вниманием к истории церкви и отражающие ее взгляды. Главы XVIII—XXIII рассказывают о выдающихся писателях-богословах. В трех последующих главах (XXV, XXVIII, XXXI) Кассиодор указывает сочинения писателей-язычников по астрономии (Птолемей), сельскому хозяйству (Колумелла) и медицине (Гиппократ, Гален).

Материал в главах располагается в порядке от более важных и необходимых для читателя трудов до работ меньшего значения. Среди последних встречаются и работы писателей, осужденных церковью (38, с. 45—46).

Исидор Севильский в «Этимологиях» — работе, не имеющей отношения к истории библиографии и являющейся своего рода энциклопедией, применяет энциклопедическую классификацию, которая послужила образцом для классификаций в энциклопедиях Европы в XII—XIV вв. (47, с. 48—52, 71—86).

Систематизация в библиотечных каталогах Европы в V—XI и даже в XII—XIV вв. была достаточно примитивной (там же, с. 43—48, 60, 67—71). В качестве примера можно привести группировку материала в английском каталоге 1162 г. Анализ каталога, который включает 352 книги, позволяет установить следующие группы: английские книги, классики, книги физики, бревиарии, псалтыри и т. д. Поскольку библиотека богословская и почти все 170 книг первой группы богословские, каталог можно в определенной степени считать систематическим. В конце следуют группы книг по именам доноров и книги, которые следует читать во время трапез.

Другой английский каталог (церковная библиотека в Кентербери) 1170 г. имеет следующую группировку материала: грамматика; риторика; музыка; философия; поэзия; астрономия; разное; логика, диалектика и право.

Сравнение этих двух каталогов показывает, что в каталоге из Кентербери схема расположения материала гораздо более внятная и понятная с систематической точки зрения (84, с. 16, 18. 23).

Исследование монастырских каталогов со времен Каролингов, проведенное Б. Скривнером, показало, что их структура соответствует потребностям читателей своего времени и ходу жизни монахов, которые собственно и были потребителями этой информации. Каталоги, как правило, не имеют полной и точной классификации, так как их целью не был поиск информации. В основном это описи и даже перечни даров. Все же, как показывают описания каталогов английских библиотек, определенная, хотя и ограниченная, организация материала все же существовала.

Единственная классификация, все-таки сохранившаяся как наследие александрийских и римских традиций, была систематизация по семи свободным искусствам тривиума и квадривиума, которые были основой образовательного процесса в европейские средние века. Хотя каталоги в основном отражали физическое расположение книг в фонде, они также имели связь с отношениями и целями различных отраслей знания. Однако в целом соблюдение схем группировки не было строгим (92, с. 427, 433—437, 440—443).

В «Библиономии» Ришара де Фурниваля, который хотел пропагандировать свою библиотеку среди жителей Амьена, библиотека рассматривается как сад (единое целое), грядки в саду — группы литературных произведений по тематике и растения — отдельные рукописи. Первая «грядка» — философия — содержит рукописи по грамматике (№ 1—12), диалектике (13—24), риторике (25—36), геометрии и арифметике (37—48), музыке и астрономии (49—60), физике и метафизике (61—72), метафизике и этике (73—84), другие

философские книги, которые не укладываются в предыдущие рубрики (85—108), поэзия (109—132).

Вторая «грядка» отражает рукописи с практическим содержанием: медицина (№ 133—162) и право (гражданское и каноническое). Третья, «богословская грядка», содержит ненумерованные рукописи Ветхого Завета и Нового Завета, комментарии на них и т. п. (45, с. 57—58).

«Перечень многих авторов» Гуго из Тримберга распадается на три раздела. Первый в основном посвящен произведениям античных авторов, хотя в конце указываются и некоторые средневековые писатели светской тематики. Все авторы в этой главе называются Гуго «более крупными моралистами» (maiores ethici). В основном это поэты эпохи Августа и позднее, грамматики последних веков античности и средних веков и, наконец, латинские поэты средних веков. Гуго избегает прозаиков: о Саллюстии, Цицероне, Теренции и «многих древних» он говорит, что «хотя они и учители по науке этиков, но не считаются в числе поэтов» и «не находятся в пользовании у современников».

Второй отдел уделен поэтам-теологам (по терминологии Гуго «теоретикам»). Из того, что они помещены на втором месте, не следует, что для него они имеют меньшее значение, чем «этики» первого отдела. Напротив, для Гуго теология — «всех наук царица, коей все ученье должно подчиниться». Если она помещена во втором отделе, то это потому, что сказано: блаженные да пребудут посредине.

Наконец, третий отдел охватывает «более мелких моралистов» (ethici minores), предназначаемых для младших по возрасту учеников. Эту группу «меньших» возглавляет Катон Цензор. За ним следует Эзоп, именуемый «Овидий для девочек» и другие, в том числе рифмованный «Физиолог» и лапидарий Макроба. В заключение — краткая автобиография и перечисление собственных трудов, латинских и немецких (38, с. 63—64).

Парентучелли (будущий папа Николай V) в своем «Перечне» — пособии по комплектованию библиотек указывает прежде всего «Канон священных писаний: Ветхий и Новый

заветы». Вслед за ним идет список сочинений отцов церкви и других авторов богословских трудов первых веков н. э. и раннего средневековья. Затем указываются произведения крупнейших схоластиков (Фома Аквинский, Альберт Великий и другие), Аристотеля и его европейских комментаторов. Из арабских комментаторов упомянут только Аверроэс (с указанием, что иных арабских комментаторов Аристотеля в латинских переводах не имеется). Вслед за Аверроэсом отмечаются произведения Авиценны и Моисея Маймонида, и вся эта часть заканчивается характерным замечанием: «А также все, что касается философии и переводов с греческого из Платона ли, или из любого другого философа, я считаю подходящим для всякой библиотеки».

Переходя от «философии» к «математике», Парентучелли отмечает немногие, но важные работы: «Арифметику» и «Музыку» Боэция, «Геометрию» Евклида и др. Последняя часть «Перечня» включает произведения древних латинских авторов. Перечень древних поэтов занимает немного места. Указаны только Вергилий, Овидий, Стаций, Гораций и Лукан. Греческая литература отсутствует полностью. Это объясняется тем, что во время составления «Перечня» она еще была недоступна как для автора, так и для читателей (там же, с. 66—68).

Систематическое расположение авторов по областям и тематике их произведений было принято также в сочинении Сикко Полентона «Знаменитые писатели латинского языка». Полентон жил ок. 1347—1447 гг. (58, стб. 179—180).

Византия

По вопросу о группировке статей в «Ономатологосе» Исихия Милетского существуют две точки зрения. Большинство специалистов считают, что статьи группировались систематически по классам: писатели (поэты и прозаики), философы, историки, ораторы, софисты, грамматисты, врачи и различные специалисты (например, по сельскому

хозяйству). Систематический порядок по классам отражает древнюю традицию и восходит к Каллимаху. Имеются, как было отмечено, и другие точки зрения. В библиографических списках расположение описаний разное и отражает группировку материала в различных источниках, которыми пользовался Исихий. Это видно по соответствующим статьям в «Суде», а также по сохранившимся от первоначального «Ономатологоса» жизнеописаниям Аристотеля и Аристофана. Исихий компилировал свои источники в соответствии с установившейся античной традицией.

Группировка кодексов — наиболее уязвимое место «Библиотеки» Фотия как библиографического памятника. В начале «Библиотеки» Фотий пишет, что он располагает кодексы так, как они приходят ему на память. Расположить их в систематическом порядке было бы нетрудно, но пестрая последовательность имеет то преимущество, что читатель не соскучится. Такой подход в разумных пределах допустим в рекомендательном библиографическом указателе, основная задача которого — заинтересовать и направить к самостоятельному чтению.

Однако некоторая систематизация в «Библиотеке» все-таки имеется. В начале расположены две большие группы кодексов, включающих христианскую и светскую литературу (код. 1—56 и 57—105). Внутри каждая группа перемежается одиночными кодексами противоположной группы, например код. 1—2, 4—32, 34—36 и т. д. Затем следуют четыре группы кодексов, порядок которых внутри группы ничем не нарушается: христианская литература (код. 106—127 и 136—144) и светская (128—135 и 145—161). Далее христианские и светские работы расположены группами от 1 до 18 кодексов без какой-либо четко выраженной системы.

Внутри группы кодексов христианской и светской литературы имеется еще тематическая и авторская группировка. Установлены следующие тематические группы: светские историки (код. 62—72, 76—80 и др.), церковные историки (код. 27—31, 40—42), ораторы и риторы (код. 246—248, 259—268 и др.), словари (код. 145—158) и т. д. Иногда работы

одного автора собраны в одной группе (код. 103—105 — труды Филона Александрийского), порой они рассеяны по «Библиотеке» (код. 58, 91—93 — исторические труды Арриана). Бывает, что две работы находятся в соседних кодексах в реферативной части, а выдержки из них также даются в соседних кодексах в конце «Библиотеки» (код. 213—214 и 250—251).

Жесткие требования к группировке библиографических записей не соответствовали читательскому назначению «Библиотеки». Вместо строгой группировки использован литературный прием пестроты, облегчающей не поиск, а чтение. Такой подход и сейчас встречается в библиографических обзорах. Это было свидетельством того, что в рукописный период и до некоторой степени до настоящего времени библиография остается частью литературы.

О группировке тематических частей в «Исторической энциклопедии» можно говорить только гипотетически, так как сохранились только три части, место которых в коллекции известно: т. 1 — «О провозглашении императоров», т. 27 — «О посольствах» и т. 50 — «О добродетели и пороке». Полного перечня заглавий и номеров частей не имеется. Были попытки реконструкции тематических групп в энциклопедии, но некоторые авторы считают, что вообще трудно говорить о каком-либо определенном плане расположения частей энциклопедии.

Арабо-мусульманский мир

«Фихрист» Ибн ан-Надима — систематический библиографический указатель. Его схема классификации нашла выражение в делении на главы и разделы. Количество разделов в главах определяется их содержанием и объемом. Например, глава 6 (право) включает восемь разделов, а глава 10 (алхимия) не имеет разделов. В целом «Фихрист» состоит из 10 глав и 34 разделов. Ниже приводится краткий перечень глав (схема классификации):

1. Докораническое знание и Коран, в том числе раздел 1 о системах письменности разных народов.
2. Филология с делением по территориальным школам.
3. История (только мусульманская).
4. Поэзия с делением на доисламскую и исламскую.
5. Мусульманская теология с делением на секты.
6. Мусульманское право с делением по школам (мазхабам).
7. Философия, математика и астрономия, медицина (три раздела).
8. Развлекательная литература, в том числе история немусульманских народов.
9. Религиозные учения разных народов (немусульманские).
10. Алхимия.

Для понимания схемы классификации «Фихриста» важно деление всех наук, включенных в него, на две группы: «арабские» (гл. 1—6) и «иноземные» (гл. 7—10). В этом делении отражено противопоставление религиозного и философского знания, характерное для мусульманской культуры. В «иноземных» науках допускались чуждые влияния. В главах 7—10 имеется много сведений о греческих, персидских, индийских и других иностранных авторах и книгах. В первые же шесть глав редко проникают реалии, которые не представляют интереса для мусульманства. Это деление наук оказало влияние на формирование некоторых сохранившихся рукописей «Фихриста» и привело к возникновению вопроса о двух его редакциях (полной и краткой). Краткая редакция представлена одной из стамбульских рукописей, которая включает только четыре последние главы «Фихриста» («иноземные» науки), дополненные первым разделом главы I (о письменности разных народов). Эта рукопись датируется началом XIII в., когда арабская наука вновь обратилась к античному, т. е. «иноземному» материалу. Отсутствие ссылок на «Фихрист» в течение 200 лет после его создания и «открытие» арабскими учеными

XIII в. показывает, какое принципиальное значение имеет его деление на «арабскую» и «иноземную» части[1].

«Арабские» главы «Фихриста» делятся еще на две части: кораническую (гл. 1—4) и прикладную (гл. 5—6). Сам Ибн ан-Надим обращает на это внимание читателя. В субскрипции главы 4 он пишет: «Закончена четвертая глава «Фихриста» и закончена полностью его первая часть» (172. 3). Далее в инскрипции главы 5 сказано, что в ней будут рассмотрены «остальные науки». Б. Додж считает, что Ибн ан-Надим, видимо, имеет в виду теологию и право (Д 379). Таким образом, на высшем уровне классификации «Фихрист» делится, кроме глав и разделов, на три части: Коран и науки, имеющие отношение к его пониманию и толкованию, прикладные «исламские» и «иноземные» науки.

Расположение глав в «арабской» части «Фихриста» определяется тем значением, которое имели отдельные науки в мусульманской культуре X в. Филология занимала среди них первое место, как наиболее необходимая для понимания Корана и сохранения чистоты арабского языка. Мусульманская историография, т. е. в первую очередь история мусульманской общины, вышла из филологии и поэтому расположена после нее, но перед главой, посвященной поэзии, которая, особенно доисламская, также считалась необходимой для понимания языка Корана. Наконец, право отделилось от богословия только в X в. и вынесено в конец исламских наук как практическая, а не умозрительная дисциплина[2].

Расположение разделов в главах отражает значение научных школ или научных дисциплин. Глава 2 (филология) включает три раздела о грамматических школах Басры, Куфы

---

[1] Подробнее о двух редакциях «Фихриста» см.: *Полосин В.В.* К вопросу о двух редакциях «Фихриста» Ибн ан-Надима // Письм. памятники и проблемы истории культуры народов Востока: 13 годич. науч. сессия ЛО ИВАН СССР (докл. и сообщ. по арабистике). — М., 1978. — С. 113—118.

[2] *Грюнебаум Г.Э.* Основные черты арабо-мусульманской культуры: Статьи разных лет. — М.: Наука, 1981. — С. 87; *Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. — М., 1960. — С. 124; *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. — М.: Наука, 1986. — С. 159.

и так называемой «смешанной» школы в том порядке, как они возникли, и в соответствии с их влиянием. Это объясняет сам Ибн ан-Надим: «Мы обсудим сначала басрийцев, так как от них взято знание арабского языка и потому что Басра была основана раньше Куфы» (64, 11—12). Глава 6 состоит из восьми разделов в порядке значимости школ права. Их расположение отражает точку зрения X в. и отличается от современной[1]. В главе 7 три раздела посвящены соответственно философии, математике, астрономии и медицине в порядке значения этих «иноземных» наук.

У биографических и библиографических материалов в разделах несколько уровней группировки. Это является дальнейшей детализацией схемы классификации «Фихриста». Характер группировки зависит от содержания раздела. После сведений о делении Корана на суры и семи школах чтения Корана раздел 1.3 (науки о Коране) имеет 22 тематические подборки, которые в свою очередь могут быть с дополнительным тематическим или территориальным делением. Так, в тематической подборке книг о диакритических знаках сначала идут книги о согласных, а затем совместно о согласных и гласных (35, 23—26). Подборка книг о количестве стихов в Коране (37, 7—23) подразделяется территориально (ученые Медины, Мекки, Куфы и т. д.). В главе 8 (развлекательная литература разнообразного содержания) материал систематизирован по многим тематическим рубрикам. Раздел 3.3 в соответствии с инскрипцией включает несколько групп: певцы и авторы книг по пению; литераторы и сотрапезники; весельчаки, шуты и другие лица, писавшие об остроумии и развлечениях; книги об игре в шахматы.

В разделах, включающих сведения об «иноземных» науках, материал группируется в первую очередь по этническому

---

[1] Ср. расположение школ права в «Фихристе» (198, 14—237) и в известных справочниках К. Броккельмана и Ф. Сезгина: *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur. — Leiden: Brill, 1943. — Bd. 1. — S. 284—327; *Sezgin F.* Geschichte des Arabischen Schrifttums. — Leilen, 1967. — Bd. 1. — S. 409—586.

принципу в зависимости от роли ученых того или иного народа в развитии науки: в разделе 7.1 (философия) — греческие, вавилонские, индийские, арабские авторы; в главе 10 (алхимия) — вавилонские, греческие, арабские. В разделе 7.3 (медицина) индийские и персидские авторы поставлены после арабских в связи с их меньшим значением. Напротив, раздел 8.1 (развлекательная литература) начинается с персидских произведений, в том числе с истории сборника «1001 ночь». В конце разделов иногда помещается рубрика «Разное» (38, 11—25) или списки книг, которые «попались» автору (171, 1—2).

После Ибн ан-Надима составители библиографических указателей (фихристов) также использовали систематическую группировку записей (72. с. 216). Две классификационные схемы были использованы ал-Бируни в его «Фихристе книг Мухаммада Закария ар-Рази»: для произведений ар-Рази и для собственных книг. Схемы определялись содержанием творчества авторов.

В списке ар-Рази приведены 184 сочинения. Вначале представлено 21 сочинение по химии, так как ар-Рази был крупным специалистом в этой области знания, и его взгляды коренным образом отличались от представлений алхимиков. Второе место Бируни отводит медицине, поскольку и в этой науке ар-Рази считался выдающимся ученым. Среди 56 сочинений приводится «Всеобъемлющая книга по медицине», которая по объему превышает знаменитый «Канон» Ибн Сины. Затем следует философия (7 сочинений по логике), математика и астрономия (11 трудов).

Вторая половина «Фихриста» содержит перечень собственных трудов Бируни, написанных им до 1036 г. Как видно из истории библиографии многих веков и народов, обычай помещать в конце библиографического указателя перечень собственных работ был весьма распространенным. Бируни приводит 113 названий своих работ, которые разделены на 13 групп по тематическому принципу, хотя и не всегда последовательному. Первая группа (без заглавия) состоит из 18 сочинений по общим вопросам астрономии;

вторая (15 трудов) — «сочинения, касающиеся долгот стран и их широт, а также их взаимных азимутов»; третья (8 работ) включает «сочинения, касающиеся математики»; четвертая — 4 работы по астрологической астрономии; пятая — также 4 работы по астролябии и методам работы с ней. Шестая и седьмая группы (по 5 названий) относятся к определению времени и кометам. Восьмая группа содержит 12 работ по геометрии, метеорологии и астрономии; девятая включает 7 названий исключительно по астрологии. Десятая группа состоит из 13 переводных работ из жанра «сатиры и небылиц». В одиннадцатую группу вошло 6 сочинений о религии. Предпоследняя, двенадцатая группа «касается работ, которые, — как пишет Бируни, — я составил, но списки (рукописи) которых у меня пропали, то их много». В качестве примера от дает 5 названий. В последней, тринадцатой группе названы работы, которые требуют дополнений.

Приведенные выше названия разделов списка трудов Бируни не могут дать полного представления о содержании его сочинений, поскольку некоторые разделы вообще не озаглавлены, а названия других сформулированы неудачно (18, с. 57—58)[1].

Шри Ланка

В Шри Ланке (Цейлон) уже в древности применялись схемы классификации религиозной буддийской литературы. Однако описывая эти схемы, Т.Г. Пийауаси отмечает, что недостаток сведений не позволяет дать сведения о них с достаточной степенью уверенности (86, с. 26). Что касается

[1] Для вышеприведенного текста основным источником была статья А.И. Кормилицына, которая, в свою очередь, опиралась на книгу П.Г. Булгакова «Жизнь и труды Бируни» (Ташкент, 1972). Кроме того, подробный анализ «Фихриста» Бируни дан в статье Юлиуса Руска, опубликованной в 1922 г. (89).

литературы, то с древнейших времен она делилась на три основных класса: проза, поэзия и смешанный класс прозы и поэзии. Поэзия имела большое число подразделений:

- сообщения, посылаемые с гонцом;
- описательные сообщения.
- молитва;
- песня;
- стихотворение;
- повествовательное стихотворение;
- рифмованное стихотворение;
- декламация;
- стихи, которые поются в форме вопросов и ответов;
- стихи, которые поют при танцах;
- панегирики и др.

В то же время неясно, как они классифицировали, например, работы по медицине, астрологии, архитектуре, скульптуре и т. д. и была ли у них идея об основных классах и делениях. Некоторое представление об этом дает классификация знаний при обучении в то время:

- религия и философия;
- светские предметы;
- право и управление;
- язык и литература.

Схема при обучении позволяет предположить, что в древней Шри Ланке существовала какая-то широкая классификация. Каждый из рассмотренных выше учебных классов может рассматриваться как подразделение какого-либо более широкого класса (там же, с. 29).

Китай

М. Гране в книге «Китайская мысль» отмечает, что властители дум древнего Китая могли говорить обо всем, но лишь очень немногие из них испытывали желание систематизировать свое учение. Скорее, каждый из них стремился доказать действенность предписаний его школы (8, с. 12).

Тем не менее китайские авторы считают, что элементы систематизации возникли в достаточно древнюю эпоху. Так, А.А. Кайгородов в рецензии на монографию Яо Минда «История библиографии в Китае» (51) отмечает, что Яо Мин-да возводит возникновение систематизации к «Шаншу» («Книге исторических преданий» — вторая половина I тысячелетия до н. э.). В «Шаншу» приводится простейшая классификационная схема — шуньдянь и тайцзя. При помощи этих двух шифров можно установить, какие предания были написаны раньше (они обозначены шифром «шуньдянь») и какие в более поздние времена (шифр «тайцзя») (16, с. 118).

«Шаншу» была одной из шести классических книг, которые по преданию отредактировал Конфуций. Эти книги фактически являлись первой классификацией знания в древнем Китае. Они представляли шесть широких классов знаний: философия («Книга перемен»), управление («Книга исторических преданий», или «Книга документов»), литература («Книга поэзии»), социология («Книга ритуалов»), история («Книга анналов») и искусство («Книга музыки»). В некоторых из этих «шести классиков» проявились китайские представления о классификации. Например, в «Книге перемен» представлены три основные группы природных явлений: небо, земля и человек. В «Книге ритуалов» как педагогическая цепочка обучения представлены шесть искусств, шесть добродетелей и шесть манер поведения. Начиная с IV в. до н. э., многие китайские философы обсуждали проблемы классификации и предлагали свои схемы. Так, Чжуан-цзы (ок. 369—286 до н. э.) распределил «сто философов» по восьми школам, а Сюнь-цзы (ок. 313—ок. 238 до н. э.) ввел принцип «объединения по сходству и разделения по различиям» (95, с. 307—308).

Библиографическая систематизация возникла в I в. до н. э. при династии Хань в связи с упором на сбор и сохранение текстов в императорской библиотеке. Учет фонда привел к необходимости создания каталога и национальной библиографии.

Условно классификации в старом Китае делятся на две группы: семь классов («ци люе») и четыре класса («сы бу»). Однако необходимо иметь в виду, что обе системы развивались во взаимной связи и поэтому имеют много общих признаков. В общих чертах развитие китайской библиографической систематизации может быть разделено на три периода.

К первому относится период «ци люе» (семь разделов, семь классов) по названию первой китайской национальной библиографии, составленной Лю Сяном и Лю Синем. Семь разделов «Ци люе» были, в свою очередь, разбиты на подотделы. Так, отдел «Лю и» («шесть искусств»), входивший в программу обучения, состоял из шести подотделов, которые соответствовали шести классическим книгам. Отдел «Чжу цзы» («писатели-философы разных направлений») состоял из 10 подотделов, отдел «Ши фу» («поэтические произведения») — из 3 подотделов и т. д.

Бань Гу при составлении библиографической главы «И вэнь чжи» в династической истории «Хань шу» оставил всего 6 отделов, но в остальном воспользовался материалом «Ци люе», внеся в него небольшие изменения. Первый период от Лю Сяна до Бань Гу называется периодом «Ци люе».

При династии Цзинь (265—420) Сюнь Сюй составил каталог императорской библиотеки, который назывался «Чжун цзин» или «Чжун цзин синь бу» в 4 разделах. Первый раздел состоял в основном из классической и учебной литературы, второй — из сочинений писателей-философов, третий — из исторической литературы и четвертый — из поэтических произведений. Этот каталог положил начало новому периоду в развитии китайской библиографической классификации книг, который называется «Сы бу» — четыре раздела. По системе «сы бу» в IV—VIII вв. было составлено большинство каталогов, как государственных, так и частных библиотек. К таким каталогам относятся каталог императорской библиотеки династии Цзинь, составленный между 317 и 408 гг. Ли Чуном; каталоги, составленные Инь Чуном, Се

Лин-юнем, Ван Цзяном, Ван Ляном и Се Феем, Инь Цзюнем и другими.

Несмотря на преобладающее в это время применение системы «сы бу» («четыре раздела»), старая схема «ци люе» не была забыта, и некоторые важные каталоги составлялись, следуя ее принципам. Так, в 473 г. в каталоге императорской библиотеки династии Цзинь была использована система «ци люе» с добавлением двух новых разделов: даосской и буддийской литературы. Схема имела следующий вид: 1) классическая литература; 2) философы; 3) литературные произведения; 4) военная литература; 5) оккультизм; 6) медицина; 7) географические произведения и картография; 8) даосские сочинения; 9) буддийская литература.

В 520—526 гг. Юань Сяо Суй составил каталог на основе схемы «ци люе», но видоизменив ее следующим образом: 1) классическая литература; 2) исторические сочинения; 3) философы; 4) литературные произведения; 5) наука и техника; 6) буддийская литература; 7) даосские сочинения.

Третий период характеризуется длительным сосуществованием обеих систем — «ци люе» и «сы бу».

Уже во время Сунской династии, когда получило распространение книгопечатание, система «сы бу» подверглась пересмотру и критике. Возникла система из 12 разделов, которая была одобрена последующими поколениями ученых. Однако система «сы бу» не была ликвидирована окончательно и сохранила свое существование. Примером может служить каталог императорской библиотеки, изданный в XVIII в. Составители этого каталога внесли некоторые коррективы в распределение литературных произведений по четырем разделам, но сама классификация сохранилась. Этим каталогом система «сы бу» была доработана до идеала и впоследствии уже почти не подвергалась изменениям. В целом китайская библиография следовала классификации в четырех разделах в течение 1500 лет вплоть до 1911 г. В заключение необходимо отметить, что китайские классификации не были известны в Европе, хотя возникли гораздо раньше европейских (42, с. 299—302; 95, с. 307—309).

В 1241 г. основатель храма Тофкудзи монах Энни привез из Китая несколько тысяч китайских классических книг, изданных ксилографическим способом, и составил «Каталог книг по трем разделам»: буддизм, конфуцианство и даосизм (10, с. 221). По сути дела история классификации в Японии относится уже к полиграфическому периоду.

Предметное расположение

В Европе в XIV в. в университетских библиотеках авторское расположение работ Отцов церкви стало заменяться предметным. Так, в каталоге Сорбонны 1338 г. комментарии на Ветхий и Новый заветы сгруппированы по книгам Библии, к которым они имели отношение. Иногда каталогизационные решения по этому вопросу были противоположными. Так, в каталоге монастыря Райхенау произведение «О музыке» («De musica»), которое ложно приписывалось св. Августину, указано первым среди его сочинений под авторской рубрикой, а в каталоге другого монастыря та же работа помещена среди сочинений семи свободных искусств и поэтических собраний, а не среди богословских сочинений св. Августина (92, с. 434—435).

Алфавитное расположение

В Греции список трагедий Еврипида, который сохранился как часть оформления его статуи, был характерен для списков драматических произведений, входивших в состав жизнеописаний. С библиографической точки зрения их главной особенностью было расположение заглавий в алфавитном порядке. Этот принцип осуществляется достаточно строго. Так, в сохранившемся списке произведений Эсхила трагедии и драмы сатиров, составляющие тетралогии, разделены и

распределены в соответствии с первой буквой заглавия. Это касается даже таких трагедий, как, например, «Орестея», отличающаяся единством замысла.

Списки, которые входят в состав жизнеописаний, по группировке записей коренным образом отличаются от «Дидаскалий» Аристотеля и «Указателя авторов драматических произведений» Каллимаха. Вполне вероятно, что их основой были «Таблицы», т. е. библиотечно-библиографический, а не дидаскалический материал с его хронологическим расположением. Поэтому изучение списков позволило Р. Блюму сделать вывод о том, что в соответствующем разделе «Таблиц» Каллимаха применялся алфавитный принцип расположения заглавий (57, стб. 262).

В сочинении Афинея «Дипнософисты», или «Пир мудрецов», который датируется около 200 г. н. э., список авторов, писавших о рыбной ловле, разделен на две части: поэты и прозаики. В первой части принят алфавитный принцип расположения имен, во второй — также алфавитный, но в обратном порядке (Селевк, Леонид, Агафокл). Плиний в своих библиографических списках тоже часто соблюдал алфавитный порядок в указателе (книга 1) «Естественной истории» (25, с. 15).

В «Суде» статьи группируются по правилам орфоэпии. Такое расположение отличается от алфавитного тем, что во внимание принимается не написание, а произношение гласных и дифтонгов. Например, слова, начинающиеся с дифтонга αι, который произносится [е], стоят не в букве α, а перед буквой ε. Аналогично ει следует за ζ , ω за о и т. д. То же относится к удвоенным согласным, которые рассматриваются как одна буква. Этот принцип в «Суде» соблюдается строго, в то время как в других античных и византийских словарях принимались во внимание только две или три первые буквы. Нарушения в расположении статей обычно связаны с тем, что две статьи механически перенесены из одного источника, в котором они стоят рядом.

Правила орфоэпии широко использовались для расположения статей в византийских словарях. При этом строго ал-

фавитное расположение считалось признаком более позднего происхождения произведения или его переработки.

Сборники эпиграмм стали составлять рано. Первый такой сборник составил Мелеагр из Гадары около 60 г. до н. э., затем Филипп Фессалоникский ок. 40 г. до н. э. Во II в. н. э. появились антологии Стратона и Диогениана и в VI в. Агафия Схоластика. Наконец, в первой половине X в. Константин Кефала соединил в своем сборнике материал из предшествующих антологий. Это собрание получило название «Палатинская антология» по месту ее обнаружения в 1606 г. в гейдельбергской Палатинской библиотеке.

Группировка эпиграмм в антологиях претерпела изменения в византийский период. Мелеагр, возможно, принял за основу группировки первые буквы первых стихов. Таким образом, при составлении антологий в отличие от библиографических материалов первоначальной была алфавитная группировка. Это объясняется тем, что тексты стихотворений, конечно, не подвергались таким изменениям, как заглавия произведений. В библиографии, как и в лексикографии, алфавитная группировка свидетельствует о более позднем происхождении памятника.

Для истории библиографии представляет интерес изучение принципов алфавитного расположения материала в трех правовых сборниках: Большом Синопсисе Василик, Малом Синопсисе и Алфавитной Синтагме Матфея Властаря. Большой Синопсис Василик состоит из 348 титулов, которые распределяются по буквам алфавита. Единственное исключение — титул «О православной вере», помещенный вне алфавита в начале сборника в связи с придававшемся ему особым значением.

Внутри одной буквы титулы располагаются в алфавите основных вокабул. Предлоги и артикли, которые могут находиться перед основной вокабулой, во внимание не принимаются. Иногда перед ней могут стоять другие существительные, прилагательные или причастия, которые также игнорируются. В целом алфавитное расположение основных вокабул достаточно строгое (буква за буквой), но встреча-

ются и отклонения, особенно если речь идет о различных формах или производных одного слова. В этом случае алфавитное расположение является недостаточно выдержанным. В Малом Синопсисе материал внутри буквы располагается не по титулам, а по первым буквам произвольно избранного ключевого слова в алфавитном порядке.

Алфавитная Синтагма Матфея Властаря является полным собранием предметов, содержащихся в церковных правилах и гражданских законах, касающихся церкви, т. е. алфавитным номоканоническим сборником. Сборник состоит из 24 разделов по числу букв греческого алфавита от «α» до «ω». Разделы делятся на главы, которые располагаются в алфавитном порядке их инскрипций без учета предшествующего предлога «περι» и артикля. Очевидно, что Матфей Властарь использовал методику алфавитного расположения, принятую в Большом Синопсисе Василик.

В X в. алфавитная система Большого Синопсиса Василик отражала практику широкого применения принципа алфавитного расположения вокабул, которая также нашла отражение в лексикографических и биобиблиографических словарях. Во второй половине упомянутого века эта тенденция проявилась при составлении словаря «Суда». К XIV в. преимущества алфавитного расположения в номоканоническом сборнике стали общепризнанными. В результате «Суда» стала незаменимым пособием в XIV—XV вв. в Византии, а позднее — в других странах, в том числе в России.

В Европе алфавитное расположение записей первоначально не было принято, в том числе в сводных каталогах. Это было обусловлено влиянием на библиографию порядка расположения книг в библиотеках, где постепенно и медленно стали располагать книги по авторам, но без особого порядка имен (43, с. 32; 84, с. 32). Однако в конечном счете именно в сводных каталогах стало применяться достаточно строгое алфавитное расположение имен авторов. Впервые это произошло в Англии, несколько позднее, чем «Регистр книг Англии», составленный в 1250—1296 гг. Каталог «Таблицы семи хранителей Библии», название которого не вполне точно

отражает его содержание, включал список восьми (а не семи) хранителей (библиотек) и затем список около 80 авторов, расположенных в алфавитном порядке.

Следующим каталогом в Англии, в котором было использовано алфавитное расположение записей, был церковный каталог в Кентербэри (Крайстчерч), составленный предположительно между 1313 и 1331 гг. В разделе «Богословие» была сделана не очень удачная попытка расположить записи имен авторов в алфавитном порядке. Как отмечает историк каталогизации Ф.М. Норрис, это не вполне очевидно, если не рассматривать список достаточно внимательно. После имен, которые начинаются с букв «А» и «В», имеется одна запись на букву «С» и группа Библий. Затем следуют буквы от «D» до «I», затем пропуск от «K» до «N» и потом имена, начинаемые с букв «О», «Р», «R», «S» и «V» (84, с. 34, 36—40).

Алфавитное расположение записей было также применено в Англии в «Каталоге церковных писателей» Джона Болтона из Бери, составленном в начале XV в. Это сводный каталог 195 английских монастырских библиотек. В его основе лежит «Регистр книг Англии», но Бостон увеличил объем каталога по сравнению с «Регистром» и довел его с 94 до 673 авторов. При этом сохранил алфавитное расположение, естественное в сводном каталоге (38, с. 64).

Несколько позднее на континенте был составлен около 1487 г. сводный «Каталог рукописей различных библиотек Бельгии». Он включал перечень писателей и их произведений в алфавитном порядке и охватывал библиотеки Бельгии, Нидерландов, Северо-Восточной Франции и Северо-Западной Германии (79, с. 73). На составителей каталога оказал влияние указатель Иоанна Триттенгемского, который применил алфавитное расположение авторов впервые в европейской библиографии в отличие от библиотечных каталогов (39, с. 115; 58, стб. 190).

В Италии между 1332 и 1338 гг. в указателе «О знаменитых мужах», построенном по образцу книг о церковных писателях, но включавших также языческих авторов, Джованни

Колонна расположил главы по авторам в алфавите авторов. Как отметил Р. Блюм, это был первый европейский каталог писателей, составленный в средние века (58, с. 168—171). Несколько позднее, около 1350 г. алфавитный порядок имен авторов был применен Джульельмо да Пастренго (58, стб. 172—174).

На Руси, как предполагает Н.А. Никифоровская, составитель «Оглавления книг, кто их сложил» намеревался расположить материал в алфавитном порядке по именам авторов, но потом отказался от такого расположения и стал включать книги, не придерживаясь алфавита. Чтобы облегчить читателю нахождение нужных книг, он поместил в начале «Оглавления» указатель имен и предметов (с номерами, отсылающими к соответствующим номерам в тексте «Оглавления», т. е. ввел вспомогательный указатель вместо алфавита имен) (22, с. 26).

Ибн ал-Кифти (1172—1248) в своем биобиблиографическом указателе применяет алфавитное расположение статей о включенных авторах, но внутри отдельных букв не всегда выдерживает алфавитный порядок. Иногда создается впечатление, что ал-Кифти помещает статьи, не обращая внимания на какой-либо порядок по мере попадания сведений об авторе в его поле зрения. И лишь в дальнейшем он установил в своем собрании алфавитный порядок (71, с. 16).

В «Фихристе» ат-Туси заглавия произведений расположены в алфавитном порядке имен их авторов. Позднее внутри каждой буквы алфавита авторы с одинаковыми именами отделялись от авторов с различными вариантами имен (72, с. 210).

Позднее Мухаммад Рашид ад-Дин ибн Али ибн Шахрашуб Мазандарани (ум. 1192 г.) составил указатель, дополнив работу ат-Туси. Всего в него вошли сведения о 990 авторах. Первые 874 расположены в алфавитном порядке (там же, с. 211).

Завершает развитие алфавитного расположения в арабомусульманском мире указатель Хаджжи Халифы «Устранение сомнений в наименовании книг и наук» (XVII в.),

в котором 14 500 заглавий в основном тексте, расположены в алфавитном порядке (75, с. 761).

Хронологическое расположение

В Греции хронологическое расположение материала было впервые применено в «Дидаскалиях» Аристотеля. Материал о победах в драматических состязаниях располагался хронологически по годам в соответствии с государственными протоколами. Таким образом, именно хронологический порядок следует считать древнейшим в античной и европейской библиографии.

«Указатель авторов драматических произведений» Каллимаха сохранил дидаскалическую, т. е. хронологическую традицию в расположении записей. Даже название этого библиографического труда Каллимаха связывает его с «Дидаскалиями» Аристотеля. Возможно, однако, что название было дано указателю не самим автором. В Риме было обнаружено несколько надписей, которые были выбиты на стенах библиотеки в I или II в. н. э. и, по мнению специалистов, восходят к этому указателю Каллимаха. Они включают сведения об аттических комедиях, которые ставились на Дионисиях и Ленеях в 440—349 гг. до н. э. Статьи об авторах расположены в хронологическом порядке в зависимости от даты постановки первого произведения. В статье об отдельном авторе сначала называются все произведения, получившие первый приз на Дионисиях и затем на Ленеях; далее — второй приз и т. д. Произведения, получившие одинаковые призы на тех же соревнованиях, располагались в хронологическом порядке по датам их представлений, указанным в протоколах архонтов.

Позднее, уже в римский период, хронологический принцип группировки произведений, основанный на биографических данных, был принят в списке трудов Плотина, который вошел в его жизнеописание, составленное Порфирием. Книги Плотина разделены на три группы, написанные: до приезда Порфирия в Рим, где он стал учеником Плотина, — 21 книга;

во время обучения Порфирия у Плотина и до его отъезда на Сицилию — 24; после отъезда Порфирия и присланных ему Плотином — 10 книг. В конце списка Порфирий объективно обосновывает принятое хронологическое деление книг на группы по периодам: первый, ранний, когда книги Плотина еще не достигли полной силы и величия; второй, когда его творчество достигло расцвета, и последний, когда его книги написаны с убывающей силой.

Во «Флорентийском индексе» Дигест библиографические записи расположены в хронологическом порядке имен авторов. Хронологическая их группировка имела некоторые особенности. Индекс включает имена юристов от Квинта Муция Сцеволы, который был консулом в 95 г. до н. э. до Аврелия Аркадия Харизия, жившего в IV в. н.э. Имена всех авторов, кроме четырех, расположены в виде восьми хронологических групп, каждая из которых включает юристов, работавших примерно в одно время.

Расположение имен внутри группы может не соответствовать датам жизни авторов, так как в VI в., когда создавались Дигесты, они уже не были точно известны, и это не имело существенного значения для составителей Индекса. Имена двух знаменитых римских юристов Сальвия Юлиана и Эмилия Папиниана вынесены на две первые позиции, хотя они жили позднее. Еще два имени (Таррантен Патерн и Аркадий Харизий) нарушают общий хронологический порядок. Возможно, это объясняется небрежностью составителей. Ни один юрист, работавший в 200-летний период, предшествующий составлению Дигест, не включен в список. Авторский состав Индекса свидетельствует, скорее, об исторической и научной, чем практической направленности Дигест, объединивших положения права, древних даже для VI в.

В каноническом праве составитель Собрания церковных правил в 50 титулах в оформлении и в структурном отношении ориентировался на Дигесты. Список источников (аналог «Флорентийского индекса») называется «Порядок соборов» (в некоторых рукописях «Порядок канонов») и представляет собой перечень источников, из которых состоит собрание:

правила Апостольские, правила 4 Вселенских и 6 Поместных соборов и правила Василия Великого. Записи расположены в хронологическом порядке, но первый Вселенский собор, как наиболее важный, поставлен перед двумя Поместными, хотя они состоялись раньше. Это полностью соответствует традиции, установленной Флорентийским индексом, где имена наиболее знаменитых юристов вынесены в начало списка, хотя это и нарушает общий хронологический порядок.

В XIV в. Матфей Властарь в Алфавитной синтагме в обзоре источников церковного права расположил все правила в достаточно строгом хронологическом порядке. В отличие от предыдущих списков в обзоре Властаря ни одному собору, в том числе Первому Вселенскому, не оказано предпочтения.

Иероним в своем каталоге приводит биобиблиографические статьи о 132 христианских и 3 других писателях в хронологическом порядке (58, стб. 100). Геннадий воспринял тот же хронологический порядок, как у Иеронима (там же, стб. 120). Позднее в средние века Сигеберт из Жамблу в своем указателе расположил церковных писателей лишь в грубо хронологическом порядке. Хотя Сигеберт стремился подражать Иерониму и Геннадию в соблюдении хронологии, его попытки определить расцвет творческой деятельности включенных авторов не были обеспечены достаточными информационными возможностями. Р. Блюм отмечает, что даже такая грубая хронология была нелегкой задачей для средневековых библиографов из-за отсутствия необходимых источников в их библиотеках (там же, стб. 144). В целом стремление к хронологической группировке в отличие от алфавитной было характерно для европейских средних веков. Единственное заметное исключение — это каталог Джона Бостона, но это был сводный каталог, а не библиографический указатель (38, ст. 65).

Не является исключением и «Перечень многих авторов» Гуго из Тримберга. Гуго старается расположить в каждом отделе поэтов в хронологическом порядке, хотя часто совершает грубые ошибки и предлагает неправильные атрибуции (там же, с. 64). Столь же грубо хронологической является

группировка у Вальтера Берли и Джованни Колонна. В XV в. Арнольд Гейльховен, бельгийский августинец (ум. 1442), составил работу «О знаменитых мужах всех времен», где по традиции поздних средних веков вошли сведения о христианских и языческих авторах в хронологической последовательности, т. е. хронологический принцип группировки в основном сохранялся до конца средних веков (58, стб. 178).

Географическое (территориальное) расположение

Географический принцип расположения авторов был принят в Риме Колумеллой. В этом заключается его отличие от работы Варрона по вопросам сельского хозяйства. Варрон применял алфавитное расположение в разделах. Колумелла (72, I 1, 7—9) принял следующий территориальный принцип: Греция (Гесиод и философы), сицилийцы, афиняне и жители островов (Родос и др.) (66, с. 96).

В Англии в XIII в. в «Регистре (списке) книг Англии» перед библиографическим текстом дан перечень 183 библиотек, распределенных по географическому признаку на 8 групп, которые называются «кустодии» (хранилища), например кустодия Лондона, кустодия Бристоля, кустодия Солсбери и т. д. Внутри кустодий библиотекам присвоены определенные числовые обозначения, т. е., с одной стороны, проведено своего рода районирование страны, а внутри районов библиотеки получили числовые сиглы (24, с. 28—30).

Ибн Аби Ушайбиа в своем биобиблиографическом словаре расположил биографии в порядке стран и внутри стран по поколениям, т. е. у этого библиографа было сочетание географической и хронологической группировки (69, с. 694).

Топографическое расположение

Этот вид группировки был характерен для каталогов монастырских библиотек Европы и Руси. Монастырские

описи регистрировали предметы в соответствии с местом их реального расположения на момент описания. Поэтому они представляют интерес для изучения процесса формирования различных систем расстановки в монастырских библиотеках (19, с. 63).

В Англии в XIV в. в каталоге монастырской библиотеки в Дувре книги в первой части были сгруппированы в порядке шифров хранения. При этом шифр отражал фиксированное место хранения даже для отдельных томов (94, с. 261).

Расположение по читательскому назначению

Наконец у Кассиодора, указатель которого имел рекомендательный характер, материал в главах 1-й библиографической части «Институций» выдержан в определенной последовательности: от наиболее важных и необходимых для читателя трудов к работам меньшего значения (38, с. 46).

ГЛАВА 10

Вспомогательные указатели. Использование. Читательское назначение. Теоретические и методические материалы

Вспомогательные указатели

В древний период вспомогательные указатели еще не получили достаточно широкого развития. Первым из них в греческой библиографии можно считать «Победы на Дионисиях». Эта вторая после «Дидаскалий» работа Аристотеля, посвященная учету результатов драматических соревнований, состояла из 8 частей:

1. Победы на Дионисиях (авторы трагедий, актеры трагедий, авторы комедий, актеры комедий);

2. Победители на Ленеях (авторы комедий, авторы трагедий, актеры трагедий, актеры комедий).

Имена авторов и актеров располагались в каждой из групп в хронологическом порядке в зависимости от даты первой победы. Указывалось общее количество побед. Имена авторов, принимавших участие в обоих состязаниях, могли приводиться дважды. Список включает только те сведения, которые имелись в «Дидаскалиях». Он никогда не цитировался отдельно и, вероятно, был частью «Дидаскалий» (57, стб. 64—66). Если это так, то «Победы на Дионисиях» могут рассматриваться как первый вспомогательный указатель к библиографическому списку. В соответствии с современными терминологическими представлениями комбинация «Дидаскалий» и «Побед на Дионисиях», даже при отсутствии введения к «Дидаскалиям», приближается к тому, что и в настоящее время можно было бы считать библиографическим указателем, поскольку он отличается от списка прежде всего наличием вспомогательных указателей.

В «Естественной истории» Плиния оглавление и список источников в книге 1 могут рассматриваться как вспомогательные указатели к основному тексту: предметным в виде тематических рубрик с их нумерацией и именным. Официальные государственные акты рассматриваются как имена (87, 88).

И в византийском праве создавались вспомогательные указатели, задача которых, как и в настоящее время, заключалась в том, чтобы облегчить использование основного текста. В гражданском праве с этой целью был составлен Типукит (ок. 1090 г.)[1]. Само название справочника обозначает «что где находится». Это был указатель содержания Василик — законодательного свода, созданного после 886 г. В указателе давались отсылки к параллельным местам и приводились

[1] *Scheltema H.-J.* Florilegium iurisprudentiae Graeco-Romanae. — Leiden, 1950. — P. 57.

позднейшие законы по тому же вопросу, например «О длительном же обычае и законе и привилегиях ищи 6 тит. той же кн. 2 гл. 1 до 19. Ее начало следующее: Дигесты имеют силу конституций. Читай и весь титул, который тебе по этому вопросу может быть полезен».

В церковном праве перечень правил в систематических разделах Номоканона в 14 титулах фактически представляет собой отсылки к текстам правил, которые в систематических разделах не приводятся. В этой части номоканон превращается в систематический вспомогательный указатель. В предисловии составитель объясняет, почему он так поступил: «А почему я представил изложение в таком виде, а именно посредством знаков, а не привел под каждой главой буквального соответствующего чтения, так потому, что мне не хотелось сообразно с требованием разных вопросов, ни часто повторять одно и то же правило и наводить скуку на читателей, ни разбивать по необходимости и дробить на много частей одно и то же правило, трактующее о многих предметах»[1].

Наконец, в XIII в. «Синопсис» монаха Арсения служит своего рода предметным указателем к Собранию церковных правил и Собранию 87 глав Иоанна Схоластика[2]. Текст разбит на 141 рубрику, в которых формулируется предмет. После рубрики указаны правила, где можно найти необходимую информацию. Отсылки имеют структуру, типичную для ссылок на церковные правила, например «Антиохийского собора правило 2»[3].

В Европе вспомогательные указатели появились как дополнения к топографическим каталогам монастырских библиотек, доступ к содержанию которых было необходимо

---

[1] *Нарбеков В.* Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. — Ч. 2.: Русский перевод с предисловием и примечаниями. — Казань, 1899. — С. 11.

[2] *Zachariae von Lingenthal K.E.* Synopsis canonum // Zachariae K.E. Kleine Schriften zur römischen und byzantinischen Rechtgeschichte. — Leipzig, 1873. — Bd. 2. — S. 261—262.

[3] Bibliotheca iuris canonici veteris in duos tomos distributa / Opera et studio G. Voelli et H. Justelli. — Paris, 1661. — T. 2. — P. 749—784.

облегчить в связи с увеличением объема фондов. В Майнце монастырская библиотека имела два каталога: топографический и алфавитно-предметный (с грубым алфавитным расположением предметных рубрик в буквах от B до J). Главным для библиотеки был топографический каталог, а второй раскрывал его содержание (91, с. 16—17).

Каталог приории св. Мартина в Дувре (Англия) был представлен в табличной форме в трех частях. Третья часть была фактически предметным вспомогательным указателем, который раскрывал содержание фонда. Ниже приводится пример из третьей части каталога с последующим разъяснением (84, с. 54—57).

	Distinction	Gradus	Quoto libro	Quoto folio	Quo latere folii
Questiones super quartum sententiarum	A	2	1	364	a
Summa Reymundi Ricardi Hugham	G	4	4		

Библиотека была разделена на девять предметных разделов или Distinctions (Dis) от A до I:

A. Библия и комментарии.

B. Мнения, История, Схоластика.

C. Проповеди и теологические труды.

D. То же.

E.То же.

F. Гражданское и каноническое право.

G. То же.

H. Логика, философия, риторика, медицина, хроники, рыцарские поэмы и романы.

I. Поэзия, грамматика, словари.

Фактически каждая буква обозначала книжный шкаф. Каждый шкаф был разделен на семь полок (gradus). Нумерация полок начиналась снизу: A.1 обозначала нижнюю полку

шкафа, в котором находились Библии, а A.7 — верхнюю полку того же шкафа.

Поэтому приведенную выше таблицу нужно использовать следующим образом. Например, читатель хочет знать, где находятся Questiones super quartum sententiarum. Он обращается к третьей части каталога и получает следующую информацию:

1-я колонка — distinction (класс или буквенное обозначение шкафа);

2-я колонка — gradus (номер полки);

3-я колонка — quoto libro (точное расположение книги на полке);

4-я колонка — quoto folio (номер листа в томе, на котором начинается данное произведение);

5-я колонка — quo latere folii (на какой стороне листа начинается произведение).

Таким образом, искомое произведение находится в первом (A) шкафе, на второй полке снизу, на первом месте на полке, на лицевой стороне листа 364. Соответственно второе произведение в таблице занимает весь том, который находится в шкафе G (седьмой) на полке 4 четвертым на полке.

В XIII в. Винсент де Бове в своем произведении «Историческое зеркало» (Speculum historiale) поместил алфавитный указатель имен, мест и предметов. Р. Блюм отмечает, что Винсент де Бове не был первооткрывателем алфавитного указателя в Европе. Алфавитные указатели и конкордансы возникли в Европе между 1230 и 1280 гг. для того, чтобы облегчить доступ к сочинениям авторитетных древних и новых авторов (Аристотель, Фома Аквинский). В начале XIV в. к произведению Винсента де Бове был составлен новый более совершенный алфавитный указатель. С его помощью можно было точно определить, содержало ли «Историческое зеркало» биобиблиографическую информацию о том или ином авторе и где она находится в тексте (58, стб. 162—163).

Позднее в XV в. в Бельгии Арнольд Грейльхофер (ум. 1442 г.) приложил к своей работе «О знаменитых мужах

всех времен» хронологический и алфавитный указатели (там же, стб. 179). Сикко Полентон (ок. 1375—1447) приложил к своему труду «Знаменитые писатели латинского языка, 18 книг» вспомогательный указатель с грубым алфавитным расположением имен включенных писателей (там же, стб. 179—180). Наконец, Иоанн Триттенгемский установил сам принцип необходимости алфавитного вспомогательного указателя в систематической библиографии. К «Книге о церковных писателях» он приложил вспомогательный указатель личных имен в алфавитном порядке(«Annotatio»). Далее необходимо прямо процитировать К.Р. Симона, который дал исчерпывающую оценку этому факту:

«Это, безусловно, важное нововведение, имевшее большое будущее. Но это нововведение естественно было внушено составителю самим объемом его биобиблиографического труда: без такого вспомогательного указателя использование "Книги о церковных писателях" было бы затруднено до крайности. И тут можно заметить еще одну особенность словаря Иоанна: в отличие от работ его предшественников, преследовавших в основном не справочные, а пропагандистские и историко-литературные цели, "Книга" Иоанна имеет, несомненно, и справочное назначение, ориентируется не только на сплошное чтение, но и на наведение отдельной, изолированной справки. Это служебное назначение его работы еще не осознано Иоанном, ему не соответствует расположение материала в основном указателе. Более того, расположение материала в "Annotatio" тоже весьма несовершенное для справочных целей: в пределах одного личного имени выдержана хронология, в результате чего читатель, не знающий, например, времени жизни какого-либо из многочисленных Иоаннов, обречен просмотреть около трех столбцов in-folio, занятых этим именем. Но все же характерен сам факт появления вспомогательного указателя» (38, с. 72).

На Руси в XVII в. «Оглавление книг, кто их сложил» включает в начале текста указатель имен и предметов с номерами, отсылающими к соответствующим номерам в тексте «Оглавления» (22, с. 26), например (26а, с. 19—20):

Б.

Берында, Помво 66, 96
Беседовник, Григорий, 50
Библия Острожская, 26, Скорины 25
Богородицы Марии чудеса, 106. См. Жития святых.

Д.

Давид, мон., филос., 55
Долмат, Конст. Богданов 96
Дамаскин, мон., ипод., 56.

В «Фихристе» Ибн ан-Надима (78) вспомогательную справочную функцию по раскрытию содержания глав и разделов выполняют инскрипции в их начале. В инскрипциях разделов сведения об их содержании детализируют информацию, приведенную в инскрипциях глав, например: «Вторая глава книги "Фихриста" в трех разделах со сведениями об исследователях грамматики и языка с названиями их книг. Первый раздел с введением о грамматике, сведениями об исследователях грамматики и языка из Басры, а также об арабах-мастерах литературного стиля, с названиями их книг» (39, 17—21). Инскрипции глав и разделов с некоторыми сокращениями и дополнениями объединены в оглавление, которое помещено перед текстом «Фихриста» (2,13—4,5). Оглавление, а затем инскрипции глав и разделов последовательно раскрывают содержание указателя и помогают в его использовании.

Использование

Начиная с древности библиографические материалы применялись в различных информационных целях. Так, «Дидаскалии» Аристотеля для последующих библиографических и историко-литературных работ стали надежным источником фактографической информации о жизни и произведениях греческих авторов. С их помощью решали вопросы атрибуции произведений различных авторов, составлялись списки их произведений, определялось время расцвета, точные даты

постановки пьес и др. Например, при помощи «Дидаскалий» точно известно, что «Персы» Эсхила были впервые поставлены в 472 г. до н. э. при участии Перикла в качестве хорега (57, стб. 65, 87—88).

В Риме в связи с возникновением частных библиотек возникли пособия по их комплектованию. Известны два таких пособия, написанных в эпоху раннего принципата во II в. н. э.: «Три книги о знании книг, в которых указывается, какие книги достойны приобретения» Телефоса из Пергама и «О приобретении и отборе книг» Геренния Филона из Библоса (38, с. 33—34). В «Пире мудрецов» Афинея упоминается также Артемон из Кассандреи, написавший работы «О собрании книг» и «Об использовании книг» (33, с. 28).

«Институции» Кассиодора пользовались большим влиянием в Европе в средние века, в том числе и как пособия по комплектованию библиотек. Об этом свидетельствует и каталог библиотеки монастыря Мурбах из Эльзаса, составленный в IX в., один из самых ранних европейских библиотечных каталогов (82).

В XV в. Томмазо Парентучелли, который впоследствии стал папой Николаем V (1447—1455) и основателем Ватиканской библиотеки, составил для Козимо Медичи «Перечень» (Inventarium) книг, который Козимо использовал при комплектовании не только библиотеки при монастыре св. Марка во Флоренции, но и библиотеки аббатства в Фьезоле. С теми же целями его использовали герцог Урбино Федерико де Монтефельтро и герцог Миланский Алессандро Сфорца. Таким образом, труд Парентучелли был своего рода примерным каталогом. К.П. Симон приводит следующий пример записи из него: «Что касается изучения светских наук, то есть грамматики, риторики, истории и поэзии, а также нравственности, то я полагаю, что вам хорошо известно, то, что ценно. Что касается меня, то, *если бы я основывал библиотеку* (курсив мой. — *К.С.*), поскольку всего иметь невозможно. Я бы хотел, чтобы, прежде всего, в ней имелись... (далее перечень)» (38, с. 66—67). Эта традиция продолжилась после изобретения книгопечатания. Так, для целей комплектования

использовалась «Всеобщая библиотека» Кондрада Геснера (там же, с. 124—125).

В Китае национальная библиография, начиная с «Семи разделов» Лю Сяня и Лю Синя, широко использовалась историками, библиографами и библиофилами различных династий для комплектования и учета, а также в качестве путеводителя в чтении. В результате возникли многочисленные библиографические указатели. Их составляли как императорские чиновники, так и независимые авторы (83, с. 5). Национальная библиография применялась для установления факта создания того или иного произведения, которое в дальнейшем могло быть утрачено. Можно привести следующий пример. В «Исторических записках» Сыма Цяня упомянута книга «Законы военного искусства вэйского гунцзы», ее отредактировал княжич Вэй. Княжичу посвящена биографическая статья в «Исторических записках». В комментарии к этому сообщению сказано, что в Хань шу («Истории династии Хань») такое сочинение не упоминается, но в «Семи разделах» Лю Сяня и Лю Синя оно приведено с названием «Вэй-гунцзы бинфа», оно в точности соответствует названию в «Исторических записках». Книга состояла из 21 главы с 7 картами. До нашего времени она не дошла (41, с. 204, 363, примеч. 18).

Традиция китайской библиографии с древности и до настоящего времени заключалась не столько в формальном описании документа, сколько в раскрытии его содержания, что способствовало многопрофильному использованию библиографической информации, в том числе поиску (99, с. 5—6). Особенно активно каталоги использовались для докомплектования императорских библиотек. Так, в середине XI в. каталог книг, которые находились в проверенных хранилищах, в сокращенной версии (без аннотаций) рассылался в различные области Китая с пометками «цюэ» («отсутствует», «утеряна»). Сведения считаются достоверными, поскольку известно, что в эти годы правительство действительно производило розыски книг, по тем или иным причинам отсутствовавших в казенных книгохранилищах (42, с. 304—307).

Приведение читательского назначения в библиографической записи относится еще к глубокой древности (Египет, Месопотамия, Израиль). Эти сведения приводились в библиографических введениях поучений. В них говорилось о том, что поучения предназначены старшим, более мудрым поколением, для младшего в целях его назидания и воспитания (7, с. 167, 175; 32, с. 53—54; 34, с. 83—84).

Часть каталогов в Месопотамии составлялась в школах, они переписывались учениками и затем оседали в частных собраниях. Можно предположить, что некоторые из них представляли собой нечто вроде программ обучения (педагогический канон), а после окончания курса были своего рода дипломами (по ним можно было судить о том, какие литературные произведения были освоены учеником и, следовательно, какую работу он может выполнять). Таким образом, эти списки предназначались для будущих нанимателей и клиентов (32, с. 93).

Автобиблиографические труды Галена в греческой литературе составлялись для того, чтобы читатели могли отличить подлинные труды автора от тех, которые ложно приписывались ему и распространялись под его именем. Об этом Гален прямо сообщает во введении сочинения «О собственных книгах» (33, с. 27).

В Византии Фотий в предисловии к «Библиотеке» дает информацию о ее читательском назначении. Это сделано в форме письма, обращенного к Тарасию, младшему брату автора. Младший брат олицетворяет молодежь, которой Фотий стремился показать значение обильного чтения для умственного развития.

Читательское назначение «Институций» Кассиодора также очевидно. Автор предназначает их для читателей из среды монашества, особенно на молодых послушников и монахов, только начинающих свою жизнь в монастыре и еще способных к учению (на tirones, как он говорит, — начинающих, неопытных подростков) (38, с. 46).

Гуго из Тримберга, будучи во главе школы и желая облегчить ученикам освоение материала, написал свой «Перечень

многих авторов» латинскими рифмованными стихами, т. е. в этом случае читательское назначение было очевидным (там же, с. 62—63).

«Книга о церковных писателях» Иоанна Триттенгемского тоже имеет определенное читательское назначение. Ее построение и вспомогательный аппарат свидетельствуют о том, что в отличие от предшественников Иоанн преследовал не только пропагандистские и историко-литературные, но и справочные цели. Его книга направлена на то, чтобы облегчить читателю получение отдельной справки (там же, с. 72).

Наконец, Ришар де Фурниваль предназначает свою «Библиономию» для жителей своего города с целью приобщить их к философии и наукам (там же, с. 60).

Теоретические и методические материалы

До книгопечатания теоретико-методическая работа по библиографии возникла только в Китае, что является дополнительным свидетельством богатства библиографического наследия этой цивилизации. В период династии Сун, когда уже широко использовалась ксилография, т. е. книжное дело уже в определенной степени стало входить в полиграфическое русло, известный историк и библиограф Чжэн Цзяо (1104—1162) написал теоретическую работу по библиографии. В его труде «Общая история» имеется раздел, где он систематически изложил теорию и практику комплектования, классификации и каталогизации книг. Автор настаивал на том, что необходимо уделить большое внимание научному и практическому применению классификации. Автор обобщил также различные методы поиска книг. В своей работе Чжэн Цзяо стремился к всестороннему обобщению древнекитайского библиографирования (46, с. 141; 95, с. 314).

СВЕДЕНИЯ О БИБЛИОГРАФАХ

ГЛАВА 11

Библиографы

Краткий биобиблиографический список, который приводится ниже, представляет собой личностную характеристику библиографии рукописного периода. Необходимость вовлечения личностей тех, кто осуществлял библиографическую деятельность, казалось бы является очевидной. В первой четверти XX в. Георг Шнейдер в «Руководстве по библиографии» отмечает желательность того, чтобы историк библиографии «вовлек в круг своего изложения личности библиографов», что могло бы придать «некоторую красочность серости этого изложения»[1].

В эволюционном исследовании необходимо с гораздо большей заинтересованностью следить за вовлечением различных людей в библиографическую деятельность. Это уже не способ сделать историческое повествование более занимательным, а научный метод для характеристики эволюции, поскольку даже статус и вовлеченность библиографов в свою работу позволяют демонстрировать особенности и ход эволюционного процесса.

Предлагаемый ниже список, безусловно, не претендует на полноту охвата всех возможных библиографов рукописного периода, но, как было отмечено в самом начале исследования, изучение эволюции не является историей в том смысле, что она охватывает только основные исторические факты, необходимые для выявления процесса развития. Кроме того, нужно иметь в виду, что в XX в. практически во всех странах с достаточной степенью развития цивилизации и

[1] *Schneider G.* Handbuch der Bibliographie. — Leipzig: Hiersemann, 1923 (auch 1924 u. 1926). — S. 183. — (Цит. по: 45, с. 11).

культуры возникли труды по истории своей библиографии. Эти работы, естественно, были написаны на языках этих стран, и их освоение практически невозможно для одного исследователя. Поэтому для получения полного биобиблиографического словаря библиографов всего мира необходимы международные усилия, в том числе, возможно, на уровне таких организаций, как ЮНЕСКО. С другой стороны, современное развитие Интернета, его возможностей перевода, сбора и кумуляции данных дает надежду, что эта задача когда-нибудь будет решена. В настоящей работе в список включены те библиографы, чьи труды были рассмотрены ранее для характеристики процесса эволюции информационной деятельности.

Материал в списке расположен по цивилизациям и странам, а имена библиографов в них — по возможности, хотя и не всегда, в хронологическом порядке, что необходимо для характеристики эволюционного процесса.

Древняя Месопотамия

В Месопотамии указание составителя библиографического списка является свидетельством того, что библиография превращается в самостоятельный вид деятельности. Такими, например, стали три новоассирийских списка новых поступлений в библиотеку Ашшурбанапала[1]. Известен также автор, составитель или переписчик поздневавилонского списка поэтов и ученых (Сел 3) — 10 аяра 147 г. эры Селевкидов при царе Антиохе IV Эпифане (165 г. до н. э.). Его «собственноручно» написал урукский жрец (kalû) *Ану-белшуну*, сын Нидинту-Ану, потомок Син-лики-уннинни[2].

---

[1] *Parpora S.* Assyrian library records // Journal of Near Eastern studies. — 1983. — Vol. 43, № 1. — P. 1—2 (note 2).

[2] *Клочков И.С.* Поздневавилонский список поэтов и ученых // Вестн. древн. истории. — 1983. — № 2. — С. 101—102.

Аристотель. Автор «Дидаскалий», перечня произведений, представленных на драматических состязаниях в Афинах: городских Дионисиях и Ленеях. Были обнаружены также отрывки еще одной работы Аристотеля на ту же тему — «Победы на Дионисиях». Обе работы всегда рассматривались как одна. Это позволяет считать «Победы на Дионисиях» своего рода вспомогательным указателем к «Дидаскалиям». Безусловно, Аристотеля нельзя считать «отцом библиографии», но ведь именно им была подана идея о практической целесообразности составления списка произведений с набором сведений о них, и этот список затем многократно и длительное время использовался как авторитетный источник информации о драматических произведениях и их авторах. Кроме того, именно перипатетики, т. е. последователи Аристотеля, основали Александрийскую библиотеку, руководили ею и осуществляли в ней научную работу. Поэтому линия преемственности библиографической идеи все-таки протягивается к подлинному «отцу библиографии» (по крайней мере, греческой, а вслед за ней латинской и европейской) — Каллимаху.

Каллимах. В соответствии со статьей в словаре «Суда» Каллимах был автором следующих библиографических работ: «Таблицы (указатели) тех, кто блистал в области культуры, и того, что они написали, в 120 книгах» (ок. 250 г. до н. э.), «Указатель и список авторов драматических произведений, которые стали известны в определенные времена и с начала драматических представлений» и «Глоссарий и указатель произведений Демокрита». Наиболее известными из них являются «Таблицы», благодаря которым Каллимах признается основателем биобиблиографии и даже библиографии в целом (57, стб. 325)[1].

[1] К.Р. Симон считает «Таблицы» лишь известным приближением к библиографии (38, с. 31).

Аристофан Византийский. Автор работы «Относительно "Таблиц" Каллимаха». В настоящее время эту работу считают своего рода приложением, дополнением и исправлением «Таблиц» Каллимаха с учетом того, что за время, прошедшее между Каллимахом и Аристофаном, в фонд Александрийской библиотеки поступили новые материалы и был проведен ряд историко-литературных исследований.

Гермипп из Смирны. Предположительно составитель списка трудов Аристотеля, который затем нашел отражение в жизнеописании Аристотеля в книге Диогена Лаэртского. Имеется также точка зрения, что этот список был составлен другим лицом — перипатетиком Аристоном, или, что Гермипп нашел опись произведений Аристотеля в библиотечном каталоге и включил ее в свой труд без существенных изменений. Тем не менее авторство Гермиппа косвенно подтверждается указанием его имени первым среди греческих предшественников в «Книге о знаменитых мужах» Иеронима. Исследователь греко-римской биографии Ф. Лео тоже полагает, что этот список, как и все списки в главе о перипатетиках, в том числе о Феофрасте, у Диогена Лаэртского, восходят к Гермиппу[1]. Тем не менее вопрос об авторстве Гермиппа остается открытым из-за отсутствия достаточно точных доказательств.

Птолемей. Составитель списка трудов Аристотеля, который дошел до нашего времени в переводе на арабский язык. Список Птолемея отличается от списка Гермиппа и соответственно у Диогена Лаэртского тем, что он в большей степени соответствует представлениям о составе собрания сочинений Аристотеля. Это дает основание считать, что Птолемей в основном заимствовал материал из утраченного списка трудов Аристотеля, составленного Андроником Родосским в 40—20 гг. I в. до н. э. в связи с подготовкой собрания сочинений Аристотеля.

Фрасил. Его список трудов Демокрита сохранился как часть жизнеописания в книге Диогена Лаэртского.

---

[1] *Leo F.* Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form. — Leipzig, 1901. — S. 52.

Дионисий Галикарнасский (конец I в. до н. э.). Автор обзора речей одного из «десяти» аттических ораторов Динарха, который входил в состав биобиблиографического исследования. Особенность этого обзора заключается в том, что именно он и является основной целью исследования, направленного на выявление подлинных речей Динарха.

Гален. Составитель автобиблиографических трудов «О порядке собственных книг» и «О собственных книгах». Цель этих трудов отделить подлинные труды автора от тех, которые ему ложно приписывались, и предупредить об этом возможных читателей.

Порфирий. Список трудов Плотина, который вошел в его жизнеописание, составленное учеником Плотина Порфирием.

Артемон из Кассандреи написал работы «О собрании книг» и «Об использовании книг». Этот и три следующих автора — представители древней библиотечной библиографии, целью которой является комплектование и использование библиотек.

Геренний Филон из Библоса (II в. н. э.) — автор пособия «О приобретении и выборе книг», которое могло быть связано с «Таблицами» Каллимаха.

Телефос из Пергама — автор пособия «Три книги о знании книг, в которых указывается, какие книги достойны приобретения».

Дамофил из Вифинии — автор пособия по комплектованию библиотек «Библиофил».

Деметрий Магнесийский (I в. до н. э.). Работа этого автора занимает особое место в эллинистической библиографии. Пособие «О соименных поэтах и писателях» возникло в связи с трудностью различения многочисленных греческих авторов, носящих одно и то же имя. В некотором смысле этот труд можно сравнить с современными авторитетными базами данных об именах национальных авторов.

Диоген Лаэртский. В его книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» списки сочинений составляют часть жизнеописаний.

Рим

Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.) включил в свой трактат «Сельское хозяйство» имена пятидесяти двух писателей, которые писали на сельскохозяйственные темы. Он известен и тем, что написал работу «О библиотеках», и тем, что Цезарь поручил ему создание публичной библиотеки. Последний замысел ему не удалось осуществить из-за смерти Цезаря.

Гай Плиний Старший (23 или 24 г. н. э.—25 авг. 79 г.) предпослал своей «Естественной истории» кн. 1, в которой дал указатели содержания к каждой главе книги, сопровождаемые списками использованных авторов и источников.

Луций Юний Модерат Колумелла (начало I в. н. э.) в трактате о сельском хозяйстве помещает обзор источников: сначала греческих и затем римских. Колумелла был старшим современником Плиния, который его цитировал.

Гай Светоний Транквилл (род. ок. 69 г. н. э.) — автор биографических трудов, в том числе о грамматиках и риторах, в них приводит сведения об их произведениях. Иероним по совету своего друга Декстера использовал труды Светония, но отличие заключалось в том, что его труды были в основном биографическими, а труд Иеронима о церковных писателях — преимущественно библиографическим (58, стб. 111—112).

Византия

Исихий Милетский (VI в.) составил «Ономатологос» — биобиблиографический словарь греческих писателей. Полное название словаря — «Ономатологос, или указатель лиц, известных в области культуры» четко связывает эту работу с «Таблицами» Каллимаха и со всей греческой традицией биобиблиографических словарей.

Фотий — автор первого реферативного сборника «Мириобиблон» (также «Мириобиблос» и «Мириобиблион»), т. е. «собрание тысячи книг», или «Библиотека» (ок. 855 г.). В посвящении, которое предшествует первому переводу «Библиотеки» на латинский язык (1606 г.), переводчик Андреас Скотт поставил Фотия в один ряд с другими античными и средневековыми библиографами: Иеронимом, затем Исидором и Ильдефонсом в Испании, Геннадием и Гонорием во Франции, Сигебертом в Бельгии и Иоанном Триттенгемским в Германии. В предисловии к «Опыту Российской библиографии» В.С. Сопиков упоминает Фотия в числе ученых библиографов.

Европа

Для понимания особенностей европейской библиографии средних веков необходимо иметь в виду, что для основных европейских библиографов начиная с Иеронима и Кассиодора и вплоть до Иоанна Триттенгемского библиография была лишь малой частью их общей деятельности.

Флавий Маген Аврелий Кассиодор Сенатор (ок. 487 — ок. 585) — один из наиболее влиятельных библиографов в средние века, автор «Институций» — пособия по духовному и светскому чтению. «Институции» предназначались для монахов Вивария, монастыря, который был основан Кассиодором. В течение почти всего средневековья «Институции» использовались как пособие для комплектования монастырских библиотек.

Авторы серии о знаменитых церковных писателях

Иероним Стридонский (Блаженный Иероним) (340?—420) — позднеантичный автор, как и Кассиодор и Геннадий Марсельский, — родоначальник серии о знаменитых церковных писателях. Иероним, как и все последующие авторы

этой серии за исключением Иоанна Триттенгемского, как выразился Т. Бестермен, — случайные библиографы. Это были книжники раннего времени, которые составляли библиографические материалы, не будучи в сущности библиографами (53, с. 9). Однако Иероним создал прототип и образец для последующих авторов этой серии (38, с. 40).

Геннадий Марсельский (вторая половина V в.) (58, стб. 114) — автор «Книги о церковных писателях», которая ставила своей целью продолжить работу Иеронима.

Исидор Севильский (560?—636) — епископ Севильский. Его «Книга о знаменитых мужах» была незначительной частью его творчества, которое в основном было компилятивным, но Исидор был выдающимся компилятором, и его труды пользовались большим авторитетом в средние века. Особенность книги Исидора — ее рекомендательный характер и предпочтение местных (испанских) писателей (38, с. 51—52).

Ильдефонс, архиепископ Толедский (607—667), также составил «Книгу о знаменитых мужах», небольшого объема и с четкой местной направленностью. Из 14 имен — 13 принадлежат испанцам, а из них 8 — родному для Ильдефонса городу Толедо.

Сигеберт из Жамблу (1030—1112) — автор «Книги о церковных писателях» (38, с. 55; 58, стб. 139, 145—146).

Гонорий Отенский (начало XII в.) — автор сочинения «Четыре книги о светочах или о церковных писателях». Гонорий был видным представителем раннесхоластической учености, он написал два чрезвычайно популярных и распространенных в средние века энциклопедических трактата. Книга о церковных писателях составляет незначительную часть его творчества и имеет несамостоятельный неоригинальный характер (38, с. 55; 58, стб. 146—147).

Аноним из Мелька (вторая треть XII в.) — автор «Книги о церковных писателях». По мнению ряда специалистов, этот каталог был создан не в монастыре Мельк, а в Регенсбурге или в его районе, но условное обозначение автора сохраняется в научной литературе (58, стб. 150).

Петр Диакон (XII в.), библиотекарь бенедиктинского монастыря в Монте-Кассино, написал книгу о писателях-монахах этого монастыря (38, с. 55), т. е. в данном случае серия получила очень узкий характер, что было в целом общей тенденцией.

Иоанн Триттенгемский (или Тритемий) (1462—1516) — автор последней в средние века «Книги о церковных писателях». Иоанн жил и писал уже после начала книгопечатания в Европе, и его книга сразу после ее завершения была издана в Базеле в 1494 г. В отличие от других авторов серии он был подлинным библиографом, прежде всего именно библиографом. Т. Бестермен именует его «отцом библиографии» (64, с. 6). Как следует из всего предшествующего текста настоящего исследования, такая оценка свидетельствует прежде всего о полном игнорировании истории библиографии до начала книгопечатания в Европе. Тем не менее важна сама оценка труда и личности этого выдающегося библиографа XV в. Труд Иоанна завершает средневековую серию книг о церковных писателях.

Другие европейские библиографы

Беда Достопочтенный (672 или 675—ок. 735) — монах из монастыря Ярроу на севере Англии, автор «Церковной истории английского народа» (731 г.), приложил к своему основному труду «Заметку о себе самом и своих книгах». В ней он перечисляет 36 произведений, и, как считает К.Р. Симон, эта работа близка, по крайней мере по форме, к аналогичным работам Галена (38, с. 53—54).

Вальтер Шпейерский (конец X в.) — список римских (и отчасти греческих) авторов, на основе которых составлялись школьные хрестоматии (5, с. 171).

Гиральд Кембрийский (XII в.) в свою защиту направил собранию каноников Херефорда (главный город графства Херефордшир в Англии) «Послание о книгах, им написанных»,

за которым следует более краткий «Каталог собственных книг» (64, с. 3—4).

Конрад Гирсауский (XII в.) — автор «Диалога об авторах», списка римских и греческих авторов для составления школьных хрестоматий (5, с. 171).

Александр Некам (конец XII в.) — рекомендательный список латинских авторов (там же, с. 172).

Эбергард (вторая половина XII в.) — список античных авторов (с особым вниманием к трактатам по риторике) в дидактическом стихотворении «Laborintus» (labоro — трудиться) (там же).

Винсент де Бове (1190—1264) — автор «Исторического зеркала» со сведениями о 12 средневековых авторах (58, стб. 161).

Ришар де Фурниваль (1200—после 1250) — канцлер Амьенской церкви, магистр, автор «Книгозакония» («Biblionomia») (38, с. 57—62).

Гуго Тримбергский (XIII в.) — один из «ауктористов» (как стали называть составителей «списков книг»), автор классифицированного «Списка многих авторов» (5, с. 174), предназначенного для школьных целей.

Конрад фон Хирсау (XIII в.) — автор «Диалога об авторах», который, как и работа Гуго Тримбергского, была предназначена для использования в школе (58, стб. 163).

Вальтер Берли (ок. 1275—после 1344) — автор труда «О жизни и обычаях философов» со сведениями об античных авторах. Под «Философами» в средние века понимались все литераторы (там же, стб. 164—165).

Джованни Колонна написал между 1332 и 1338 гг. работу «О знаменитых мужах», которая включала сведения как о церковных, так и о светских авторах. Несмотря на название, работа охватывала всех возможных авторов, а не только церковных (там же, стб. 168—169).

Гульельмо да Пастренго (ок. 1295—1363), юрист из Вероны, составитель алфавитного каталога античных и христианских авторов. В 1547 г. этот каталог был издан в Венеции. Он

назывался «О происхождении вещей» (De originibus rerum) (там же, стб. 172—176).

Генри де Киркестеде (ум. после 1378) — библиотекарь монастыря в Бэри (Англия), составил каталог, который включал сведения о 674 авторах (58 — греческие и римские, 6 — арабские и 610 — христианские, в основном церковные) в грубоалфавитной последовательности с краткими био— и библиографическими данными (там же, стб. 176—177). Первоначально этот каталог приписывался Джону Бостону (43, с. 30).

Герхард Релантс (ум. 1491) составил ок. 1487 г. сводный «Каталог рукописей различных библиотек Бельгии». Каталог включал сведения об именах писателей, их произведениях и местонахождении в библиотеках Бельгии, Нидерландов, северо-восточной Франции и северо-западной Германии (79, с. 73).

Арнольд Гейльховен (ум. 1442) — из монастыря в Бельгии. Составил каталог «О знаменитых мужах всех времен», который включал сведения о 290 авторах (190 — языческие и 100 — христианские) в хронологической последовательности с краткими биобиблиографическими сведениями (58, стб. 178).

Сикко Полентон (1375—1447) — автор работы «Знаменитые писатели латинского языка, XVIII книг». Полентон был нотариусом в Падуе и примерно в 1415—1430 гг. — канцлером этого города (там же, стб. 179—181).

Джакомо Филиппо Фореста из Бергамо (1434—1518 или 1520) — настоятель монастыря в Бергамо. Составил «Дополнение хроник». Биобиблиографические части этой работы получили высокую оценку Р. Блюма (там же, стб. 183).

Русь

Герман Пустынник (или Подольный) или *Ефросин*. Первый был старцем Кирилло-Белозерского монастыря, второй — его иеромонахом. Один из них является состави-

телем «Описи рукописей Кирилло-Белозерского монастыря (первый — по версии академика Н.К. Никольского, издателя «Описи», второй — по версии М.И. Слуховского, которую поддержал А.Г. Глухов) (конец XV в.) (4, с. 46; 17, с. 20—22). Составителей «Описи» лишь условно можно назвать библиографами.

Арсений Высокий составил в 1584 г. «Указец» (указатель) — тематический библиографический труд. Арсений был книгохранителем Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря (14, с. 30). Этот памятник также, по мнению И.Н. Кобленца, еще не является библиографией в точном смысле этого термина (17, с. 23—24). С этой точкой зрения не согласна Н.А. Никифоровская, которая считает «Указец» выдающимся библиографическим трудом (22, с. 22).

Иона Соловецкий (первая четверть XVII в.) составил опись своей личной библиотеки «Указ, что в сих тетратех есть» (29).

Сильвестр Медведев (1641—1691) — автор первого безусловного библиографического труда на Руси «Оглавление книг, кто их сложил». По всей вероятности, «Оглавление» было составлено при Печатном дворе, поэтому оно включает не только рукописные, но и печатные книги (14, с. 36). По вопросу об авторстве «Оглавления» имеется несколько точек зрения, которые рассмотрены И.Н. Кобленцем. Кроме Сильвестра Медведева, авторами «Оглавления» могли быть *Епифаний Славинецкий* и его ученик и последователь инок Чудовского монастыря *Евфимий* (17, с. 33—70).

Арабо-мусульманский мир

Абу-ль-Фарадж Мухаммад ибн Исхак по прозвищам ан-Надим (Надим) или Ибн ан-Надим (сын Надима) и ал-Варрак (книгопродавец). «Надимом» назывался собеседник и сотрапезник высокопоставленного лица, в обязанности которого входило развлекать покровителя приятной беседой. В наиболее древней рукописи «Фихриста», которая считается

списанной с автографа, он именуется ан-Надимом. Окончательно уточнить вопрос о прозвище пока не представляется возможным, хотя он неоднократно обсуждался в научной литературе. В настоящей работе принят вариант «Ибн ан-Надим». В соответствии с данными, имеющимися в тексте «Фихриста» («Указателя») (78), — его сочинения, которое считается первой и авторитетной арабо-мусульманской национальной библиографией, Ибн ан-Надим, видимо, родился около 935 г. Его отец был владельцем книжного магазина (варраком). Поэтому Ибн ан-Надим с детских лет был связан с книжной торговлей и перепиской книг. Это в значительной степени определило его библиографические и книговедческие интересы. Для понимания «Фихриста» важно знать, что его автор был шиитом, т. е. не принадлежал к ортодоксальному суннитскому мусульманству. Как следует из инскрипции «Фихриста», Ибн ан-Надим начал оформление своего библиографического труда в 987 г. и, возможно, окончательно завершил его в 989 г. О дате смерти Ибн ан-Надима имеются различные точки зрения. Наиболее вероятно, что он умер в 990 г. вскоре после окончания работы над «Фихристом». «Фихрист» — национальный библиографический указатель, в основу которого положена общность языка (арабский). В 1980 г. Б. Додж опубликовал перевод «Фихриста» на английский язык. В этом издании имеются более подробные сведения о его авторе (78, Д XV—XXIII).

Шейх ал-Тайфа Мухаммад ибн ал-Хассан ибн Али Абу Джафар ат-Туси (955—1067) написал работу «Фихрист шиитских книг», которая известна как «Фихрист Туси» или «Фихрист Шейха». В основном она основана на «Фихристе» Ибн ан-Надима, но дополняет его более точными данными о шиитских авторах и их произведениях (72, с. 210).

Шейх Ахмад ибн Али ан-Наджаши (ум. 1063) был современником ат-Туси. Он составил библиографический труд под названием «Имена людей», который ограничен только шиитскими авторами (там же, с. 210—211).

Мухаммад Рашид ад-Дин ибн Али ибн Шахрашуб Мазандарани (ум. 1192), один из великих ученых своего времени,

составил библиографический труд с целью пересмотреть «Фихрист Туси» (там же, с. 211).

Мунтакаб ад-Дин Бабуя Комми не позднее 1196 г. составил библиографию, которая включала сведения о 500 авторах, которые не были включены в «Фихрист Туси». Эта работа известна также как «Фихрист Мунтакаб ад-Дин Рази» (там же, с. 211)

Ибн ал-Кифти (1172—1248) составил биобиблиографический указатель, в него вошли 414 биографий философов, врачей, математиков и астрономов (71, с. 5—8, 16).

Ибн Аби Ушайбиа (после 1194—1270) составил биобиблиографический указатель арабских ученых, в основном врачей. Указатель существует в двух вариантах: краткий (1242) и полный (1268) (69, с. 693—694).

Абу Али ибн Сина — автор многих трудов, в том числе «Жизнеописания», в которое входили список книг, прочитанных Ибн Синой с детства до времени написания «Жизнеописания», и указатель трудов Ибн Сины, составленный *Абуубейдом Джузджани* (48, с. 23).

Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни (973—1048) в 1036 г. составил «Фихрист книг Мухаммада ибн Закарии ар-Рази». Первая половина этого списка посвящена ар-Рази, а вторая содержит автобиблиографический список самого Бируни, написанный им до 1036 г. (18, с. 57—59).

Мухаммед ибн Мансур ас-Самани (XII в.) составил «Книгу генеалогии имен», которую использовал Якут для своего «Словаря» (49, с. 65—67).

Ибн Абдаллах Якут (XIII в.) — автор биобиблиографического «Словаря имен и оглавлений наук» (там же, с. 65—66).

Шамсиддин ал-Ширакн (XIII в.) составил биографический словарь, посвященный философам и ученым, «Услада душ и цветник веселий» (там же, с. 67).

Амин Ахмад Рази (XVI в.) составил географическую энциклопедию «Семь климатов», в которой географические сведения о каждой стране дополняются биографическими данными о ее выдающихся людях (там же).

Катиб Челеби Мустафа ибн-Абдаллах по прозвищу Хаджжи Халифа (1608—1657) — турецкий библиограф, автор арабо-мусульманской национальной библиографии «Устранение сомнений в наименовании книг и наук» (49, с. 66; 72, с. 214; 75, с. 760—762).

Китай

Лю Сян (80—8 гг. до н. э.) и *Лю Синь* (ум. 23 г. н. э.) — отец и сын, составители первой китайской национальной библиографии «Ци люэ» («Семь разделов»; 26—6 гг. до н. э.) (46, с. 138—139; 95, с. 309).

Бань Гу (32—92 гг. н. э.) — составитель летописи Ханьской династии «Хань шу». В одной из глав этой летописи, которая была закончена приблизительно в 82 г., помещена библиография «Ивэньчжи», она является продолжением «Ци люэ». В результате национальная библиография стала частью династической истории, что придало ей еще больший государственный статус (40; 46, с. 139; 95, с. 310).

Чжэн Мо (213—280) — создатель классификации в 4 класса, был официальным хранителем императорской библиотеки династии Вэй, который составил государственную библиографию этой династии «Средний канон» в 235 г. (46, с. 140; 95, с. 312).

Сюнь Сюй (?—289) — чиновник-библиотекарь, по приказу императора династии Западная Цзинь в 279 г. составил новую государственную библиографию «Чжунцзинсиньбу» («Новый регистр»). Его помощником был ученый *Чанг Хуа* (232—300) (там же).

Лу Чун по указу императора Восточная Цзинь Юань-ди (317—322) составил «Библиографию с 4 разделами» — «Сыбушиму», на основе классификации Сюнь Сюя (там же).

Ван Цзянь (452—489) составил личную библиографию с 7 разделами «Чичжи» (46, с. 140).

Ван Чэнь (452—489) — в 473 г. составил указатель «Семь обзоров» по схеме «Ци люэ», хотя в это время уже существова-

ла классификация в четыре раздела. Ван Чэнь был сотрудником императорского архива во время династии Сун и составил официальный каталог по системе из 4 разделов. «Семь обзоров» были его личной инициативой (95, с. 310—311).

Жуан Сяо Сю (479—536) как частное лицо в 523 г. составил каталог «Семь записей», где суммировал сведения предыдущих каталогов национальной литературы (там же, с. 311).

Сю Шан Синь (558—618) — хранитель государственного архива, составил каталог императорской библиотеки по собственной классификационной схеме, основанной на системе Жуана Сяо Сю (там же).

Вэй Чжэн — в 628 г. с позволения императора династии Тан библиотекарь Вэй Чжэн составил библиографию «Суй шу — Цзинцзицзи», как часть династической истории династии Суй. Этот указатель в последующие годы служил стандартом для описания старинных книг (там же, с. 141).

Буддийские каталоги

Чжу Ши-син (вторая половина III в.) составил первый каталог буддийских сочинений (20, кн. 2, с. 175—176). Как отмечает Л.Н. Меньшиков, каталог Чжу Ши-сина и последующие, по крайней мере, 25 каталогов были утрачены. Их подробный перечень дан в «Истории китайской библиографии» Яо Мин-да (51, с. 231—233).

Чжу Фа-ху (Дхармаракша) — один из преемников Чжу Ши-сина, составил около 305 г. перечень собственных переводов буддийских сочинений, положив начало частным каталогам (18, кн. 2, с. 176).

Не Дао-чжэнь в 307—312 гг. создал труд сводного характера «Каталог всех сутр» («Чжун цзин мулу») (там же, с. 176—177).

Чжи Минь-ду (ок.285—после 377) составил два каталога буддийских сочинений: «Сводный каталог сутр и шастр» («Цзин-лунь дулу») и «Дополнительный каталог сутр и шастр» («Цзин-лунь белу») (там же, с. 177).

Дао Ань (314—385) составил «Сводный систематизированный каталог буддийских книг» («Цзунли чжун цзин мулу») в 374 г. (там же, с. 177).

Хуэй-юань (334—416) — буддийский отшельник составил в конце IV в. каталог рукописной коллекции обители в горах Лушань, где была его резиденция (там же, с. 178).

Лю Се (ок. 465—522) — знаменитый историк китайской литературы, в 502 г. в соавторстве с монахом *Хуэй-чжэнем* составил «Опись сутр, хранящихся в обители Динлиньсы» («Динлиньсы цзанцзин лу») (там же).

Хун-чун (ум. в конце V в.) составил каталог своей библиотеки в построенной лично для него в 60-е гг. V в. обители Сянгунсы (в нынешнем Нанкине).

Сэн-ю (445—518) создал в 505—515 гг. огромный по объему каталог «Собрание сведений о переводах Трипитаки» («Чу Сань-цзан цзи цзи») (18, кн. 2, с. 178—180; 46, с. 140—141).

Сэн-шао — ученик Сэн-ю в 515—518 гг. составил «Каталог сутр буддийского павильона сада Хуалинь», т. е. буддийского павильона императорского парка Хуалиньюань (18, кн. 2, с. 180—181).

Бао-чан составил «Каталог сутр эпохи Лян» («Лян ши чжунцзин мулу»), который дополнял каталог Сян-шао (там же, с. 181).

Фа-цзин во главе коллегии из 20 человек из монастыря Дасиншаньсы в Чанъани по императорскому указу от 4 июня 594 г. составили «Каталог всех сутр Великой Суй» («Да Суй чжунцзин мулу»), который учитывал книги буддийской части императорской библиотеки (там же, с. 182—183).

Даосские каталоги

Гэ Хун (284—363) — известный философ и писатель. В произведении «Баопу-цзы» он перечислил прочитанные им даосские книги (всего 305 названий) (там же, с. 194—195).

Сюй Юй-чжи — его каталог под названием «Перечень книг по изначальной связи [из скита] Шанцин» («Шанцин юаньтун цзин му») был составлен в 435 г. (там же, с. 196).

Лу Сю-цзин (406—477), также построивший обитель в горах Лушань в 473 г., составил «Каталог книг [обители] Линбао» («Линбао шуму») (там же).

Инь Вэнь-цао (ум. в 688 г.) составил «Каталог книг яшмового утка».

Цуй Чжи (670—712), *Сю Цзи* (649—713) и *Шэнь Цюань-ци* (ум. ок. 713 г.) составили «Каталог даосского канона с комментариями» («Дао-цзан инь-и мулу») (там же, с. 201).

Шаньинь-цзы в IX в. составил «Каталог книг [хранилища] Саньдун» («Саньдун цзин мулу») (там же, с. 202).

Ся Сун (984—1050) в 1015 г. составил последний из известных каталогов рукописного даосского канона под названием «Записи о книгах восстановленного даосского канона» («Чун цзянь Дао-цзан цзин цзи») (там же).

Япония

Энни (XII в.) — основатель храма Тофкудзи составил на основе книг, привезенных им из Китая, «Каталог книг по трем разделам» (10, с. 221).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беспалова Э.К.* История российской библиографии: начальный период. Библиография в России с IX—XI вв. до 60-х гг. XIX в.: Лекция по курсу «Общее библиографоведение» (Часть вторая. История российской библиографии) / Э.К. Беспалова // Библиография. — 2006. — № 8. — С. 50—65.

2. *Варрон М.Т.* Сельское хозяйство / Марк Теренций Варрон; пер. с лат.; коммент. и вступ. ст. М.Е. Сергеенко. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 218 с.

3. *Геллий Авл.* Аттические ночи: избранные книги / Авл Геллий; пер. с лат. Б. Тритенко. — Томск: Водолей, 1993. — 208 с.

4. *[Глухов А.Г.]* Древнейшие на Руси описи книг: (100-летие открытия описания рукописей Кирилло-Белозерского монастыря) / А. Глухов // Сов. библиогр. — 1980. — № 3. — С. 46.

5. *Горнунг Б.В.* Из истории средневековой библиографии / Б.В. Горнунг // Теория и история библиографии: сб. ст. в память К.Р. Симона / АН СССР, Ин-т науч. информ. и Фундам. б-ка по обществ. наукам. — М., 1969. — С. 169—176.

6. *Горячева С.А.* Библиографическая информация в древнееврейских и раннехристианских текстах: дис. / С.А. Горячева. — М., 2009. — 290 с.

7. *Горячева С.А.* Библиографические тексты в Библии. Ч. 1. Ветхий Завет / С.А. Горячева // Книга: исслед. и материалы. — Сб. 89. — 2009. — С. 156—178.

8. *Гране М.* Китайская мысль / Марсель Гране. — М.: Республика, 2004. — 526 с. — (Б-ка: Религия. Культура. Наука).

9. *Гранстрем Е.Э.* Незамеченный памятник древней библиографии / Е.Э. Гранстрем // Культурное наследие древней Руси: истоки, становление, традиции. — М.: Наука, 1976. — С. 379—381.

10. Гривнин В.С. Влияние китайской книги на развитие книгопечатания в Японии (VII—XIV вв.) / В.С. Гривнин // Книга. — 1962. — № 6. — С. 215—230.

11. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. — М.: Мысль, 1979. — 620 с.

12. *Дробинский А.И.* У истоков энциклопедической литературы / А.И. Дробинский // Книга: исслед. и материалы. — 1969. — № 19. — С. 155—182.

13. *Жукас В.* История литовской библиографии / В. Жукас. — Вильнюс: Мокслас, 1983. — Ч. 1 (До 1940 г.). — 264 с. — Лит.

14. *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX века. — 3-е изд. — М., 1955. — 608 с.

15. *Ишханян Р.* История армянской библиографии: (Очерк) / Р. Ишханян; Гос. респ. б-ка Арм. ССР им. Ал. Мясникяна.— Ереван, 1964. — Ч. 1. — 157 с. — Арм.

16. *Кайгородов А.А.* История библиографии Китая // Сов. библиогр. — 1962. — № 4. — С. 117—118.

17. *Кобленц И.Н.* Источники и деятели русской библиографии XV—XVIII вв. / И.Н. Кобленц; АН СССР. — М.: Наука, 1991. — 136 с.

18. *Кормилицын А.И.* Бируни-библиограф / А.И. Кормилицын // Сов. библиогр. — 1974. — № 3. — С. 57—59.

19. *Крушельницкая Е.В.* Эволюция описания монастырских рукописных собраний / Е.В. Крушельницкая // Библиотековедение. — 2007. — № 5. — С. 62—66.

20. *Моргенштерн И.Г.* Что изучает история библиографии? / И.Г. Моргенштерн // Мир библиографии. — 2007. — № 4. — С. 2—5.

21. *Нгуен Тхи Тхы.* Библиографическая деятельность в странах Юго-Восточной Азии: история, современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Нгуен Тхи Тхы; Моск. гос. ун-т культуры. — М., 1998. — 16 с.

22. *Никифоровская Н.А.* Библиографическое описание в России: Очерк истории до середины XIX в. / БАН СССР; под ред. С.П. Луппова. — Л., 1981. — 127 с.

23. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. — М.: Изд-во вост. лит., 1960. — 195 с.

24. Опись архива Посольского приказа 1626 года.— М., 1977. — Т. 1. — 416 с.

25. *Плиний Старший.* Естествознание. Об искусстве / Гай Плиний Секунд; изд. подгот. Г.А. Таронян. — М.: Ладомир, 1994. — 941 с.: ил.

26. *Пыпин А.Н.* Для объяснения статьи о ложных книгах / А.Н. Пыпин // Летопись занятий Археографической комиссии. — 1861. — Вып. 1. — С. 1—55.

26а. *Рейсер С.А.* Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. / С.А. Рейсер. — М.: Гос. изд-во культ.-просветит. лит., 1956. — С. [5]—20.

27. *Романова А.А.* Н.К. Никольский и изучение начального периода русской библиографии / А.А. Романова // Историко-библиографические исследования. — 2008. — Вып. 11. — С. 199—211.

28. *Романова А.А.* «Указ, что в сих тетратех есть» — опись библиотеки Ионы Соловецкого (первая четверть XVII в.) / А.А. Романова // Книга: исслед. и материалы. Сб. 87/II. — 2007. — С. 125—143.

29. *Романова А.А.* «Указцы» монастырских библиотек XVI—XVII веков / А.А. Романова // Библиотековедение. — 2009. — № 4. — С. 48—53.

30. *Рузиева Ф.* Из истории создания библиографических источников на территории Средней Азии / Ф. Рузиева // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. — 2009. — № 3. — С. 72—73.

31. Рукописная книга в культуре народов Востока: очерки: в 2 кн. / АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1987—1988.

Кн. 1. — 1987. — 559 с.

Кн. 2. — 1988. — 548 с.

32. *Семеновкер Б.А.* Библиографическая культура древней Месопотамии / Б.А. Семеновкер // Книга: исслед. и материалы. Сб. 76. — М.: Терра, 1999. — С. 80—111.

33. *Семеновкер Б.А.* Библиографические памятники Византии / Б.А. Семеновкер. — М.: Археографический центр, 1995. — 232 с.

34. *Семеновкер Б.А.* Древнеегипетские библиографические тексты / Б.А. Семеновкер // Восток. — 1994. — № 3. — С. 110—126.

35. *Семеновкер Б.А.* Тысячелетие «Фихриста» ан-Надима / Б.А. Семеновкер // Сов. библиогр. — 1987. — № 2. — С. 86—96.

36. *Семеновкер Б.А.* Эволюция библиографии как литературного феномена / Б.А. Семеновкер // Книга: исслед. и материалы. Сб. 70. — М.: Терра, 1995. — С. 52—70.

37. *Семеновкер Б.А.* Эволюция информационной деятельности / Б.А. Семеновкер. — М.: Пашков дом, 2007—2011.

Бесписьменное общество. — 2007. — 141 с.

Рукописная информация. Ч. 1. — 2009. — 245 с.

Рукописная информация. Ч. 2. — 2011. — 334 с.

38. *Симон К.Р.* История иностранной библиографии / К.Р. Симон; АН СССР, Фундамент. б-ка обществ. наук. — М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. — 736 с.

39. *Симон К.Р.* Объект, целевое назначение, методика и формы библиографии в их историческом развитии // Симон К.Р. Избранное. — М.: Книга, 1984. — С. 94—118.

40. *Синицын Е.П.* Бань Гу — историк древнего Китая / Е.П. Синицын; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1975. — 111 с.

41. *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи) / Сыма Цянь. — М.: Восточная литература, 1996. — Т. 7. — 426 с.

42. *Флуг К.К.* История печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв. / К.К. Флуг; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 398, [1] с.

43. *Хавкина Л.Б.* Сводные каталоги: (история — теория — практика) / Л.Б. Хавкина; Всесоюз. книж. палата. — М., 1956. — С. 27—33.

44. Хаджжи Халифа. Кашф аз-зунун. — Лейпциг, 1835—1858. — Ч. 1—7. — Араб., лат.

45. *Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. — М.: Наука, 1985. — 312 с.

46. *Цзян Цзи.* Библиография в древнем Китае / Цзян Цзи // Библиогр. — 1996. — № 3. — С. 137—142.

47. *Шамурин Е.И.* Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. / Е.И. Шамурин; Всесоюз. книж. палата. — М.: Изд-во Всесоюз. книжн. палаты, 1955. — Т. 1.

48. *Шарофзода Р.* Авиценна и таджикская библиография / Рахимджан Шарофзода. — Душанбе: Дониш, 1990. — С. 21—34.

49. *Язьев А.* К вопросу о зарождении библиографии в Средней Азии и Казахстане / А. Язьев // Сов. библиогр. — 1975. — № 5. — С. 59—67.

50. *Язьев А.* Труды Абу Рейхана Бируни как библиографические источники / А. Язьев // Сов. библиогр. — 1986. — № 3. — С. 47—50.

51. *Яо Мин-да.* История библиографии в Китае / Яо Минда. — Шанхай, 1984. — 12, 3, 425 с. — Кит.

52. *Bartsch E.* Die Bibliographie: Einführung in Benutzung, Herstellung, Geschichte / Eberhard Bartsch. — München: K.G. Saur, 1979. — 280 s.

53. *Besterman Th.* The Beginnings of Systematic Bibliography / Theodore Besterman. — 2nd ed. — London: Oxford University Press, 1936. — XI, 81 p.; 12 pl.

54. Biblionomie de Richard de Fournival-Milieu de XIII-e siècle / Richard de Fournival // Delisle L. Le manuscrits de la Bibliothèque Nationale. — T. II. — Paris: Imprim. Nat., 1874. — P. 518—535.

55. Bibliotheca Judaica. Bibliographisches Handbuch ... mit einer Geschichte der Judischen Bibliographie sowie mit indices versehen Julius Fürst. — Tl. 3. — Hildesheim: Georg Olms, 1960.

56. *Blum R.* Bibliographia: Eine wort— und begriffsgeschichtliche Untersuchung / Rudolf Blum. — Frankfurt / M: Bücherhändler-Vereinigung GMBH, 1969. — XI S., Sp. 1017—1216.

57. *Blum R.* Kallimachos und die Literaturverzeichnung bei den Griechen: Untersuchungen zur Geschichte der Biobibliographie / Rudolf Blum // Archiv für Geschichte des Buchwesens. — 1977. — Bd. 18, Lfg. 1—2. — Sp. 1—360.

58. *Blum R.* Die Literaturverzeichnung in Altertum und Mittelalter: Versuch einer Geschichte der Biobibliographie von den Gefängen bis zum Beginn der Neuzeit // Archiv für Geschichte des Buchwesens. — 1983. — Lfg. 1—2. — Sp. 1—242.

59. Cassiodori Senatoris Institutiones / ed. from the manuscripts by R.A.B. Mynors. — Oxford: Clarendon press, 1937. — LVI, 193 p.

60. *Clapp V.W.* Greatest invention since the title page?: Autobibliography since Incipit to Cataloging-in-Publication / Verner W. Clapp // Wilson library bulletin. — 1971. — Vol. 46. — December. — P. 348—358.

61. *Columella L.J.M.* On agriculture: in 3 vols. —Vol. 1. Res rustica I—IV / Lucius Junius Moderatus Columella; with a recension of the text and an English translation by Harrison Boyd Ash. — London; Cambridge (Mass.): Heinemann, Harvard Univ. Press, 1948. — XXX, 461 p. (Имеется перевод на рус. яз.: *Колумелла Л.Ю.М.* О сельском хозяйстве. М., 1957).

62. The Concise Jewish Encyclopedia / ed. by Cecil Roth. — N.Y. c.a.: New American Library.

63. *Ebert Fr. Ad.* Vorrede / Friedrich Adolf Ebert // Allgemeines bibliographisches Lexikon. — Bd. 1. — Leipzig: Brockhaus, 1821. — S. IX—XVI.

64. *Elgood C.* The Medical History of Persia and the Eastern Caliphate from the earliest times until the year 1932 A.D. / Cyril Elgood. — Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1951. — XII, 916 p.

65. The Fihrist of al-Nadim: A tenth-century survey of Muslim culture / Ed. a. transl. B. Dodge. — N.Y.; L.: Columbia Univ. Press, 1970. — Vol. 1—2. — (Ссылки по форме Д 931—1135); Kitâb Al-Fihrist / Mit Anm. hrsg. von G. Flügel. — Leipzig, 1871—1872. — Bd. 1—2. — (Ссылки по форме: 64, 8—10).

66. *Gardthausen V.* Die alexandrinische Bibliothek, ihr Vorbild, Katalog und Betrieb: ein Beisatz zur vergleichenden Bibliothekskunde / V. Gardthausen // Ztschr. für Buchwesen and Schriftum. — 1922. — № 4—6. — S. 73—104.

67. Herennios Philon von Biblos // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaften / Ncue Bearb. — Stuttgart, 1912. — Hbd. 15. — Col. 650—661.

68. *Huemer Joh.* Das Registrum multorum auctorum des Hugo von Trimberg: ein Quellenbuch zur lateinischen Literaturgeschichte des Mittelalters / Prof. Dr. Joh. Huemer // Sitzungsberichte der philosophisch-historische Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften (Wien). — Bd. 116. — Wien, 1888. — S. 145—190.

69. *Ibn Abī Uṣaibia* // The Encyclopaedia of Islam. — New edition. — Vol. 3. — Leiden: Brill, 1986. — P. 693—694.

70. *Ibn Abī Uṣeibia.* Kitāb 'ujūn alanbā' fī tabaqāt alatibbā / Hrsg. A. Müller. — Bd. 1—2. — Kairo, 1882 (Königsberg, 1884).

71. *Ibn al-Qifti's* Ta'rīḫ al-Ḥukamā' / hrsg. v. Julius Loppert. — Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1903. — 22,496 s. — Араб.

72. *Jalaluddin Haider S.* Bibliographic Heritage of Muslims / Syed Jalaluddin Haider // Libri. — 1979. — Vol. 29. — № 3. — P. 207—218.

73. *Kaestner J.* Anmerkungen in Büchern / Jürgen Kaestner // Bibliothek: Forschung end Praxis. — 1984. — Bd. 8. — № 3. — S. 203—226.

74. *Kallimachos* // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearb. — Stuttgart, 1931. — Supplementbd. 5. — Col. 386—452.

75. *Kātib Čelebi* // Encyclopaedia of Islam. — New Edition. — Vol. 4. — Leiden: Brill, 1997. — P. 760—762.

76. Kephalion // Paulys Realencyclopädie des classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearb. —Stuttgart, 1921. — Hbd. 21. — Col. 191—192.

77. *Kitchen K.A.* The basic literary forms and formulations of ancient instructional writings in Egypt and Western Asia // Studien zu Altägyptischen Lebenslehren. — Freiburg, 1979.

78. *Kramer S.N.* The oldest library catalogue // Bulletin of the Schools of Oriental and African studies. — 1942. — № 88. — P. 10—19.

79. *Lehmann P.* Alte Vorläufer des Gesamtkatalogs / Paul Lehmann // Festschrift Georg Leye. — Leipzig: Harrasowitz, 1937. — S. 69—81.

80. *Leo F.* Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form / Friedrich Leo. — Leipzig: Druck und Verlag von B.B. Teubner, 1901. — 329 s.

81. *McInnis R.G.* David Riesman and the concept of bibliographic citation / Raymond G. McInnis, Dal Symes // College and Research Libraries. — 1988. — Vol. 49. — № 5. — P. 387—399.

82. *Milde W.* Der Bibliothekskatalog des Klosters Murbach aus dem 9. Jahrhundert: Ausgabe und Untersuchung von Beziehungen zu Cassiodors «Institutiones» / Wolfgang Milde. — Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag, 1968. — 144, [2] s.

83. National Bibliography of China: retrospect and prospect / the National Bibliography Section, National Library of China // International Cataloguing. — 1986. — Vol. 15, № 1. — P. 5—8.

84. *Norris D.M.* A history of cataloguing and cataloguing methods 1100—1850 with an introductory survey of ancient times / Dorothy May Norris. — London: Grafton, 1939. — IX, 246 p.

85. *Parson E.A.* The Alexandrian Library: Glory of the Hellenistic World / Edward Alexander Parsons. — London: Cleaver-Hume Press, 1952. — XIII, 468 p.

86. *Piyadasa T.G.* Libraries in Sri Lanka: Their origin and history from ancient times to the present time / T.G. Piyadasa. — Delhi, 1985. — 112 p., 5 il.

87. C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Vol. I, libb. I—VI. — Editio altera denuo recognita / Caius Plinius Secundus; recognovit atque indicibus instruxit Ludovicus Janus. — Lipsiae: B.G. Teubner, 1870. — LXXXII, 261 p.

88. *Pliny.* Natural history: with an English translation in ten volumes. Vol. 1. Praefatio, libri I, II / Pliny; by H. Rackham. — London: Heinemann, 1949. — XIV, 378 p.

89. *Ruska J.* Al-Birūni als Quelle für das Leben und die Schriften al-Rāzi's / Julius Ruska / Isis. — Bd. 5. — 1922. — S. 25—50.

90. *Schneider G.* Geschichte der Bibliographie // Schneider G. Handbuch der Bibliographie. — 4. gänz. veränd. u. stark verm. Aufl / Georg Schneider. — Leipzig: Hiersemann, 1930. — S. 1—35.

91. *Schreiber H.* Quellen und Beobachtungen zur mittelalterlichen Katalogisierungspraxis / Heinrich Schreiber // Zentralblatt für Bibliothekswesen. — 1927. — Jg. 44, Januar—Februar, März. — S. 1—19, 97—118.

92. *Scrivner B.* Carolyngian Monastic Library Catalogs and Medieval Classification of Knowledge / Buford Scrivner // Journal of Library History. — 1980. — Vol. 15, № 4. — P. 427—444.

93. Sharma J.S. India's Contribution in the Field of Bibliography / Jagdish S. Sharma. — Delhi: Delhi Library Association, 1974. — 44 p.

94. *Strout R.F.* Development of the Catalog and Cataloging Codes / Ruth French Strout // The Library Quarterly. — 1956. — Vol. 26, № 4. — P. 254—275.

95. *Tsien Tsuen-hsuin.* A History of Bibliographical Classification in China / Tsien Tsuen-hsuin // The Library Quarterly. — 1952. — Vol. 22, № 4. — P. 307—324.

96. *Wendel C.* Die griechischrömische Buchbeschreibung verglichen mit der des vorderen Orients / Carl Wendel. — Halle a.d. Saale: Niemeyer, 1949. —VIII, 149 s.

97. *Wilson R.M.* The Contents of the Mediaeval Library / R.M. Wilson // The English Library before 1700: studies in its history / Ed. by Francis Wormold a. C.E. Wright. — London, 1958. — P. 85—111.

98. *Witty F.J.* The Pinakes of Callimachus / Francis J. Witty // Library Quarterly. — 1958. — Vol. 28, № 2. — P. 132—136.

99. *Woo, Kang.* Histoire de la bibliographie chinoise. — Paris: E. Leroux, 1938. — [VII]—VIII, 127 p. — (Bibl. de l'Inst. des hautes études chinoises; Vol. 5).

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Глава 1. Библиография как объект исторического исследования 5

Глава 2. Название библиографии, ее возникновение и связи с библиотеками 11

Возникновение библиографии. Библиография и библиотеки 12

ВИДЫ БИБЛИОГРАФИИ

Глава 3. Национальная библиография 21

Общие положения 21
Греция, эллинистический мир и Византия 25
Китай 28
Арабо-мусульманский мир 31

Глава 4. Биобиблиография, персональная библиография и автобиблиография 35

Биобиблиография 35
Общие положения 35
Греция и эллинистический мир 37
Рим и греко-римский мир 39
Византия 41
Блаженный Иероним (Иероним Стридонский) 42
Европейская биобиблиография 44

Русь 52
Арабо-мусульманский мир 52
Персональная библиография 54
Автобиблиография 57

Глава 5. Рекомендательная, отраслевая, реферативная, книготорговая и мемориальная библиография 59
Рекомендательная библиография 59
Отраслевая библиография 62
Реферативная библиография 64
Книготорговая библиография 65
Мемориальная библиография 65

Глава 6. Аналитическая библиография, внутритекстовая библиография и ссылки, библиография библиографии 66
Аналитическая библиография 66
Внутритекстовая библиография и ссылки 67
Библиография библиографии 80

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава 7. Охват, объем указателей, отбор, выходные сведения, источники 81
Охват 81
Объем указателей 85
Отбор 86
Выходные сведения 87
Источники 89

Глава 8. Библиографическая запись 98

Глава 9. Расположение и классификации 119
Систематическое расположение 119
Древний Восток 119

Греция и эллинистический мир 121
Европа 123
Византия 127
Арабо-мусульманский мир 129
Шри Ланка 134
Китай 135
Япония 139
Предметное расположение 139
Алфавитное расположение 139
Хронологическое расположение 145
Географическое (территориальное) расположение 148
Топографическое расположение 148
Расположение по читательскому назначению 149

Глава 10. Вспомогательные указатели. Использование. Читательское назначение. Теоретические и методические материалы 149
Вспомогательные указатели 149
Использование 155
Теоретические и методические материалы 159

СВЕДЕНИЯ О БИБЛИОГРАФАХ

Глава 11. Библиографы 160
Древняя Месопотамия 161
Греция и эллинистический мир 162
Рим 165
Византия 165
Европа 166
Авторы серии о знаменитых церковных писателях 166
Другие европейские библиографы 168
Русь 170
Арабо-мусульманский мир 171

Китай 174
Буддийские каталоги 175
Даосские каталоги 176
Япония 177

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 178

Научное издание

Семеновкер Борис Арьевич

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рукописная информация. Часть 3

Директор издательства *И.И. Шестопалов*
Заведующая редакцией *Л.И. Дорогова*
Художник *В.В. Покатов*
Редактор *Л.А. Опарина*
Технический редактор *Н.В. Соловьева*
Компьютерная верстка *Н.И. Павловой*
Корректор *А.Н. Макаров*

Подписано в печать 24.10.12. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Newton».
Уч.-изд. л. 11,19. Усл. печ. л. 12
Изд. № 5-2012. Тираж 500 экз. Заказ №

ФГБУ «Российская государственная библиотека»,
издательство «Пашков дом»
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
тел./факс: 8-495-695-59-53
e-mail: pashkov_dom@rsl.ru

Эволюция информационной деят
100 руб. 4.3
2 200000 003799

ISBN 978-5-7510-0554-2
9 785751 005542